ЗАПИСКИ

ПСОВАГО ОХОТНИКА

Симбирской губерніи.

П. М. Мачеваріанова.

(Приложеніе къ журналу „Охота“ 1876 г.).

МОСКВА.
Типографія А. Торлецкаго и М. Терехова, на Моховой.
1876.

П.М. Мачеварианов

З А П И С К И

ПСОВОГО ОХОТНИКА

СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ

в двух частях

Приложение к журналу «Охоты»
Москва, 1876 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ:

- **Предисловие**
- **ЧАСТЬ I (первая часть)**
  - ГЛАВА I. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОХОТЫ ВООБЩЕ. ПСОВАЯ ОХОТА — НАУКА. РАЗДЕЛЕНИЕ ОХОТНИКОВ НА РАЗРЯДЫ И ИХ ОПРЕДЕЛЕНИЕ.
    ОПРЕДЕЛЕНИЕ РУССКОЙ ПСОВОЙ ОХОТЫ. СОСТАВ ОНОЙ. СОВЕТ ОХОТНИКАМ О ПСОВОМ ДВОРЕ.
  - ГЛАВА II. КРАТКИЙ МОНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СОБАКИ ВООБЩЕ, ОСНОВАННЫЙ НА ОПИСАНИЯХ МНОГИХ НАТУРАЛИСТОВ И НА СОБСТВЕННЫХ НАБЛЮДЕНИЯХ. ЗНАНИЕ СЛОВА "ПОРОДА".
    ЧТО ТАКОЕ "СТАТИ" ИЛИ "ЛАДЫ", КОТОРЫМИ РУКОВОДСТВУЮТСЯ ОХОТНИКИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ РАЗЛИЧНЫХ ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ ПОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ СОБАКИ. ТОЛЬКО ПО НАРУЖНОМУ ЕЕ ОСМОТРУ.
    ПРИЗНАКИ ОБЩИЕ СОБАКАМ ВСЕХ ПОРОД. РАЗЛИЧНЫЕ ПОРОДЫ БОРЗЫХ И ИХ СТАТИ.
    ПРИЗНАКИ РЕЗВЫХ СОБАК. ПРИЗНАКИ ТУПЫХ СОБАК.
    О СПОРЩИКАХ ВООБЩЕ. "У ВСЯКОГО СВОЙ ВКУС" И "О ВКУСЕ СПОРИТЬ НЕЛЬЗЯ".
    ОШИБОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ НЕКОТОРЫХ ОХОТНИКОВ О СТАТЯХ И КРАСОТЕ БОРЗЫХ СОБАК. ГОРЬКИЕ ОШИБКИ ОТ НЕТЕРПЕНИЯ И НЕОПЫТНОСТИ. ПРИЗНАКИ НЕОБМАНЫВАЮЩИЕ.
    ОПИСАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ БОРЗЫХ СОБАК И ИХ СВОЙСТВ.
    ЧТО ОХОТНИКИ ЕЩЕ НАЗЫВАЮТ ПОРОДОЙ: ВЫБОРЗКИ.
    ОХОТНИЧЬИ ВЫРАЖЕНИЯ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНИ ДОСТОИНСТВА СОБАКИ ОДНИМ СЛОВОМ.
  - ГЛАВА III. СРЕДСТВА ПРИОБРЕСТИ ОХОТНИЧЬИ ПОЗНАНИЯ И РАЗВЕСТИ СВОИ ПОРОДЫ БОРЗЫХ И ГОНЧИХ СОБАК. СОВЕТ МОЛОДЫМ ОХОТНИКАМ.
    ПРИЧИНЫ ЧАСТЫХ СПОРОВ ОХОТНИКОВ ПРИ СРАВНЕНИИ ДОСТОИНСТВ ПСОВЫХ И КРЫМСКИХ СОБАК. МЕЛКОТРАВЧАТЫЕ.
    ОШИБКИ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ МНОГИХ ОХОТНИКОВ ПРИ ВЫВОДЕ ПОРОД СОБАК. КАКИЕ СОБАКИ ЛУЧШИЕ. МЕШАНЫЕ СОБАКИ.
  - ГЛАВА IV. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЧИСТОКРОВНОЙ И ПОРОДИСТОЙ СОБАКИ. ВЫБОР ПЛЕМЕННЫХ СОБАК. СОРТИРОВКА.
    ВЫБОР, ВЫКОРМКА, СОДЕРЖАНИЕ и ВОСПИТАНИЕ ЩЕНКОВ. ИХ ПЕРЕЛАЖИВАНИЕ ВО ВРЕМЯ РОСТА.
    ЗАБОТЫ ОХОТНИКА. ПРИЧИНЫ УНИЧТОЖЕНИЯ МНОГИХ ПОРОД БОРЗЫХ СОБАК В РОССИИ.
    ОХОТНИКИ-ПОПРОШАИ. ПРИЧИНЫ БЕСПОРЯДКОВ В ОХОТАХ. КАК ИЗБЕЖАТЬ ИХ.
    О СМЕШЕНИИ ПСОВЫХ СОБАК С ГОРСКИМИ. РАЗЛИЧНЫЕ ОБ ЭТОМ МНЕНИЯ. ПРАВИЛА ПРИ СМЕШАНИИ.
    ВЫНУЖДЕННОЕ СРАВНЕНИЕ ПСОВОЙ ОХОТЫ С ЕГЕРСКОЙ.
- **ЧАСТЬ II (вторая часть)**
  - ГЛАВА I. О ВЫСВОРКЕ БОРЗЫХ. ВЕЖЛИВОСТЬ. СМЕТЛИВОСТЬ. СВОРА. РЫСК. О НАТРАВЛИВАНИИ БОРЗЫХ.
    О ВЫДЕРЖКЕ БОРЗЫХ И ДОВЕДЕНИИ ИХ ДО НАСТОЯЩЕГО УДАРА. СОСВОРИВАНИЕ.
    ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ НЕОПЫТНЫМ ОХОТНИКАМ В СЛУЧАЕ СОСТЯЗАНИЙ. РАЗЛИЧНАЯ ПОСКАЧКА БОРЗЫХ. БРОСОК.
    ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТЕПЕНИ ИХ РЕЗВОСТИ.
    ОБ УЛУЧШЕНИИ БОРЗЫХ СОБАК ЧЕРЕЗ СЪЕЗДЫ.
  - ГЛАВА II. ЗНАЧЕНИЕ ГОНЧИХ В ПСОВОЙ ОХОТЕ. УПОТРЕБИТЕЛЬНЕЙШИЕ ГОНЧИЕ В РОССИИ. ИХ СТАТИ. ИХ ВЫКОРМКА, ВОСПИТАНИЕ И СОСТАИВАНИЕ.
    О НАЕЗДКЕ ГОНЧИХ И СЛАЖИВАНИИ СТАИ. КАК УЗНАТЬ ИЗ НИХ МАСТЕРОВ. КАКИЕ ГОНЧИЕ НЕТЕРПИМЫ В ХОРОШЕЙ СТАЕ.
    ВАНДАЛЬСКИЙ ПРИЕМ НЕКОТОРЫХ ПСАРЕЙ. ГОЛОСА ГОНЧИХ. ЗВЕРОГОНЫ И КРАСНОГОНЫ.
    О ВРЕМЕНИ НАЕЗДКИ ГОНЧИХ. ИХ СОДЕРЖАНИЕ. ЕЗДА ДОЕЗЖАЧЕГО И ПСАРЕЙ.
    СБЕРЕЖЕНИЕ ЧУТЬЯ ГОНЧИХ ВО ВРЕМЯ ОТЪЕЗДА. ГОНЧАТНИКИ. ПОДБОР ГОЛОСОВ.
    ПИКЕРСКАЯ ИЛИ ПАРФОРСНАЯ ЕЗДА.
  - ГЛАВА III. ПРИВОЛЬЕ РУССКИХ ОХОТНИКОВ. НЕВОЗМОЖНОСТЬ ИЗЛОЖИТЬ НА БУМАГЕ ВО ВСЕЙ ПОДРОБНОСТИ ПРАКТИКУ ПСОВОЙ ОХОТЫ ПРИМЕРЫ НА ДЕЛЕ.
    КАКАЯ БЫВАЕТ ЕЗДА С СОБАКАМИ. УНИЧТОЖЕНИЕ МНОГИХ КОМПЛЕКТНЫХ ПСОВЫХ ОХОТ. ПРИЧИНА ТОМУ.
    СОВЕЩАНИЕ ПЕРЕД ЕЗДОЙ. НАЧАЛО СЕРЬЕЗНОЙ ЕЗДЫ. ПОРЯДОК ПРИ ЭТОМ СОБЛЮДАЕМЫЙ.
    СЪЕЗЖАЯ, СБОРНАЯ ИЛИ ТОВАРИЩЕСКАЯ ОХОТА. ГЛАВНЫЕ ПРАВИЛА ОХОТНИЧЬЕГО УСТАВА. РАВНЯШКА И НАЕЗДКА. ОХОТНИЧЬИ ШУЛЕРЫ. ШКУРЯТНИКИ.
    ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ОТЪЕЗДУ, ПОРЯДОК, ПРИ ТОМ СОБЛЮДАЕМЫЙ. ОБЫВАТЕЛЬ-ОБЪЕЗДЧИК. ЕЗДА НА КРАСНОГО ЗВЕРЯ ПО ЧЕРНОСТОПУ ПО ПОРОШЕ: С ГОНЧИМИ И ПО СЛЕДАМ.
    ВИДЫ ЗАЙЦЕВ. ЕЗДА НА НИХ: "СПОРТСМЕНСКАЯ" И НАСТОЯЩАЯ ДЕЛЬНАЯ.
    ОШИБКА ПСОВЫХ ОХОТНИКОВ.
    АНГЛИЧАНЕ КАК ЗНАМЕНИТЫЕ ВЫВОДИТЕЛИ ПОРОД.
    САРАТОВСКИЕ СОБАКИ.
  - ГЛАВА IV. О болезнях собак и о средствах к их излечению. Общие признаки. О слабительных. Рвотные. О кровопускании. О клистирах или промывательных. О ваннах. О заволоках. О перевязке ран. О мазях. О чуме. О лихорадке. О разбитии или слабости ног. О желтухе. О распетлице. О скорбуте или цинге. О глистах. О ранах. О ранах от укола. О нарывах. Жаба, свинка или заушница. О молочном загрубении. О пупочной грыже. Об ушибах. Обжог. О лишаях. О мозолях. Бородавки. Надсада или надорвание. Ссаднение мякишей. О мокрецах. О вшах. О воспалении глаз. О бельмах. Ушная водянка. Внутренний ушной рак и наружный ушной рак. О переломах. Английская болезнь (Rachitis).
- **Заключение**

Предисловие

Погибающая порода русских псовых собак, уродливость и безобразие всех других переродившихся пород борзых, употребляемых ныне для псовой охоты в России, нелепые статьи, помещаемые в охотничьих журналах, и дикие, фантастические руководства к псовой охоте, издаваемые личностями, не имеющими о ней никакого понятия, заставили меня согласиться на просьбу полевых сотоварищей и решиться издать мои записки обо всем, касающемся до псовой охоты, с изложением тех правил, которыми руководствовались наши предки, и той терминологии, которая употреблялась ими и передана нам дедами и отцами в рассказах и рукописях.

Конечно, на мои записки восстанут общим бунтом охотники-самозванцы и англоманы — доморощенные спортсмены; но добросовестный, честный труд, ссылка на известные в России старинные охотничьи авторитеты, а главное — факты и неопровержимое доказательство всегда на лицо, я уверен, найдут себе много сторонников, как в старых охотниках, доживающих свой век скромненько в какой-нибудь глуши, так и в беспристрастных молодых.

Впрочем, мой критический разбор под рубрикой: "ЗАМЕТКИ СТАРОГО ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ОХОТНИКА НА НЕКОТОРЫЕ СОЧИНЕНИЯ О ПСОВОЙ ОХОТЕ В РОССИИ и на журнальные О НЕЙ СТАТЬИ", служащий проводником настоящих моих записок, может быть порукой, что я не откажусь отвечать на всякий вызов и буду искренно, сердечно благодарен за все дельные и серьезные замечания.

Ничто так не возмущает специалиста — знатока своего дела и притом человека прямого, любящего правду, как то, когда о его специальном предмете какой-нибудь индивидуум гласно запорет дичь, и притом с хладнокровным бесстыдством. Это невыносимо! Точно так нестерпимо больно страстному псовому охотнику видеть, как люди образованные из видов авторского тщеславия (других видов мы предполагать не смеем) явно морочат неопытных людей изданиями нелепых руководств к псовой охоте с такой терминологией, чепуха которой явно высказывает дерзкую, наглую насмешку над выписывающею и читающею почтеннейшею публикой. А у нас, в России, к несчастью, есть еще много субъектов, которые веруют во все печатное, как в теологические традиции. Следуя диким наставлениям этих руководств, охотники-новички уже отвергают старинные правила и древнюю охотничью терминологию, переданные нам в тетрадях, писанных еще под титлами и в редких экземплярах книг, уже исчезнувших из новейших библиотек, так как все это чисто национально-русское, а не заимствованное у иностранцев.

Если б некоторые из нынешних господ охотников, владеющих большими средствами, следили за открытиями новейших натуралистов и, руководимые наукой в соединении с опытом, занимались (хоть бы в подражании английским лордам) улучшением и выводом пород собак с такими качествами, которые высоко ценит каждый истинный охотник, тогда, может быть, изменились бы и издревле принятые правила охоты. Но так как под игом барства, лени и апатии они предоставляют свои охоты (т.е. поддержание пород, воспитание щенков и ведение порядка) в полное распоряжение наемной прислуги, а сами вспоминают о собаках лишь при выездах в поле, где валяют себе по своему крайнему разумению, то русская псовая охота совершенно упала. Где нет положительных правил, там господствуют произвол, неурядица и беспорядок, которые, уничтожая все удовольствия, никогда не соединяют благородных и благовоспитанных людей в дружное общество охотников.

В прежние времена восставали против псовой охоты те жеманные и чопорные русские барыни, которые вздыхали о Франции, о веке Людовика XIV, и которых так ловко отпечатал А.С. Грибоедов: "Ах, Франция! нет лучше в мире края..."

А ныне думают унизить эту благородную охоту пролетарии, семинаристы, строкулисты, кощеи и фаты; но "бодливой корове Бог рог не дает" — говорит пословица. А говоря о прежнем великолепии псовых охот в России, нынешняя псовая охота может быть удовольствием лишь людей достаточных и благовоспитанных, соединенных образованием в дружное общество; а для санкюлотов — пролетариев и одичалых особняков — она недоступна.

До 1842 года у нас охотничьих книг и журналов не существовало за исключением некоторых книжонок, изданных надувательными промышленниками, с огромными оглавлениями, но с превздорными содержаниями, а потому у нас каждый охотник был предоставлен собственному опыту по пословице: "Всяк Еремей про себя разумей". И ныне от недостатка в постоянных сношениях жители степных губерний не имеют понятия о верховских охотах, а верховцы — о степных.

"Журнал коннозаводства и охоты" в 1842 году был приятным явлением для всех истинных охотников. Редактор, г. Реутт, помещал иногда свои собственные статьи, которые, несмотря на какую-то вычурность слога, были довольно интересны, особливо что относилось до содержания племенных собак и до воспитания щенков, А гг. Валунин, Осбальдестон (псевдонимы), гр. А.Т. и другие дарили нас, псовых охотников, презанимательными рассказами, настоящим русским охотничьим языком. С каким сильным нетерпением ожидали мы новых обещанных статей; но... наслаждение псовых охотников продолжалось только 1842 год и до июля 1843 года, а потом стали нас потчивать переводными статьями о львах, тиграх, слонах и т.п., которые для нас были точно так же интересны, как сказки о жар-птице.

Грустно убедиться, что русская псовая охота — эта древняя, любимая забава наших князей, православных царей, именитых бояр и доблестных предков, не только потеряла свое великолепие, но едва-едва держится, и то — в карикатурном виде.

Большая часть столичных и вообще городских зажиточных жителей — дворян все свое время посвящает картам, театрам и камелиям, толкует и пишет о политике, о политической экономии, о расстроенных финансах, а между тем сорит тысячи.

Явным признаком упадка псовой охоты в России могут служить:

1) периодические прекращения изданий всех охотничьих журналов;
2) некоторые изданные руководства к псовой охоте, как например:
    а) "Псовая охота" г. Реутта,
    б) "Псовая охота вообще" г. Венцеславского и прочие им подобные.

В первой — педантическое, высокопарное многословие; вымышленные, небывалые правила в полевой езде и описание не устроенных, а каких-то импровизированных, собранных на скорую руку, сбродных охот.

Во второй — поверхностный взгляд, небрежно схваченные вершки и кое-как высказанные намеки о псовой охоте. Ни в одной книге нет должного описания пород борзых и гончих собак и подробного разбора статей каждой породы, что самое главное. Ни слова не сказано об издревле принятых правилах езды, островной и полевой, с гончими и борзыми, и как эти правила, для избежания споров, строго соблюдаются между

дельными охотниками. Терминология же, особливо у г. Реутта, чисто фантастическая. Я исколесил Россию сетью, знаком с сотнею охотников разных губерний, имею старинные охотничьи книги, писанные еще под титлами, но подобной терминологии нигде не слыхивал и не читывал.

Е.Э. Дриянский в своем прекрасном, живом охотничьем рассказе "Записки мелкотравчатого" высказал о псовой охоте во сто раз более дельнее и поучительнее для неопытных охотников, чем сколько написано в обоих вышесказанных руководствах.

Я решился взяться за перо не с претензией на авторство и не с надутою самоуверенностью знатока своего дела, но — с сердечным рвением, с душевным желанием возбудить к деятельности некоторых, упавших духом полевых товарищей и доказать им, что есть еще бодрые русские охотники, в жилах которых не французский бульон и не немецкий габер-суп, но чистая русская кровь, с той же старинной, молодецкой удалью, которой "принять старого волка на булат" или "сострунить живьем" этого пострела — нипочем! Люди эти живут не в столицах, но в провинциальной глуши, в лесной тиши и в безграничных степях.

Я уверен, что на мой охотничий позыв отзовется не одно русское сердце полевого собрата; их еще немало во всех концах России. Общая наша страсть к благородной охоте не уничтожилась, а только съежилась от тяжелых обстоятельств и общего безденежья. Бог даст, придет время — все перемелется — мука будет. Приглядимся, попривыкнем; а "привычка — вторая натура" — говорит пословица. Предоставим мнимым политикам воображать себя Таллеранами, Миттернихами, Кавурами и Бисмарками, закулисным жрецам муз Аполлона — ходить с пустыми кошельками, с пухлыми ладонями и с охриплыми горлами от восторга, поклонникам четырех мастей — охотиться на зеленом поле за чужими карманами, и всех родов и видов аферистам — надувать себя и публику: пусть тешатся! А сами, идя в ногу с образованием века, не отставая ни от какого общественного прогресса, возьмем себе на долю в свободные часы приятные занятия и умные забавы наших уважаемых предков, как например: конские заводы, рысистые бега, скачки, стрельбу, псовую охоту и т.п. Будем ими наслаждаться без пагубной растраты здоровья и беспутного мотовства трудовых денег.

Обязанностью считаю предупредить господ псовых охотников, что в моих записках они не найдут ПОДРОБНОГО изложения правил езды, т.е. травли красного зверя и зайцев. Этому научит практика в съездах и отъезжих полях с дельными охотниками; но все-таки есть достаточное описание этих охот. Главная же цель моих записок та, чтоб передать незнающим охотникам, как поддерживать, выводить и сберегать породы борзых собак. Для чего необходимы: знание статей, уменье воспитать, содержать и выдерживать собак. Кто поручает исполнение всего этого нанятым людям, без собственного ПОСТОЯННОГО И ТЩАТЕЛЬНОГО НАБЛЮДЕНИЯ, а напротив считает такое занятие для себя неприличным — тот пусть в эти записки и не заглядывает.

Как бы я был счастлив, если б кто-нибудь из истинных псовых охотников отозвался на мой вызов и тем доказал добросовестность моего труда, что это издание не компиляция, а дельный и правдивый высказ сорокалетних опытов старого охотника. Труд мой был бы вполне вознагражден и цель достигнута, потому что тогда последовали бы моим советам для себя с пользой новички на поприще охоты.

> *ПРИМЕЧАНИЕ.* В моих записках будут встречаться повторения. Но в подобном сочинении, где нужны ясность и определенность, этого избежать нельзя.

П.М. Мачеварианов

ЧАСТЬ I
(первая часть)

ГЛАВА I.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОХОТЫ ВООБЩЕ. ПСОВАЯ ОХОТА — НАУКА. РАЗДЕЛЕНИЕ ОХОТНИКОВ НА РАЗРЯДЫ И ИХ ОПРЕДЕЛЕНИЕ.
ОПРЕДЕЛЕНИЕ РУССКОЙ ПСОВОЙ ОХОТЫ. СОСТАВ ОНОЙ. СОВЕТ ОХОТНИКАМ О ПСОВОМ ДВОРЕ.

Охота, вообще, есть сильное влечение, страсть к занятию любимым предметом и энергическое, настойчивое стремление к доведению до всевозможного совершенства как действий, так и различных принадлежностей этого предмета. Успех же в достижении желаемого молодит душу и тешит сердце охотников, бодрит и веселит стариков и молодежь доводит до восторга. Но успех этот достигается не лежа на боку, а приобретается трудом и тонким знанием всего относящегося до избранного предмета охоты.

Всякое знание совершенствуется учением, исследованиями, наблюдениями, опытом, новыми открытиями и взаимными отношениями людей, следящих за одним и тем же предметом. То знание, которое имеет положительные правила, подведено под общие формы, приведено в систему, составляет науку.

В России охотящихся с борзыми много, но ИСТИННЫХ ПСОВЫХ ОХОТНИКОВ чрезвычайно мало. Все мы умеем свистать, но не как соловей; все поем, но не как артисты. Почему же это так? Потому, что везде нужны учение, природная способность, ум и сметка, а слепая рутина доведет только до напрасной траты времени и труда.

Тот еще не псовый охотник, кто завел борзых собак, накупил верховых лошадей, насажал на них людей "с борка и с сосенки", скачет по полям и лесам, травит и кричит во все горло, как будто с цепи сорвался.

Вот описание всех разрядов псовых охотников в России. Они разделяются на охотников:

1) Истинных,
2) Полевых и
3) Приватных, или случайных.

1) В находящейся у меня старинной книжке (писанной под титлами) автор определяет ИСТИННОГО псового охотника следующим образом: "ИСТИННЫМ псовым охотником может быть лишь тот, кто:

а) благовоспитан;
б) образован;
в) умен;
г) честен;
д) благороден;
е) добр и

ж) вечно юн душой.

Хотя эти качества не мешает иметь каждому человеку, но для истинного охотника они необходимы".

а) "Благовоспитанность не дозволит ему вообразить себя Аттилой или Омаром: делать набеги на чужие поля, топтать их и производить опустошения; а собаку, это благороднейшее из животных, считать псом смердящим, который может голодать, мерзнуть и гнить на навозной куче; не допустит его ни до каких неприятных историй в отъездах, а напротив; снискав ему расположение и уважение всех помещиков и казенных крестьян, доставит свободное право охоты во всех местах, избираемых им для отъездов".

б) "Образование — этот светильник ума и мудрый руководитель всех действий человеческих, показав ему в жизнеописании каждого интересующего его животного его свойства и быт, объяснит и научит, в какое время, когда и где какого зверя находить, откроет все способы и средства улучшать породы собак и доводить их до желаемого совершенства".

в) "БЕЗ УМА ГОЛОВА — КУБЫШКА"; а охотнику, кроме распорядительности, знания полевой тактики, необходимо быть находчиву и сметливу. У кого же голова со свищом — тот этих качеств иметь не может.

г) "Без чести,

д) благородства и

е) сердечной доброты не может быть чистой и спокойной совести, а без нее могут ли идти на ум забавы и удовольствия?"

ж) "Юность души — дар неба людям честным, правдивым, добродетельным и разумным. Порочная, беспутная жизнь старит, ржавит душу".

Истинный псовый охотник смотрит на охоту, как на науку; строго держится всех ее правил, соблюдение которых и составляет гармонию, порядок и доставляет удовольствие в охоте. Он неутомимо заботится об усовершенствовании всего состава своей охоты: всегда имеет кровных, породистых, красивых, статных и резвых борзых собак, послушную, слаженную, добывчивую, паратую, в совершенстве съезженную и не стромчивую стаю гончих, быстрых, крепких, досужих коней и считает наслаждением травлю зверей. Но все-таки он любит собак несравненно более, нежели собственно травлю. С каким неусыпным вниманием печется он о воспитании щенков и заботится о сохранении той породы собак, которая вмещает в себя все необходимые наружные и полевые достоинства. Их родословная ведется у него со строгой аккуратностью. Выборзка и вообще собаку некровную и непородистую он ценит ни во что, как бы она в поле лиха ни была, потому что от такой собаки, несмотря на ее лихость, нельзя ожидать приплода с теми же полевыми достоинствами, которыми обладает она: это доказано и утверждено многими опытами. Истинный охотник с презрением смотрит на зверодавов и шкуропромышленников; не терпит езды в неспособное для зверя

время или когда зверь бывает слаб; но уж зато, если затравит цвелого русака, выкунелую лисицу или матерого волка, то с треском и блеском! Мастерски выкажет все достоинства своих собак и приведет в совершенный восторг зрителей, охотников в душе.

2) ПОЛЕВЫХ охотников определить труднее; у них только одна общая черта: все они страстно любят собственно охоту, т.е. езду и травлю. Некоторые умеют разобрать стати и лады собаки, по ее приметам определить ее резвость; но что странно, недостает у них знания (а может быть, и терпения) вести и улучшать породу. Многие из них отличные распорядители во время облав и в отъезжих полях; мастера узнавать и определять лазы зверя (при езде с гончими) даже в незнакомых островных местах; знатоки всех охотничьих приемов, как, например, вовремя сбросить со своры и ловко затравить зверя. Одним словом, в поле — профессора! Но дома?.. Дома они ограничиваются лишь СТРОГИМИ ПРИКАЗАНИЯМИ о соблюдении чистоты и порядка на псарном дворе; а всем, я думаю, известно, как у нас исполняются эти строгие приказания. Исполнители сваливают и ссылаются друг на друга: Кузьма на Трифона, а Трифон на Петра: Наврут с три короба — и ждите тут добра.

Нечистота постоянная, чума и парши бесперводные! Вся же личная деятельность этих господ ограничивается сливанием и собиранием во время домашнего обеда остающегося в тарелках кушанья в лохань для прикармливания любимых собак своей своры; но все-таки и этой заботой обременяются не все, а только некоторые из них.

Хотя у многих полевых охотников попадаются в барских сворах добрые ловцы и надежные волкодавы, но, непременно, эти собаки или покупные, или подаренные; потому что у этих господ свои породы ведутся без толку, без знания и без надзора. Тут нет должного, основанного на науке и опыте разбора при избрании и сортировке производителей; а берегутся резвые собаки с резвыми, злобные с злобными. От столкновения же одинаково порочных статей в кобеле и суке родятся уроды; а от недостатка кровности и породистости результатом бывают: обманутая надежда и хозяину предлинный нос!

Вот отчего стали редки в России породистые, красивые, ладные и резвые псовые собаки. С.Т. Аксаков сказал: "Оттенки охотников весьма разнообразны, как и сама природа человеческая".

То же самое следует сказать об охотниках полевых. Смотря по характеру, свойствам и наклонностям каждого некоторые из них любят добрых псов, травят ими с азартом и увлечением; а по миновании удовольствия ленятся заняться собакой и забывают о затравленном звере. Другие же, напротив, видят в собаке капкан, в зайце — жаркое, в лисице — салоп и в волке — пищу для хвастовства. Преобразив свои охотничьи комнаты в меховые лавки, хвалятся итогами и величиной затравленных зверей. Попробуйте сделать этим господам приятельское замечание, что они не берегут своих собак и совсем о них не заботятся, вы услышите всегда один и тот же лаконичный ответ: "Собака — пес, пес она и есть!" Им непонятны страстные любители и ценители красоты, резвости, ловкости и силы благородных животных.

Истинные охотники не слишком долюбливают охотников полевых за существующие в их охотах беспорядки (как главное основание всех зараз) и за их

попрошайство: "Дай мне, милый, щеночков" или: "Подари собачку". Этим канючаньем крепко донимают они истинного охотника, хотя почти постоянно получают отказ. Так и следует: к чему баловать этих баричей, которые надеются лишь на деньги и на снисходительность приятелей, а сами сибаритничают и не хотят употребить в дело своего внимания и личной деятельности, без которых ничего желаемого достичь нельзя.

3) ПРИВАТНЫМИ, или СЛУЧАЙНЫМИ охотниками называются те свободные рыцари, которых обеспеченное состояние, незнание ни в чем нужды с детства приучили ничего не делать и думать только об удовольствиях, а потому они никогда не отказываются участвовать во всех parties de plaisir. У них на всякий случай есть своры две-три борзых; но только они выезжают в поле не по страсти к охоте, а ради моциона и возбуждения аппетита. К полудню или к часу они делаются необыкновенно зорки; но только не в перевидении зверя и не в подозрении русака, а видят издалека, где вьется дымок и какой-нибудь Сенечка на заранее назначенном месте готовит великолепный фриштик, состоящий из дюжины сортов тартинок разных гастрономических наименований: форшмаков, сборной селянки со всеми возможными соленьями и приправами, и проч. и проч. Вот у этого-то огня начинаются горячие споры; но само собою разумеется, не об охоте, а о том, где и когда употреблять анчоусовое масло; из чего лучше сальми: из рябчика или из куропатки; после одного стакана или после трех Clos Voudeot действует на нервы, и проч. и т.п.

Многие столичные охотники не взлюбили русские слова: ОХОТА, ОХОТНИК и переименовали их в СПОРТ и СПОРТСМЕН. Для чего и почему это? Обширнее ли или сладкозвучнее, или благороднее значение английских слов в сравнении с русскими? Уж не для отличия ли от низшего сословия? Мужичок охотником себя назовет, но чтоб выговорить СПОРТСМЕН, он десять раз поперхнется, и на одиннадцатом язык его завяжется узлом. Радуйтесь господа СПОРТСМЕНЫ! Отличились! Один, хотя столичный житель, но старинный, уважаемый нами псовый охотник на просьбу нашу объяснить, что это за СПОРТСМЕНЫ, отвечал: "Это те фанфароны, которые душой и телом подчинены моде, как бы она, временем, дика ни была.

Солидные и образованные русские патриоты заботятся о восстановлении народности и поддержании национальности; а они-то, голубчики, из шкуры лезут в англоманы! Не имея никакого понятия о стройных русских псовых охотах, руководствуются одними английскими журналами: Sportihg Magazine для них выше, чем были для народов законы и кодексы Солона, Ликурга, Фридриха Великого и Наполеона I. Их охотничья терминология, лично им принадлежащая, совершенная дичь, в роде офенского языка (которым объяснялись старые разносчики, надувая деревенских покупателей); потому что эти СПОРТСМЕНЫ со старинными охотниками не знакомы и в серьезных съездах никогда не бывали".

ПРИМЕЧАНИЕ. Для отличия от приватных или случайных охотников и СПОРТСМЕНОВ истинных и полевых охотников называют НАСТОЯЩИМИ или ДЕЛЬНЫМИ ОХОТНИКАМИ.

Псовые охотники почти все домоседы: трудолюбиво занимаются хозяйством, исполняют свято все обязанности гражданина и дворянина, следят посредством журналов за образованием века; всегда готовы жертвовать достоянием на всякое общеполезное улучшение; любят тишину, спокойствие и враги всех беспорядков и демонстраций.

Взгляните беспристрастно на эту симпатию, существующую между охотниками, взаимную внимательность, откровенность, смелость, отвагу, веселость характера, деятельность, заботливость, любовь ко всему окружающему: не есть ли это вывеска душ истинно благородных?

Привязанность охотника к родине безгранична. С какою любовью смотрит он на свои поля, луга, рощи и вообще на окружающую местность. Каждый куст, бугорок, овражек красноречиво говорят его памяти о приятных событиях в кругу добрых, избранных товарищей. Да и где может быть такое раздолье охотнику, как не в нашей громадной, беспредельной России? Леса дремучие; отъемные острова около каждого охотника не только не выездишь, но не скоро пересчитаешь; степи бесконечные, с волнистыми ковылями, вишенниками, ракитниками, бобовниками — любимыми лежками русаков и местами постоянных мышкований лисиц. Наш егерь в дозволенное законом время стреляет во всеуслышание: пусть эхо разносит его выстрел от Прута до устья Амура и от Северной Двины до границ Персии. Он не боится, что к нему явится из-за куста красноносый штиблетник в треугольной шляпе с вопросом: "Mounsieur! Botre poit — d arnus?" (Дорогой! Ваше разрешение на ношение оружия).

А псовый охотник, у которого собаки в роде "СПОРТСМЕНСКИХ", может провожать лихого степного русачка из горизонта в горизонт — сколько его лошадь и собаки могут вынести, не опасаясь того, что проскачет чрез пятьдесят запрещенных границ. За что на Западе всю жизнь не выпутался бы из процессов. Наши русские землевладельцы совершенно чужды меркантильных расчетов, столь обычных у западных народов, которые правила политической экономии превратили в пресс, выжимающий копейки из всего, не щадя ни утробы, ни жизни ближнего. В наших провинциях достаточно одного намека охотника, чтоб получить от владельца или управляющего местностью не только дозволение, но радушное приглашение; а потому русский охотник всегда гордится пред иностранцами правом свободной, раздольной охоты во всех концах России.

После всего сказанного как нашему охотнику не благословлять Провидение, что оно удостоило его именоваться сыном благословенной России!

Мы подсмотрели однажды, как наш земляк-охотник, служивший в Польше и не видевший лет десять своих полей, возвращаясь на родину и проезжая знакомыми местами, выскакивал из экипажа и перед каждым островом отвешивал по земному поклону. Подобных примеров много и, конечно, такой человек не только имения, но вершка родной земли не отдаст за всю заморщину; а название космополита примет за кровную обиду.

Вот для таких-то господ я пишу свои записки, а не для СПОРТСМЕНОВ, тех отчаянных англоманов, которых я описал выше.

ПСОВАЯ ОХОТА есть любовь к борзым и гончим собакам, к травле зверей и вообще ко всему, входящему в состав этой охоты. Страсть эта точно так же благородна, как страсть к ружью, лошадям, цветам, музыке и т.п.; но если она не ограничена рассудком, тогда — как и все безумные страсти — никуда не годится. Хлеб нас питает и поддерживает нашу жизненность; но и хлебом можно объесться и умереть.

Псовая охота имеет свои правила и законы, принятые и соблюдаемые охотниками, и свои действия, приведенные в систему. Производство ее доставляет охотникам по призванию душевный и телесный моцион, бодрость старикам, смелость и ловкость молодым, кипучую отвагу всем возрастам, полное наслаждение, восторг до замирания сердца, довольствие настоящим и неувядаемую надежду на будущее. "Эх друг! Какие на

будущий год будут у меня собаки-то!" — вот задушевное восклицание каждого страстного охотника, повторяемое им ежегодно и до конца жизни.

Псовые охотники не знают, что такое "сылин", "раннее разочарование", "белужье равнодушие", "ржавая печать опыта", "мечты, увядшие на заре жизни", "нервные расстройства" и тому подобные селадонно-романтические болезни, производящие душевную чахотку. Охотник не боится ни дождя, ни снега, ни грязи, ни метели: он находит поэзию во всех атмосферных переменах и всегда в ладу с зефиром и бореем.

Состав русских псовых охот известен всем настоящим охотникам. Комплектная псовая охота состоит из стаи гончих и нескольких свор борзых. Производится она всегда верхом. Охотники же, ее составляющие, следующие:

1) ЛОВЧИЙ;
2) СТРЕМЯННЫЙ;
3) ДОЕЗЖАЧИЙ;
4) ВЫЖЛЯТНИКИ, или ПСАРИ;
5) БОРЗЯТНИКИ, или БОРЗОВЩИКИ, а в некоторых губерниях называют их просто ОХОТНИКАМИ и
6) КОРЫТНИЧИЙ.

1) ЛОВЧИЙ — главный смотритель всей охоты, отвечающий за все беспорядки. Он отличается примерным поведением, трезвостью, сметливостью и совершенным знанием езды доезжачего и борзятника. Все охотники находятся у него в полном повиновении. Он имеет в своем заведывании кладовую, где без езды хранятся все охотничьи вещи, как-то: парадная одежда, седла, конская сбруя, ножи, своры, арапники, ошейники и пр. Все охотники, когда нет езды, при нем один раз в неделю вытирают медные и железные вещи; кожаные смазывают, а из суконных выбивают пыль. Ловчий всегда должен находиться при утренней и вечерней кормежке собак; смотреть за соблюдением чистоты в псарных избах, собачьих закутах и дворах, а более всего за поведением охотников и за точным исполнением их обязанностей; поэтому-то жилище ловчего непременно должно быть рядом с псарным двором. Ловчий имеет список всем собакам по их кличкам с обозначением пород, мастей и особенных примет. Он записывает числа бережки сук: с каким именно кобелем какая блюдена, когда и сколько пометала.

Ловчий обязан знать:

а) все лекарства от наружных болезней; о появлении же признаков внутренних немедленно доносить господину; в отсутствии же его сам пользует по лечебнику заболевших собак;
б) все островные места, как в своих, так и в отъезжих полях — со всей топографической точностью, чтоб определить лазы зверя и расставить борзятников не на пустые места;
в) сколько за каждым борзятником собак в рыску и каких именно.

Свою же свору имеет примерно высворенную. Во время езды в своих и отъезжих полях ловчий присутствует при седлании лошадей, чтоб от беспорядочного и торопливого седлания лошади не были набиты, потерты и обсаднены. Точно так же и по возвращении с поля должен осмотреть всех лошадей: нет ли набоя, ссадин, засечек, хромоты, не ослабли ли подковы и проч.т.п.

2) СТРЕМЯННЫЙ смотрит за барской сворой, т.е. за всеми борзыми собаками, которые считаются в рыску за господином; высваривает их, чтоб были вежливы и послушны без своры; кормит всегда сам и после утренней и вечерней кормежки чешет их гребнем, гладит щеткой, суконкой и рукой. Закуты барской своры чистит поутру и вечером; подстилочную солому переворачивает и сменяет ее три раза в неделю. О каждой хватке и наружной болезни собаки доносит ловчему; а если которая собака не ела две кормежки сряду (т.е. утреннюю и вечернюю или вечернюю и утреннюю), то немедленно отделяет ее от других собак и сейчас же объявляет ловчему. Когда у суки окажутся начальные признаки пустовки, то ее отсаживает, т.е. запирает в отдельный, нарочно для этого устроенный чулан (как будет описано в главе IV), записав число, в которое отсажена, и потом с точностью исполняет приказания ловчего. В поле стремянный находится безотлучно при господине, становясь с ним рядом и отъезжая только по особенному его приказанию. В отъездах стремянный смотрит за господским седлом с принадлежностью и за всеми его охотничьими вещами; а также его обязанность наблюдать за барской верховой лошадью.

3) Главное лицо в охоте, то есть то, которое угощает охотников скучным, или потешным полем, это — ДОЕЗЖАЧИЙ. Обязанность его смотреть за гончими, приучать их с шестимесячного возраста (т.е. когда поступят на смычки) к себе, довести до совершенного повиновения, как дрессированную легавую собаку, т.е. чтоб они были к нему привязаны, а между тем его боялись, знали бы рог и были позывисты. Потом должен наезжать их, чтоб гоняли стайно. Обязанности, езда, сметка, все действия, даже характер доезжачего прекрасно описаны г. Дриянским в его охотничьем рассказе "Записки мелкотравчатого", но только, не знаю почему, доезжачий назван у него ловчим. Доезжачий должен быть охотник по призванию: страстный любитель гончих, деятельный, умный, ловкий, сметливый, проворный, голосистый, с крепкой грудью и с железным здоровьем. Его арапник — магический жезл, которым он управляет стаей гончих. Его речитативы, трели, заливные перекаты, соловьиные присвисты, рассыпчатые охотничьи прибаутки магнетизируют гончих до ясновидения. Его волшебный возглас: "Береги поле!" пролетает электричеством по сердцам охотников и приготавливает душу к чему-то торжественному. У ловкого доезжачего откуда зверь берется; некогда зверю обозрить охотников; все, что в острову, без памяти несется вон. Тешься! Успевай только принимать. Но если доезжачий в острову не ездит, а плетется, не парскает, а зевает, дремлет, каплюжничает со своей тавлинкой и рассуждает, прикрякивая о забористой понюшке знаменитого шарановского или березинского дергунца тогда гончие разбиваются, врут, не справляют удалелого, не находят упалого зверя и перекликаются, как девки, ходя по лесу за грибами. Такая езда наводит на флегматического охотника тяжкую дремоту; горячий же и нетерпеливый — плюнет на остров, пожелает доезжачему поперхнуться и подавиться его парсканьем, а сам отправится втихомолку шарить по ковылям и мелким кусточкам. Порядок нарушен и, следственно, нет удовольствия.

4) У доезжачего должны быть два помощника: ПСАРИ и ВЫЖЛЯТНИКИ. Они выкармливают гончих щенков (выжлят) до поступления их на смычки. Потом вместе с доезжачим кормят и холят гончих, из которых непослушных и во время гоньбы отбивчивых по его приказанию наказывают арапником. Сам же доезжачий никогда не бьет гончих, а приводит их к повиновению строгостью голоса, лаской, прикормкой и арапниками псарей. Вообще псари находятся в распоряжении доезжачего, равняются с ним при напуске в острову, парская и хлопая, пока гончие

не натекут на зверя; тогда уже они сваливают их, стараясь держать в стае, наказывая отдирчивых и отбойных, вообще исполняя все приказания доезжачего.

5) Во всех, известных мне псовых охотах в России находились в комплекте так называемые ОХОТНИКИ, или БОРЗЯТНИКИ, избираемые и назначаемые из дворовых людей, то есть: из лакеев, кучеров и мастеровых. Число их простиралось от четырех до тридцати человек и более.

Сознаюсь, господа, я всегда считал это принятое издавна и укоренившееся правило — составлять охоту из крепостной прислуги — непростительной ошибкой. Все это заимствовано от польских магнатов, которые окружали себя бедной шляхтой, раболепствовавшей перед каждым туго набитым дукатами мешком. Ясновельможное панство надувалось и пыжилось, как индийский петух перед своим дворовым штабом, и потешалось пьяным шутовством нахлебников. Но все-таки там была, хотя вынужденная голодом и холодом, но добрая воля. "Охота не неволя" — говорит пословица. Охотник может быть хорош по призванию, а не по приказанию, как это было во время крепостного права. Для борзятников должно было содержать лишних собак, что составляло огромную псарню, где не могло быть никогда совершенной чистоты и должного порядка. А где этого нет — там чума и парши беспереводные. Кроме того, можно ли было ожидать требуемого порядка в отъездах, когда эта команда и дома-то, при всей строгости надзора, всегда бывала в положении, едва-едва похожем на порядок?

Как странно, даже дико, слышать в наше время от умного и образованного человека с отличным состоянием слова: "Я УНИЧТОЖИЛ свою охоту: тяжело, дорого содержать наемную прислугу". А проиграть в вечер пять, десять тысяч? Поднести примадонне браслет во столько же? Или бросить за границей (Не говорю о доезжачем и псарях, которые необходимы — *Прим. автора*) двадцать — не жаль и не тяжело? Да разве вместо уничтожения нельзя сделать благоразумное уменьшение охоты? А именно, чтоб ее составляли лишь следующие необходимые лица: стремянный, доезжачий с двумя псарями, корытничий и один борзятник — он же и ловчий. Ведь вы не шкурятник, не торговец пушным товаром и мехами. Вздумали поохотиться дома или в отъезде — сейчас послали к добрым товарищам с приглашением потешиться с вашей стаей, состоящей из семи или десяти смычков породистых гончих: больше не нужно.

Поверьте мне, если вы добрый, радушный человек, как следует быть истинному охотнику, тогда всякий сочтет за удовольствие явиться к вам на лихом коне, со своим стремянным, с летучими на своре, с душою нараспашку, с сердцем на ладошке и с головой к вашим услугам для приятных выдумок и приятельских советов. Можете себе представить, в каком вы тогда выигрыше: общество, избранное по душе, товарищи и соперники, вас достойные, есть с кем потолковать, померить лихих и поспорить хоть до слез. Тут совет, тут и помощь, потому что "ум хорошо, а два лучше". Порядок будет примерный. Ваш глаз тут не один, а возвышенный в третью или четвертую степень. В поле вы утешаетесь вдесятеро, потому что и другим доставили удовольствие, а возвратясь на квартиру, наслаждаетесь такою беседою, которая даже в воспоминании будет доставлять вам душевное удовольствие.

Чем стравливать Яшку с Ганькой да Федьку с Ванькой — не лучше ли самим мило пошутить и вдоволь насмеяться над общими полевыми промахами и ошибками. Искренний совет наш основан на многолетнем опыте и предложен от чистого

сердца с благородным намерением истребить с корнем ошибочное, дурное мнение многих о псовых охотниках, соединить полевых собратов в тесный, дружественный кружок и восстановить упавшую национальную, благороднейшую прародительскую охоту.

Люди расчетливые, среднего состояния, мне на это возразят: "В нынешнее время и одного гостя пригласить тяжело; с ним прибудут: кучер, стремянный, тройка упряжных лошадей, две верховых да собаки". Приглашайте не к себе, а в отъезде поохотиться с вашей стаей гончих; назначьте главный съезжий пункт и станции переходов. Если же какая местность так богата островами, что их достанет на целую осень, довольно определить и один пункт стоянки.

Будьте уверены, если приятель ваш благовоспитан, а следовательно, и деликатен, то он и сам смекнет и не пробудет СОБСТВЕННО У ВАС В ДОМЕ долее двух или трех дней; а потом будет вас подбивать ехать в другие места. Щедры чужим добром, расточительны чужой собственностью маменькины сынки, шерамыжники, бесстыжие наглецы и пролетарии.

Если разобрать материальные охотничьи выгоды, от подобных приятельских съездов происходящие, они неисчислимы. (Об этом я пишу в части II, в конце главы 1).

6) КОРЫТНИЧИЙ никогда не ездит ни в поля, ни в отъезд; это чернорабочий, который дома готовит корм для всех собак и щенков, держит в чистоте и порядке всю псарную посуду, как-то: корыта, ушата, шайки и проч. Он же с одним из псарей чистит псарный двор и закуты у борзых. А другой псарь с доезжачим — у гончих. Корытничий во время осеннего отъезда обязан кормить оставленных борзых и гончих собак. А при домашней езде (в ближних островах или в равняшку) приготовить котлы с наваром и все необходимое для корма к возвращению охотников с поля; в грязное же время — нагреть воды для подмывки загрязнившихся собак, особливо псовых, и для промывки ног всем собакам.

Я должен сказать хоть несколько слов о псарном дворе.

Ничего не может быть хуже для борзых собак, как держать их взаперти: это аксиома. Кроме страшного вреда для их здоровья, они теряют все качества, которые дала им природа и порода; а потому я жесточайший противник всех псарных дворов. Но как нас, грешных, которые ведут свою породу добрых собак, известных своими полевыми достоинствами многим охотникам, вынуждает зарезная крайность держать и воспитывать от 20 до 40 собак и более (со щенками), потому что уничтожить красивых, статных и породистых собак охотники считают преступлением, то строится особенный двор для их житья с разными удобствами. Нельзя же распустить по воле такую ораву. Это допускается только в Турции и Египте. Те же господа, которые содержат не более 6, 8 собак и запирают их на псарных дворах, грешат против гагаены, имея всю возможность держать своих борзых на полной свободе. Я пишу об этом во II части, в главе 1, в статье "О ВЫДЕРЖКЕ СОБАК".

Всех подробностей об устройстве псарного двора писать я не буду, а скажу только, что для него выбирается возвышенная совершенно сухая, покатая и, при возможности, каменистая местность. Если же такого грунта нет, то необходимо вымостить дворы, как шоссе. От мягкого же грунта собаки делаются лаписты, толстопяты и нежны ногами. А от

сырого места — подвергаются ревматизму (английск. болезни), которая изуродует, изувечит самых кровных и породистых красавиц.

Двор этот должен быть, примерно на двадцать собак, не более 20 сажен в длину и столько же в ширину, кругом с навесом, как постоялые дворы. Посреди лицевой стороны (переднего фаса) двора в равном расстоянии от углов ставится двойная изба, отделяемая одна от другой сенями и чуланами, и в каждом углу по закуте (клеву) с нарами, которые не должны быть выше пяти вершков от земли.

Рядом с псарным двором устраивается другой большой двор, называемый ВЫПУСК или загородь, от 60 до 80 квадратных сажен для выпуска собак на игру и расправление перележалых мускулов. Выпуск соединяется с псарным двором воротами, а не калиткой для того, чтоб при выпускании собак они не сшиблись или какая-нибудь не ударилась сальцем о косяк, от чего стала бы хромать до своей смерти, потому что этот ушиб неизлечим.

Выпуск должен быть окружен забором от 5 аршин до 2 сажен вышиною, с небольшим навесом, чтобы собаки, разыгравшись, не могли перепрыгнуть. Конечно, тупица, вареная размазня, лещеватая, редкоребрая собака, без черных мяс, со слабыми, рыхлыми тетивами (ахиллесовы жилы) не перепрыгнет и через 4-аршинную ограду. Но для добрых, породистых, мускулистых псов и на 5-аршинных заборах делаются навесы из лежащих легких лесенок.

У стены выпуска (не внутри, а снаружи) должен быть колодезь, и сквозь забор проделано отверстие для желоба, под которым (уже внутри выпуска) постоянно находится корыто, поставленное вдоль забора — под навесом. Более никаких подробностей о псарном дворе я не скажу.

Точно такие же дворы должны быть устроены и для гончих.

> *ПРИМЕЧАНИЕ.* Ловчий, доезжачий, выжлятники и корытничий должны жить непременно в избах псарного двора и находиться там безотлучно; стремянный же может быть и из комнатной прислуги.

Мне могут сделать вопрос: "Чем же и как вы избавляетесь от вреда, причиняемого здоровью собак псарным двором?" Отвечаю: "Примерной чистотой, опрятностью и уксусным кореньем в закутах, а потом, разделив собак на две половины, с одной два человека отправляются в поле в провадку, а другую выпускают на гумно, и за этой половиной собак строгий надзор. Таким образом, собаки меняются КАЖДОДНЕВНО: сегодня одна половина в поле, а завтра — другая. И все это производится под моим строгим НАБЛЮДЕНИЕМ во всякое время года, выключая ураганы, бури, град, ливень, землетрясения, бураны и метели".

ГЛАВА II.

КРАТКИЙ МОНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК СОБАКИ ВООБЩЕ, ОСНОВАННЫЙ НА ОПИСАНИЯХ МНОГИХ НАТУРАЛИСТОВ И НА СОБСТВЕННЫХ НАБЛЮДЕНИЯХ. ЗНАНИЕ СЛОВА "ПОРОДА".
ЧТО ТАКОЕ "СТАТИ" ИЛИ "ЛАДЫ", КОТОРЫМИ РУКОВОДСТВУЮТСЯ ОХОТНИКИ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ РАЗЛИЧНЫХ ПРЕДПОЛАГАЕМЫХ ПОЛЕВЫХ КАЧЕСТВ СОБАКИ. ТОЛЬКО ПО НАРУЖНОМУ ЕЕ ОСМОТРУ.
ПРИЗНАКИ ОБЩИЕ СОБАКАМ ВСЕХ ПОРОД. РАЗЛИЧНЫЕ ПОРОДЫ БОРЗЫХ И ИХ СТАТИ.
ПРИЗНАКИ РЕЗВЫХ СОБАК. ПРИЗНАКИ ТУПЫХ СОБАК.
О СПОРЩИКАХ ВООБЩЕ. "У ВСЯКОГО СВОЙ ВКУС" И "О ВКУСЕ СПОРИТЬ НЕЛЬЗЯ".
ОШИБОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ НЕКОТОРЫХ ОХОТНИКОВ О СТАТЯХ И КРАСОТЕ БОРЗЫХ СОБАК. ГОРЬКИЕ ОШИБКИ ОТ НЕТЕРПЕНИЯ И НЕОПЫТНОСТИ. ПРИЗНАКИ НЕОБМАНЫВАЮЩИЕ.
ОПИСАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ ВИДОВ БОРЗЫХ СОБАК И ИХ СВОЙСТВ.
ЧТО ОХОТНИКИ ЕЩЕ НАЗЫВАЮТ ПОРОДОЙ: ВЫБОРЗКИ.
ОХОТНИЧЬИ ВЫРАЖЕНИЯ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТЕПЕНИ ДОСТОИНСТВА СОБАКИ ОДНИМ СЛОВОМ.

Собака принадлежит к числу самых полезнейших домашних животных, в каком бы отношении ее ни рассматривали. Верный и преданный друг человеку; неустрашимая защитница своего хозяина и его собственности; орудие его удовольствий на охоте; товарищ его подвигов во многих случаях в жизни — она всегда служила эмблемою самых благородных, высоких свойств души, как например: неустрашимости, верности, дружбы. Поэты ее воспевали, философы выставляли примером доблестей.

Употребив с умом и толком те способности, которыми одарена собака, человек пользуется от нее значительными услугами. Поручит ли ей охранение своего жилища — она делается самым бдительным, неподкупным стражем. Заставит ли ее следовать за собою в дальних странствиях — он находит в ней верного, преданного и осторожного товарища. В неизбежной опасности или при внезапном нападении этот ревностный слуга, не справляясь ни со своими силами, ни с силами врага, стремглав бросается на защиту своего хозяина, борется неустрашимо и только с жизнью уступает победу, которая принадлежала бы ему, если б отвага и верность всегда достойно награждались счастьем и успехом.

Привязанность и усердие собаки к человеку так велики, что, проникнутая точным и ревностным выполнением всякого его назначения, назначение это у нее как бы прививается в кровь и впоследствии передается в потомство, как природная, врожденная уже способность. Например: здесь приучают ее вырывать у волн жертвы, которые они грозят поглотить, и она, как бы гордясь столь благородною обязанностью, на нее возлагаемою, впоследствии уже сама собою бодрствует при берегах вод, выжидая случая выказать свою преданность. Таковы ВОДОЛАЗЫ — собаки ньюфаундлендские.

В другом месте, под руководством благочестивых иноков, собака пробегает по всем направлениям пустынные места снежных гор, ища заблудившихся путешественников, ободряя их еще издали своим лаем, имеющим особенное выражение; отыскав же их, она за ними ухаживает и потом ведет в обитель, где им доставляется вспомоществование, приуготовленное благотворением и любовью к ближнему. Таковы собаки сенбернардские.

Собака вообще одарена способностью помнить и понимать большое количество слов и узнавать голос лиц, к ней близких. Разнообразность ее лая, ее осанка, различные ухватки, приемы, глаза, движения ее хвоста, одним словом, все ее действия выражают какое-либо значение, по которому легко понять ее различные ощущения. Достаточно одной этой ее природной мимики, чтоб видеть в ней умнейшее из всех четвероногих животных. Постоянное усердие, признательность, жалобы на отсутствие, радость при возвращении выказываются ясными и понятными знаками. Никакого желания мщения, никакой боязни, как только прогневить хозяина и ему не угодить; внимательная к одним его приятелям, она злобна только против его врагов: злобу эту она выражает, ощетинив псовину (шерсть) на шее и на спине, ворча и оскаливая зубы; тогда глаза ее сверкают и вся наружность принимает угрожающий вид. После дальнего странствования, которое заставили ее совершить в какую-нибудь местность хоть однажды, даже в экипаже, она не забудет обратного пути и отыщет свою дорогу.

Наконец, из всех животных она одна призывает своего хозяина жалобными криками, когда его теряет и не может найти.

Независимо от качеств, принадлежащих всем собакам вообще, природа одарила некоторые из них виды особенными способностями. Между этими видами есть охотничьи собаки, родящиеся с необыкновенно тонким чутьем, которое воспитанием и практикой развивается до совершенства. Они находят дичь, которая от частых охот сделалась редкою или тайкою. Идя впереди своего хозяина, не переставая быть внимательными ко всем его движениям, они отыскивают птицу извилистым ходом, снуются по местности нос кверху, чтоб втянуть запах, который ветер или струя воздуха могут им навеять. Наконец, их упорное, настойчивое старание венчается успехом: они узнают присутствие дичи. Тогда с пылающими глазами, с поднятой лапой останавливаются недвижимо, как изваянные, ожидая, чтоб броситься на причуянную добычу, приказания хозяина. Таковы все собаки легавые и вообще подружейные.

Другие, неутомимые в беге, преследуют диких зверей в частых лесах, разбирая по следам их хитрые извороты при помощи превосходного чутья, отыскивают скрывшихся, взбуживают снова и упорным преследованием, сопровождаемым особенно звучным, гармоническим взлаиванием, выставляя на ружейный выстрел или на молодецкую, жгучую свору собак (о которых сейчас скажем), делают их добычей своего хозяина. Это — собаки гончие.

Наконец, вот эти, которые, не имея тонкого обоняния, одарены летучею быстротою ног, соединяя в себе отвагу, ловкость, сметливость и силу. Эти качества доставляют им верную победу не только над теми животными, которые спасаются от преследования легкостью бега — единственной защитой, данной им природой, но и над зверями хищными, злобными и вместе с тем хитрыми. К этому виду принадлежат все породы рослых борзых собак.

Гончие и борзые составляют специальные предметы наших описаний. Последняя порода, беспрекословно, в России есть лучшая (Но которую у нас не умеют ни ценить, ни беречь, потому что она домашняя — не заграничная. — *Прим. автора*). Этому способствуют: многоземельность, безграничные степи, обширные поля и вообще открытые и ровные местности на большом пространстве: есть где развернуться, расправить ноги, укрепить мышцы, утвердить мускулы, навострить зрение; потом — свободное право охоты в определенное время и радушная снисходительность русских землевладельцев, чуждая мелочных расчетов.

Несмотря на все превосходные качества описанных нами благородных животных, находятся еще люди, которые их ненавидят, гонят и безотвязно преследуют своей злобой. Мы полагаем, что это происходит от зависти к тем достоинствам собак, которые не мешало бы иметь этим господам.

Приступая к описанию борзых собак, употребляемых в России, рассмотрим прежде и объясним значение охотничьих слов, а именно: что такое ПОРОДА, СТАТИ или ЛАДЫ, наружные основные ПРИЗНАКИ, ПРЕДМЕТЫ и проч. и проч.

Сколько я перечитал русских книг о псовой охоте — ни в одной нет основательного и подробного описания о выводе и поддержании пород борзых собак. Есть кое-что в старинных книжках о статях и ладе, но о правилах разводки, т.е. о выборе и сортировке производителей, о воспитании щенков, о развитии необходимых качеств в собаке — нет ни слова.

Беру на себя смелость рекомендовать господам истинным псовым охотникам совершенно дельные статьи по этой части, встреченные мною в книге г. Н. Основского "ЗАМЕЧАНИЯ МОСКОВСКОГО ОХОТНИКА НА РУЖЕЙНУЮ ОХОТУ С ЛЕГАВОЙ СОБАКОЙ". Хотя здесь обращено внимание на легавых собак, но есть много основных, руководящих правил для ведения всех пород собак по желанию выводителя. Те правила, которые могут быть применимы к выводу борзых собак, начинаются в этой книге с 99 страницы до 106-й и потом — статья нашего известного натуралиста К.Ф. Рулье (помещенная в этой же книге) со страницы 115, кончая страницей 151.

Более сорока лет я, псовый охотник, веду свою породу борзых собак и держусь правил, здесь изложенных, за десять лет до издания этой книги. Кроме того, руководствовались этими самыми правилами задолго до меня известные дельные псовые охотники: князь М.Н. Чегодаев, Н.М. Наумов, господа Плещеев, Перхуров, Сущов и многие другие. Но "один в поле не воин" — говорит пословица. Меня увлекала кипучая молодость и слепая страсть, но седой опыт доказал мне все безумие моих порывов. Граф А.Г. Орлов ОДИН вывел породу рысаков; но он был мощный русский вельможа! А я — суслик, вздумал сделать то, что доступно только льву. Много ли у нас железных дорог, которые носят название какой-нибудь единичной личности? А все: "ОБЩЕСТВО дороги X, ОБЩЕСТВО дороги Y, ОБЩЕСТВО дороги Z", и проч. — все ОБЩЕСТВО! Чего теперь не сделает "Императорское Общество размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты" с таким Высоким именем, под покровительством такого Высокого Председателя? Поспешите только старые драбанты, седые сотоварищи, охотники-ветераны, внести лепту вашего опыта в общую кассу: лепта эта не залежится, но принеся общественную пользу, даст вам огромные проценты.

Но обратимся к книге г. Основского. Для примера и доказательства справедливости моих слов представляю из нее несколько выписок:

"ПОРОДОЮ собаки охотник называет соединение признаков ее, которые верно и постоянно передаются в потомство. Прочность или крепость, или, как говорят также, устойчивость признаков, их неизменяемость — вот признак установившейся, окрепшей породы собак".

"Словами СТАТИ или ЛАДЫ выражается более или менее красота животного. Трудно и почти невозможно научить по книге оценивать красоту собаки того, кто не имеет опытности, навыка, наглядности и художественного такта".

"Часто говорят, что красота есть дело условное, и что иногда принимаемое за достоинства и красоту в одном животном, считается недостатком, а иногда и пороком в другом, несмотря на то, что оба они одного и того же рода (так даже видим и на людях, что составляет красоту китайца, будет уродством в европейце). Это справедливо только отчасти — отчасти, говорим, потому, что истинные, основные, существенные признаки, составляющие красоту животных, разумеется, одного рода, никогда не изменяются по одной прихоти человека. И ежели они условленны, то однажды и навсегда; и условленны непроизвольно, не бессознательно, а на законах разума; потому-то по ним, т.е. по наружным признакам, и можно судить о нравственных качествах животного верно и почти безошибочно. Исключения редки".

"Охотник говорит, что лопоухообразное ухо в легавой собаке нехорошо: не потому, собственно, чтоб форма лопуха была нехороша, а оттого, что им закрывается ушное отверстие; следовательно, отымается часть слуха. Тонкие ноги не потому только дурны, что они тонки, а потому, что они — признак бессилия, слабости движения и т.д. Это-то, условленное очень давно, и принимается нами очень часто за бессознательно условленное, тем более что мы заучили его и нередко говорим: «Это хорошо, а это дурно» — по одной только привычке, не входя в разбирательство, почему же именно хорошо или дурно".

"Красота целого вообще заключается, во-первых: в правильности его частей и, во-вторых, в пропорциональности их. Последнее особенно важно. Вот почему нередко, смотря на собаку, находишь, что каждая, часть ее, взятая отдельно, хороша, а в целости собака дурна. Ясно, что части не пропорциональны, т.е. не соответствуют одна другой. Голова не по корпусу велика или мала; ноги очень высоки или очень низки; грудь чересчур широка, а зад узок; собака низкопереда и т.д. Бывает также, что части, если рассматривать их отдельно, еще далеки от изящных форм, а собака кажется красивой или, как правильно говорят, ладной. Потому-то охотник-знаток, приучивший глаз к скорому сличению частей и к их хорошим формам, быстро видит и достоинства, и недостатки в животном. Точно так же, не привыкший может их не заметить и нередко впасть в ошибки".

"Большой, чистый, темного цвета, выражающий понятливость глаз есть принадлежность всякой красивой собаки; точно так же глаз маленький, вдавшийся глубоко в глазную впадину, светлого цвета очень часто портит собаку, красивую в остальных частях. Упругие, крепкие, пружинистые, хорошо развитые и обозначенные мускулы показывают в собаке силу и легкость. Охотник, желая похвалить ее в этом отношении, говорит: «Собака как-будто скованная, сбитая». Мясистость же, дурно развившиеся мускулы означают, напротив, стомчивость, вялость, бессилие. Ширина и правильность грудных, ножных и прочих костей есть верное ручательство за силу собаки. Редко случается, чтоб узкогрудая, узкозадая, плоскоребрая и тонконогая собака была сильна и нестомчива; последние (тонконожки) бывают хотя и прытки, но лишь на короткой дистанции и весьма не надолго. Крутые, длинные ребра тоже есть принадлежность всех хорошо сложенных собак, потому что собака с плоскими ребрами кажется поджарой, плоской, ледащей и редко бывает сильна. Лапа или ступня должна быть, как говорят охотники, в комке, т.е. не похожа на гусиную лапу, не с разъехавшимися, а с сомкнутыми, сжатыми и недлинными пальцами. Такая ступня выражает в собаке способность выдерживать дальние перебежки, продолжительные и частые поля, следовательно опять-таки придает ей силу. Спина должна быть у суки прямая, у кобеля с наклоном, т.е. немного горбовата посередине. Стан суки относительно пропорциональности к ногам всегда длиннее нежели у кобеля".

Здесь изложены только общие, главные и основные признаки, которые всегда должно иметь в виду для руководства при разборе статей ВСЕХ ОХОТНИЧЬИХ ПОРОД СОБАК ВООБЩЕ, но далее, при описании борзых собак, я буду говорить о статях, ладе и о свойствах каждого вида в особенности.

В России употребительнейшие борзые собаки следующие:

I) ПСОВЫЕ;
II) БУРДАСТЫЕ;
III) ХОРТЫЕ и
IV) КРЫМКИ.

ПРИМЕЧАНИЕ. Все породы борзых собак, за исключением бурдастых, имеют: голову, щипец, горло, передние части передних ног, передние и внутренние части задних ног, живот и подрыв низкошерстые, гладкие, как атлас.

I) *ПСОВЫЕ собаки разделяются на:*

1) *ГУСТОПСОВЫХ;*
2) *ОБЫКНОВЕННЫХ ПСОВЫХ;*
3) *КУРЛЯНДСКИХ и*
4) *ЧИСТОПСОВЫХ.*

Рост всех псовых кровных собак должен быть: кобеля — аршин (71 см) с полувершком, с вершком и с двумя вершками (80 см) в наклоне *); суки — пятнадцать вершков (67 см). Бывают рослые, бывают и мельче. Самый рослый кровный псовый кобель более одного аршина и двух вершков не бывает, разве какой выродок вроде путешествующих уродов-великанов, а суку более аршина трудно встретить.

Стати всех означенных четырех видов кровных, породистых и, можно прибавить, резвых ПСОВЫХ собак и их приметы совершенно одинаковы и суть следующие:

ГОЛОВА сухая, клинчатая; лоб узкий, задняя оконечность черепа острая; щипец длинный, сухой, тонкий и складный, т.е. не горбатый и не курносый — чтоб нижняя челюсть не была короче верхней, в противном случае собака называется ПОДУЗДОЙ и бывает не поимчива; ВОЩОК (конец носа) черный; а телесного цвета вощок также уродует собаку, как белые хранки и губы темную лошадь.

ГЛАЗА — большие, навыкате, круглые, не раскосые, как у китайца, цвета темного, блестящие, с совершенно темным окрайком век и с густыми ресницами. Если же у собаки веки будут телесного цвета, то это большой порок, и такие глаза называют ПОДОПРЕЛЫМИ.

УШИ тонкие, как у летучей мыши, и, если собака в спокойном состоянии, должны лежать на затылке одно возле другого, как ножницы, и плотно, как в футляре (Выключая чистопсовых, происшедших от смешения псовых с крымскими; у таких собак уши низко поставлены и широко расставлены на затылке — *Прим. автора*). При обращенном же на что-либо зорком внимании собака ставит их прямо — "конем" и держит остро; некоторые же породы запрокидывают их наперед.

*) Рост собаки измеряется от лопатки передней ноги по ее направлению до земли. Название наклона произошло от того, что все псовые кобели должны быть с крупным верхом, т.е. иметь спинной хребет горбоватым, а от середины спины к лопаткам передних ног или к зашеине идет покатость или наклон.

ШЕЯ с боков плоская, длинная и гордая — лебединая. Такие шеи определяют кровность и составляют красоту собаки.

ПЛЕЧИ полные и мускулистые. Плечевая кость книзу подалась назад так, чтоб ее соединение с локтевой костью было под углом, отчего грудь выдается вперед; но если плечевая кость с локтевой на одной линии или, как говорит г. Реутт, "в ровном сочленении", тогда грудь западет, вдавится, и собака будет казаться не на своих ногах, а на подпорках.

ГРУДЬ широкая, но не слишком, а пропорциональная корпусу и выдавшаяся вперед.

ЛОКОТКИ передних ног вывернуты в поле, чтоб между ними и спуском ребер был простор пальца на четыре. Это способствует свободе в движениях — собака не будет тыкать себя локотками под ребра.

ПЕРЕДНИЕ НОГИ прочные, костистые и не тонкие, от локотков до пазанков сухи, жилисты, прямы, как стрелы, и расположены так, чтоб от груди до земли были в ровном между собою расстоянии. Слишком узкое положение передних ног показывает узкость груди, а следовательно, и слабость собаки. Слишком широкое положение бывает, большей частью, у собак грубых и мясистых, а такие собаки в скачке тяжелы. Если пазанки передних ног вывернуты в поле так, как обыкновенно держат свои ноги танцмейстеры, то о таких ногах говорится, что они ВРАЗМЕТ, и это уродство лишает собаку должной подпоры, чтоб поддерживать, как следует, переднюю часть корпуса. Если же у собаки ноги в пазанках ползут вперед, как у лошади, которая стала на бабки, это признак слабости.

ПАЗАНКИ (лапы) передних ног в пальцах сжаты в комок, как склеенные: сухи, узки, как у русака, и собраны так, чтоб упирались зацепами (ногтями) в землю. Сухость пазанка должна быть такова, чтоб от соединений пальцев кверху вдоль по ноге шли лощинки, и все жилки были бы видны, как струны.

СТЕПЬ (спина) широкая и плоская, как доска. У кобеля выгнутая посредине кверху, а у суки прямая, как скамья. Чтоб позвонки не были видны и не торчали, как частокол, от них не было бы покатости к бокам, как на горбыле, а, напротив, во всю длину спины над позвоночным столбом должен быть желоб даже не у раскормленной собаки, в противном случае собака называется ОСТРОСТЕПОЮ, и как ее не кормите — спина ее будет, как у осетра.

КРЕСТЕЦ прямой, как у арабской лошади, длинный и широкий: чтоб между задними маклаками свободно укладывалась ладонь со всеми пятью пальцами. Чем более расстояния от маклаков до корня правила, тем сильнее зад, упор и пружинистость задних ног, отчего, преимущественно, бывает большой бросок. Если же крестец не на одной линии с позвоночным столбом и от маклаков к корню правила свесился, тогда собака с таким задом называется ВИСЛОЗАДОЙ, а я прибавлю еще — слабозадой, потому что она не может иметь ни броска, ни быстрых изворотов.

МОЧИ (почки, бока) тугие, твердые и выдавались бы, как бруски.

РЕБРА бочковатые, плотные, спущенные ниже локотков и ровные, чтоб не было большого уменьшения к подрыву (животу), как у левреток — это признак собаки слабой. Когда ребра бочонком, они дают простор легким, т.е. свободному дыханию, и с такими

ребрами собаки бывают сильны в полях, т.е. могут скакать на далекие расстояния не слабея.

ПОДРЫВ (живот) выше гораздо пахов, т.е. чтоб он был подтянут и из-за пахов виден бы не был. В противном случае собака будет казаться ПРИБРЮШИСТОЮ.

ЗАДНИЕ НОГИ потянулись: чтоб не были прямы и не слишком лучковаты, т.е. согнуты. Если смотреть на собаку сзади, то чтоб ноги были между собою параллельны от самых окороков до земли и расставлены широко. Если локотки будут один к другому близко, а пазанки к земле один от другого поставлены далеко, такой зад называется ТЕЛЯЧЬИМ. Собака с таким устройством задних ног еще может быть пылка, но уже всегда малосильна. Если голени направлены вовнутрь, локотки расставлены широко, пазанки к земле стоят вместе зацепами в середину, такая собака называется КОСОЛАПОЙ.

САЛЬЦЕМ у собаки называется наружное соединение бедренной кости с голенною. В этих местах задние ноги у собаки должны быть вывернуты в поле, а не смотреть вовнутрь. Сальце самая нежная, чувствительная часть у собаки: если собака ударится этим местом, хотя не очень сильно, то будет хромать всю свою жизнь, потому что этот ушиб неизлечим.

ЧЕРНЫЕ МЯСА (окорока) огромные, но не были бы как пуховые подушки или надутые пузыри, а жилистыми, твердыми буграми: упругие, узловатые и крепкие.

ТЕТИВЫ (ахиллесовы жилы) толстые, упругие. Соединение их с локотками должно быть тупое, округленное, т.е. чтоб локоток не был острый.

ПАЗАНКИ ЗАДНИХ НОГ от локотков до нижних подошвенных пяток длинные, в пальцах же сжатые в комок, сухие, жилистые, и чтоб все зацепы упирались в землю.

ПРАВИЛО (хвост) тонкое в палец, сухое, средней длины и в серпе (серпообразное); лучше короткое, чем длинное. Длинное правило бывает большей частью у собак слабых, рыхлых. Правило у всех псовых и крымских собак, выключая курляндских псовых и хортых, украшено уборною псовиною — ПОДВЕСОМ.

ТЕЛО крепкое, твердое и упругое, как каучук, с отлично развитыми и резко обозначенными мускулами.

На бумаге мудрено толковать о красоте и ладе собаки, а практика при любознательности научит всему.

Кобель должен быть короче суки и выше ее на ногах. Пахи у него самые малые, чтоб между последним ребром и углом соединения ребра с мочью было не более двух вершков или, много-много, два с половиной вершка.

Сука же должна быть массивная, т.е. хотя рослая, но на ногах казаться низковатой, прямостепая, как скамья, широкая до богатырства, с полными гачами (ляжками), длинная, но не переслегая. Перелякость или переслежина (седлина) — большой порок. Старинные охотники говаривали: "Сука скачет пахами, кобель — черными мясами".

> *ПРИМЕЧАНИЕ.* Если сука в кобельных статях, то все-таки она бывает резвой, а потому порочной не считается, хотя не так надежна быть племенной, как прямостепая: бывает неприбрюшиста во время щенности и не молочна.

Длинный же кобель называется ПРЯСЛИЦЕЮ и очень некрасив в глазах охотника. Впрочем, есть кобели без верха, не крутые, но короткие, сложенные сжато и с широкой колодкой: они тоже не считаются порочными и бывают очень резвы.

Вот главные признаки кровности всех собак: большой, темного цвета, круглый, блестящий, умный глаз навыкате. Мягкая, шелковистая и глянцевитая псовина. Тонкое ухо. Тонкое и сухое правило. Совершенная сухость головы и ног от локотков до ногтей.

Сверх описанных статей у собаки должна быть известная и определенная пропорциональность частей, которая и составляет ее полную красоту и лад. Эту гармонию в частях опытный охотник схватывает одним взглядом и говорит: "Собака ПРИМЕТИСТА", т.е. по своему ладу, ловкости, легкости, грациозности в движениях и оборотах обещает резвость.

ПРИЗНАКИ ТУПОЙ СОБАКИ: голова мясистая с прилобью, глаза ввалившиеся, глупые, белесоватые или зеленоватые, или желтоватые и притом раскосые, как у китайца; щипец толстый и белоносый; ухо мясистое; грудь узкая, впалая, ноги вразмет, опухшие, а если и сухие, то чересчур тонкие, с длинными, расперстыми пальцами; ногти прямые, до земли не дотыкаются. Стоит на пятках. Локотки передних ног подвернуты под ребра так, что при движении в них упираются. Ребра редкие, выше локотков, а если спущены, то лещеваты. Брюхо, как турецкий барабан. Степь узкая и перелякая, с острыми позвонками. Крестец узкий. Вислозада. Лопатки, а также вертуги задних ног (маклаки) торчат кверху. Задние ноги или совершенно прямые, или совсем в лучке, как с вытянутыми тетивами и с острыми локтями, или телячьи, т.е. локотки вместе, а пазанки врознь, без черных мясов. Правило толстое, в кольце, а если и тонкое, то поросячье или штопором. Тело рыхлое. Псовина жесткая и песиковатая, т.е. оборванная или опаленая. Ко всему этому — флегма, понурая дура и без всякой жадности. Такая собачка отобьет охоту самому рьяному охотнику. Но само собою разумеется, что мудрено встретить такую собаку, которая одна вмещала бы в себе все эти пороки в совокупности, которые здесь выставлены. Достаточно одной или двух из этих порочных статей, чтоб огадить и изуродовать собаку.

Так как упрямые, задорные спорщики существуют во всех классах людей и во всех обществах, то и между псовыми охотниками есть своего рода нигилисты, отступники от общепринятых правил при разборе статей собаки. Все их доказательства состоят в пустословном, жилистом крике. Им возражать не следует, а надобно только прислушиваться и улыбаться, тогда они войдут в такой азарт, что при каждом слове сами себе будут противоречить. Кроме того, кто бездоказательно спорит, кричит и горячится при возражениях? Невежды, ничего не понимающие, но много о себе думающие. Образованный же человек, и притом специалист, знающий свой предмет, возражает и доказывает логически, основательно и хотя сильно, но хладнокровно.

Следующую статью я помещаю на счет жалких, крикливых спорщиков.

Есть пословица: "У ВСЯКОГО СВОЙ ВКУС" (chacun a son gout). Пословица эта весьма справедлива, потому что у каждого свой личный вкус по степени его воспитания, образования, по мере им виденного, слышанного и испытанного. Но многие неблаговоспитанные и необразованные люди, стараясь скрыть свои ошибочные суждения, промахи или незнание чего-либо и, по безмерному самолюбию не желая слышать возражений своим ложным понятиям, и разглагольствованием, ограждают свое невежество, как каким-то неопровержимым и неотразимым законом, хотя древней, но глупой поговоркой: "О вкусе спорить нельзя" (de gusfibus non esf disputandum).

А между тем требуют, чтоб их личный вкус был положительным правилом, нормой для всех и каждого. Не следует забывать афоризма: "От столкновения мнений вытекает истина (du choc des opinions jaillit la verite). Не спорят только об истинах или аксиомах, не требующих доказательств". Можно говорить: "Я нахожу это хорошим, — или: — Мне это нравится". Но не следует предписывать и постановлять общих правил, основываясь на одном своем личном вкусе, как например: "Это должно быть так, — или, — должно быть хорошо, потому что мне нравится". Если б здесь говорилось о том вкусе, который принадлежит к пяти главным физическим чувствам человека (т.е. как выражаются простолюдины, о смаке или, пожалуй, гастрономическом вкусе), тогда действительно против этой поговорки возражать не следует, потому что калмыка или лопаря мудрено согласить со вкусом Карема или Радецкого. Один знакомый мне господин во всякое пюре (puree), ему поданное, (из чего б оно ни состояло) крошит в тарелку сырого репчатого лука, сыплет целую столовую ложку перца и потом кушает на здоровье. О таком вкусе спорить мудрено.

Принимать же эту поговорку в обширном значении, применяя ее к изящным искусствам, художествам и ко всем видимым предметам, значило бы идти одним путем с невежеством, не признавая никаких общепринятых правил, представляемых нам наукой.

Все видимое имеет свою определенную красоту, подчиненную законам эстетики. Кто по убеждению противится этим законам, тот физически или морально близорук и имеет грубые чувства, на которые изящное не производит никакого впечатления. Прежде таких людей можно было определить без ошибки: это были или бедняки, никогда ничего порядочного не видевшие, или семинаристы, или дети стракулистов, которые ОБРАЗОВАЛИСЬ только в зрелых летах, но не получили никакого нравственного ВОСПИТАНИЯ в детстве. Они привыкли слышать от своих родителей, что выше, краше, изящнее, милее денег нет ничего на свете. Ныне же нигилизм расплодил много таких противников всего изящного: благовоспитанная молодежь увлеклась или модой, или недостатком характера; а другие, с грубыми чувствами, имеют свои цели... Но время все исправит и выкажет, как жалки первые и как вредны и отвратительны последние. Не угодно ли послушать, как простой народ толкует о женской красоте: "Глянька, Ванюха! Барышня-то наша, кажись, беленькая, свеженькая, а не надежна: жиденька, так и гнется, как тростинка. Вот у отца Трифона дочка... так я те скажу: кровь с молоком; да кряжиста, что твоя репа!"

Стало быть, и нам следует, забыв, что такое грация, миловидность, благородные манеры и все достоинства женщины, разбирать ее, как рабочую лошадь или как заводскую матку?

Люди благовоспитанные и образованные, которым не чужды живопись и ваяние, которые к красоте форм и очертаний присоединяют грацию, выражение ума, души, эти люди согласовали общие понятия об изящном и составили положительные правила для определения красоты женщины. Идеальную осуществили творческие кисти Перуджино, Рафаэля, Доменикина и других гениальнейших художников, а естественную изобразили: Рафаэль в своей дивной Форнарине, Тициан — портретами своей любезной в мифологических и исторических картинах, и многие другие. Кто не восхищался произведениями и позднейших художников, произведениями в другом роде, а именно, из общественного или семейного быта (tableaux de genre), но не менее того дающими понятие о женской миловидности, каковы головки Греза, произведения Карла Ванлоо, Греведона и других?

Доменикино, Рубенс, Пуссен и другие представили в своих произведениях мужскую красоту: стройность, благородную осанку, гордый взгляд и величие. Резец представляет нам полное изображение женской и мужской красоты, грации, мужества и силы.

Еще со времен Перикла, мудрого, гениального правителя Афин, явились в греческом искусстве типы МОГУЩЕСТВА, СИЛЫ, КРАСОТЫ и МЫСЛИ; типы точные, определенные, недопускающие никакой нерешительности или сомнения. Например: все ваятели и живописцы с древних времен до новейших изображали физическую силу и богатырство в своих Геркулесах и Самсонах в резких очертаниях мускулов, мышц и крепких сухожилий. Вообще, видно, что они мифологию не считали пустой наукой.

Как человек, так и всякое животное имеет свою типическую красоту, всегда доступную понятиям каждого естествоиспытателя-специалиста. Но есть люди, которым никакой закон не писан: они сами типы своего особенного рода. Один кузнецкий помещик, г. Б...ков ("от великого до смешного только один шаг"), страстный любитель троичной езды, приходит в восторг от вислоухой лошади: "Идет голубушка, а ушки-то побалтываются; сердце радуется! Так и видно, что лихая!" Полковник же Рутенберг в своей книге "РУКОВОДСТВО К ПОЗНАНИЮ ЛОШАДИ ПО НАРУЖНОМУ ЕЕ ОСМОТРУ" (издание второе) на стр. 76 и 77 говорит: "КОРОВЬИ УШИ (фиг. 33) широки и толсты, висят вниз и оттого лошадь с такими ушами называется ВИСЛОУХОЙ и обыкновенно бывает ленива" (?) СВИНЫЕ уши бывают приставлены низко; широки, неуклюжи, висят вперед и вниз и при движении лошади шатаются: они очень БЕЗОБРАЗНЫ (?) и встречаются только у ПРОСТЫХ ЛОШАДЕЙ". Ну как же не спорить с кузнецким помещиком и не доказывать ему, что он ошибается и имеет хотя свой, но дурной вкус и ложное понятие о статях и ладе лошади.

У меня есть много приятелей, псовых охотников, с такими же точно понятиями о ладе и приметах борзой собаки. Например, один из них утверждает, что у резвой собаки передние ноги непременно должны быть вразмет. Другой находит красоту и примету к резвости в длине кобелей, уверяя, что короткий кобель резвым не может быть никогда. Третий, желая похвалить любимую собаку, говорит: "Какая у моего Злодея грудь, как у доброй коренной". На это я замечу: ширина груди должна соответствовать ширине зада. У резвой, молодецкой борзой собаки зад бывает почти всегда шире груди; да и сама натура того требует: во время приемов скачки собака ставит передние ноги между задними, а не задние между передними. У которой же собаки грудь шире зада, то она действительно может быть годна только в корень, чтоб возить, но для скачки будет тяжела и тупа. Нашелся и такой господин, который доказывал, что бочковатые собаки непременно должны быть тупы, "оттого де, что ширина корпуса будет встречать более сопротивления в воздухе, тогда как лещеватая собака свободно его прорезывает; следовательно, должна быть резвее". Как будто собака во время приемов скачки не передними ногами и не щипцом рассекает воздух, а становится на задние ноги и пилит его ребрами. Хороша фигура!

Многие считают красотою чрезмерную нежность и тонкость статей без всякой пропорциональности и смотрят только на профиль собаки или абрис (contour). Например, если у собаки щипец, как черешневый чубук, шея, как флейта, а ноги, как гусиные перья, то — "собака красавица"!

Г. Основский (в вышесказанной книге на стр. 101) говорит: "Нежность, мягкость, шелковистость псовины, цвет ее и оттенки, более или менее правильное расположение отметин на платье хотя и не составляют существенной красоты в собаке, но все-таки придают ей много щеголеватости (элегантности)". Здесь нужно заметить, что очень

многие охотники (а не охотники почти все) эту щеголеватость принимают за истинную красоту, за хорошие стати собаки и через то нередко впадают в ошибки.

Таким образом, эти господа, не имея никакого понятия о ладе борзой собаки, т.е. о пропорциональности ее частей и о гармонии в целом, не зная признаков общих собакам всех пород, определяющих их достоинства, и лишенные художественного такта, составили свои, ложные понятия о красоте собаки и толкуют: "К чему красота? Часто случается, что совершенные красавицы не скачут".

Ни в каком случае по поверхностному взгляду нельзя сделать точного определения ни качеств, ни достоинств предмета или вещи. Для определения одной только наружной красоты собаки, чтоб сказать: "Собака во всех статях ладна и приметиста", — нужно тонкое знание, опытный взгляд и большое внимание при осмотре составных частей и лада собаки. Резвость же ее и силу сам хозяин может определить не с одного поля, но иногда езда во всю осень ничего положительного не покажет. Например, если на зайцев был мор и охотнику придется травить по одному болезненному белячишке в неделю: собаку он не втянет, в должный удар не введет, а потом и нарвется на лихого степного, здорового русачка-озорника, который и покажет ему хвостик. Сколько было случаев (которые и нынче повторяются нередко), что охотник сбудет собаку за тупостью, не испытав ее с должным вниманием, рассудительностью, хладнокровием и терпением, а потом, на следующую же осень, этой бракованной тупицей оборвут его с ушей. Урок тяжкий, но — поделом! Где нужны внимание и терпение, там торопливость неуместна. "Поспешность нужна лишь блох ловить" — говорит пословица.

Если кто испытывает собаку, взятую в поле прямо с псарного двора, с лежки, или затасканную и сморенную, или ушибленную, или с незаметным вывихом и повреждением какого-либо члена, или с мокрецами в пальцах, или после серьезной болезни, или не приведенную, а привезенную*) в экипаже верст за 500 или более, тот никогда настоящей скачки собаки не узнает.

Кроме того, нужно знать время, в которое какую породу собак можно испытывать. Если в знойный, душный день, в весеннюю топь или в ножевую декабрьскую жестель будем пробовать псовую собаку, то в первых двух случаях она не проскачет и пятидесяти сажен, как зарьяет или ее хватит паралич, а в последнем, от жадности и пылкости она вырвет или поломает себе все ногти. Так точно, если хортую собаку вздумают испытывать во время дождя или мокрого снега, или когда идет снег, дождь и крупа вместе, что охотники называют ЧИЧЕР, тогда это будет уже не испытание, а пытка. Мне случилось видеть раз пять, как английские собаки совершенно зазябли в такое время; а однажды у моего приятеля Ф.И. Т-на английская собака (Абидка) отличной породы сбесилась после такого дня.

Так точно, кто переводит собаку с севера на юг и обратно, тот должен дать собаке почти год времени, чтоб она акклиматизировалась, т.е. совершенно привыкла к новому для нее климату. То же самое, кто живет и постоянно охотится на черноземной почве, вдруг вздумает отправиться в отъезд в такие места, где жесткий грунт с мелким камнем или ковыльные степи, да притом в постоянно сухое время, тот ДОПЫТАЕТ своих собак до костей, т.е. что у них на лапах не будет ни мякишей, ни ногтей.

---

*) *ВАЖНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ*. Ничего нет хуже и вреднее для собак, как их ВОЗИТЬ. По крайней мере, раз девять испытал я и видел у других, что собаки известной резвости и силы, будучи ВЕЗЕНЫ из дальнего места, не скакали наголову и казались совершенными тупицами. Настоящую же свою скачку показывали лишь тогда, когда их врыскивали и втягивали постоянно, как дельные охотники поступают с собаками после их годовой лежки; одним словом, собаки эти приходили в настоящий удар недели через две или более.

Собаку нужно выдержать по-охотничьи (как сказано впереди — Часть II, Гл. 1), наметать и нажадничать на зверя, быть вполне уверену в ее здоровье и тогда уж пробовать для определения степени ее резвости.

Попробуйте взять самого кровного рысака прямо со стойла, из которого его выводили только для пойла и случки, его обежит каждая почтовая лошадь. Ведь рысака подготавливают к бегу, а скаковую лошадь — к скачке. Дельные псовые охотники поступают точно так же и с борзыми собаками.

Иногда собака с первого взгляда покажется красивой и ладной, но если она не кровна или произошла от болезненных производителей или от тех, которые никогда не бывали в поле, если она слабонога, чересчур длиннопала и рыхлотела, тогда нечего удивляться ее тупости. Собака же, происшедшая от кровных и породистых производителей, которые не знали лежки, не нежились на диване у любителя и баловника собак, но были в постоянной практике на лихом степном звере, собака умная, жадная, азартная, широкая, ребристая, бочковатая, тела твердого, мускулистая, статная, живая, как ртуть, тугая и упругая, как каучук, с сухими пазанками да ко всему этому стоит на ноготках, как выражаются страстные охотники в порыве удовольствия от такой постановки — "пятки болят!", — такая собака никогда тупой быть не может. Если же первую, а иногда и вторую осень не скачет, что бывает в некоторых породах, то все-таки поскачет и притом жестоко резво, продолжительно и тем вознаградит хозяина за прошедшее время.

Рассмотрим теперь виды псовых собак:

1) ГУСТОПСОВАЯ собака имеет длинную, густую, шелковистую псовину в четверть (18 см) в крупных завитках, преимущественно на шее, над передними лопатками, на боках, на мочах, на черных мясах, на гачах и, в особенности, на правиле.

   Цвет псовины кровных густопсовых был, по рассказам стариннейших охотников (уже давно отошедших в вечность), белый, черный, серый, черно-пегий и серо-пегий; но теперь встречаем муругих, красных, половых, черных с подпалинами, "Урматных и всех означенных мастей — пегих".

   Прыткость густопсовой собаки накоротке и ее бросок можно сравнить только с выстрелом, а то все прочее перед этой неимоверной кидкостью ползет и ковыляет. Но только это бывает не везде и не во всякое время. Густопсовые собаки не способны к езде в топь, по пашне, и вообще по глинистому и пловатому грунту (т.е. после продолжительных и сильных дождей): к псовине их и к ногам налипает грязь так, что они кажутся обутыми в лапти, а потому собаки эти скоро слабеют. Но если б к их пылкости у них была такая сила в дальней доскачке, как у крымок, тогда бы с ними не могло равняться в резвости ни одно, четвероногое животное: ни старый волк, ни сайга, ни джейран. Еще неприятная для охотника вещь та, что густопсовые собаки в жаркое и душное время зарьявают и сбавляют резвости, по крайней мере, на две трети против своей настоящей скачки, но когда свежо и холодно, тогда все ураганы и бури перед их прыткостью — дуновение зефира!

2) ОБЫКНОВЕННЫЕ ПСОВЫЕ собаки имеют густую, волнистую псовину в вершок (4,45 см) по всему корпусу, большие ровные отчесы, бакенбарды и длинную волнистую уборную (УБОРНОЮ называется та длинная, редкая, как страусово перо, псовина, которая бывает на задней части передних ног, на задней части гачей и на правиле. — *Прим. автора*) псовину, особенно на правиле, доходящую до четверти и более. Собаки эти крепки, сильны, резвы и с жестоким броском.

Псовина обыкновенных псовых собак бывает различных мастей, а именно: белая, черная, серая, черная с подпалинами, серая с подпалинами, светло-половая, половая, красно-половая, красная с мазуриной, муругая, бурматная, черно-чубарая, красно-чубарая, серо-чубарая, полово-серая и всех означенных мастей — пегая.

ПРИМЕЧАНИЕ. Так как здесь дело идет не о живописи, то я и не описываю со всей подробностью всех оттенков псовины, как например: половый (т.е. палевый) цвет начинается с цвета весенних сливок, переходит в цвет топленых сливок и так постепенно доходит до красного (разумеется, не до сурика или баканного, а до рыжего или до рыже-золотистого). Серый цвет бывает зольный, голубо-серый и доходит до темно-серого. Красный с мазуриной значит, что у красной собаки — черный щипец; муругая — когда у красной собаки, кроме черного щипца, черные концы ног, черные концы ушей, черный ремень по спине, и по всему корпусу, по красной псовине, черная ось. Бурматная — когда, начиная от светло-половой и доходя до красно-половой, псовина как будто подернута пылью; темно-бурматная — когда половая собака покрыта шоколадной или светло-коричневой осью; чубарая — когда по половой или красной собаке неправильные пятна (в виде полос или яблок, как на мраморе) черные или серые, и который цвет преобладает, по нему называется и масть собаки, например: черно-чубарая, серо-чубарая и красно-чубарая. Полово-серая — когда эти масти соединены: степь (спина) более серая, а бока половые. ПОДПАЛИНАМИ называется ярко-красная псовина у черной собаки и у серой на щипце, на бровях, на щеках, на груди и на оконечностях ног, как у большей части гончих.

Обыкновенные псовые собаки так же не терпят жаркого и душного времени, как и густопсовые.

3) КУРЛЯНДСКИЕ ПСОВЫЕ имеют голову, уши, горло, передние ноги от локотков, задние от голеного мускула и правило — атласно-гладкие, как у левреток; а все прочее тело покрыто псовиной в самых мелких завитках, как у молодого кровного пуделя. Собаки эти БЫЛИ рослые, крепкие, злобные, сильные и необыкновенно резвые. Из них, преимущественно, выраживались лихие. Ныне их не только трудно иметь, но даже встретить, разве в Курляндии, где нам быть не удалось.

4) ЧИСТОПСОВЫЕ — как должно предполагать, происходят от дальнего смешения псовых с хортыми или псовых с крымскими собаками. Псовина на них низкая, плотная, шелковистая и гладкая; отчесы густые, идущие по бокам шеи гребнем. Уборная псовина не волнистая, а прямая и редкая, как страусово перо. Резвость и крепость этих собак зависят от родоначальников, которые были пущены дельным охотником к первоначальному смешению двух пород: если они были кровны, породисты, статны и резвы, то и потомки должны быть не хуже них, но в таком только случае, если порода не знала лежки, а была в постоянной практике и ведена со знанием дела, что доказывается дельной сортировкой производителей, о чем будет сказано в своем месте.

Цвет псовины курляндских и чистопсовых собак одинаков с прочими псовыми.

Все описанные виды псовых собак необыкновенно привязаны к своему хозяину, ласковы, послушны, сметливы, смелы и злобны в схватке с волком, которого берут всегда в ухо и в глотку. Кроме того, это наша собственная, самобытная порода, сообразная с нашим климатом и с нашими в охоте требованиями.

II) *БУРДАСТЫЕ собаки разделяются на:*

1) *БУРДАСТЫХ ШОТЛАНДСКИХ или КУРЛЯНДСКИХ КЛОКОВ и*
2) *АНГЛИЙСКИХ КОРОЛЕВСКИХ.*

Стати обоих видов сходны с псовыми, только ребра спущены менее, лбы не плоские, а круглые. Вообще головы и щипцы далеко не так складны, как у псовых. Правило у псовых собак сверху гладкое, а снизу украшено ПОДВЕСОМ — длинной уборной псовиной, вниз висящей: у бурдастых же правило сверху и снизу обросло густой жесткой псовиной и имеет вид круглого, согнутого волосяного гренадерского султана, к концу заостренного.

1) БУРДАСТЫЕ ШОТЛАНДСКИЕ и КУРЛЯНДСКИЕ КЛОКИ составляют одну и ту же породу и имеют на всей голове и на всем корпусе длинную, клокастую псовину, жесткую, как у тюленя и барсука.

2) БУРДАСТЫЕ АНГЛИЙСКИЕ КОРОЛЕВСКИЕ отличаются от шотландских длинной шелковистой псовиной, вниз висящей, как у ангорских коз, волосяными густыми бровями, загнутыми вниз крючком, густыми усами и бородой, как у козла.

Бурдастые собаки резвы, крепконоги и жадны, несмотря на наружность каких-то козерогов; но за этот-то дикий, пугающий облик охотники дают им и приличные клички, как например: Сатир, Сатана, Асмодей, Шайтан, Леший, Ведьма, Медуза, Колдунья, Сваха и т.п.

III) *ХОРТЫЕ в России разделяются на АНГЛИЙСКИХ и ПОЛЬСКИХ.*

Лет тридцать тому назад оба вида были совершенно одинаковых статей, только английские собаки суше и меньше, а польские мясистее и рослее. Я говорю о прежних собаках, из которых (большая часть) были совершенные красавицы: с богатырской колодкой, с гордой лебединой шеей, со спущенными бочковатыми ребрами, с огромными черными мясами и с резко обрисованными мускулами. Много из этих собак было резвых (МОДЕСТКА, современница знаменитого Сердечного П.А. Ивашника, принадлежавшая г. Поливанову, по своей необыкновенной резвости причислена московскими охотниками к разряду ЛИХИХ собак и была достойной соперницей СЕРДЕЧНОГО. — *Прим. автора*), но много и нагольных дур (Смотри журнал "МОСКВИТЯНИН" за 1845 г. № 2, статью "СПОРТ" А.С. Хомякова, где говорится о садках в Англии — *Прим. автора*). Некоторые первую и вторую осень скакали резво, на третью же осень теряли всю энергию, жадность и ловили по охотке (Охотка самый невыносимый порок в собаке: это — упрямство, своеволие в роде колера у лошади. Даже резвейшие собаки бывают подвержены этому пороку; например, когда собака заупрямится, то если заяц выскочит из — под ее морды — она за ним не кинется, хоть вы ее убейте. А когда эта же самая собака в добром гуморе, то возьмет степного русака, как поросенка, если он взбудится хоть в двухстах саженях и далее. Порок этот прививается к собаке от неопытности или жадности охотника. Если он молодую собаку осадит усиленной травлей, несколько полей сряду, до лишения сил и потери жадности, или если он этой собакой будет травить часто по жестким, ножевым порошам, то такая собака будет скакать по охотке. — *Прим. автора*).

Сами англичане заметили этот недостаток, и лорд Оксфорд вывел новую породу, смешав прежнюю с бульдогами. Собаки вышли одиночные, жадные и сильные в полях (однако уступающие в пылкости псовым), но все потеряли совершенно свой прежний тип. Красавиц уже нет; каждая собака вздернута на ногах; у всех ребра не доходят до локотков;

голенасты, задние пазанки коротки. Кобели прямостепы, даже с переслежиной. (Эти замечания можно проверить по рисункам, изображающим: а) ЛОЛЛУ-МОНТЕС — борзую суку, принадлежавшую г. Роунд (См. "Журнал охоты" за 1858 г. изд. в Москве Г. Мином, в кн. за апрель, на табл. IV; б) БЕДЛАТАЙТА и в) ЭКЛИФИШОНА. Эти два урода находятся в книге "СОБАКА В ГЛАВНЫХ И ПОБОЧНЫХ ЕЕ ПОРОДАХ" (составил и издал А. Буссе, магистр ветеринарных наук, 1859 г.), на последней 25, таблице 7 — *Прим. автора*).

Хортые собаки кажутся голыми, но их низкая, гладко лежащая псовина чрезвычайно плотна, хотя и не спасает от чрезмерной зябкости. При езде с гончими хортые собаки не выносят на своре, под островом даже двухградусных морозов, щетинятся, как дикобразы, и щелкают зубами, как кастаньетами. В морозные же пороши, сверх всякого ожидания, они превосходны в рыску, потому что, не имея на пазанках и между пальцев длинной псовины, не обгрызают лап, отчего и снег на них не налипает и не обращается в ледяные сосульки, не только мешающие скачке собаки, но и искалечивающие ноги; тогда как это случается со всеми псовыми, бурдастыми и крымскими собаками.

Судя по игривому рыску хортых во время порош можно б было предположить, что они и не зябки, но есть пословица: "Неволя скачет, неволя пляшет, неволя песенки поет". Так точно и хортые собаки, носясь из стороны в сторону, греются, чтоб не замерзнуть. Это предположение вполне оправдывается во время дождя или снега в соединении с дождем: тогда эти нагие нимфы отправляются к стогу или под куст с различными напевами в минорных тонах. Цвет псовины хортых тоже одинаков со всеми псовыми.

IV) *КРЫМСКИЕ*. Всех борзых собак восточной породы, имеющих длинные висячие уши, охотники называют *КРЫМСКИМИ или КРЫМКАМИ*. Из Азии ли они, с Кавказа, из Крыма, из Молдавии ли, все — крымки.

Крымки имеют свое начало в Аравии и отличаются от других пород борзых вислыми ушами, как у легавых, гладкими или под БУРКАМИ (УШИ ПОД БУРКАМИ — значит, что на висячих ушах длинная псовина, как у сеттеров. — *Прим. автора*), прямой, а иногда оленьей шеей, совершенной прямизной степи как у суки, так и у кобеля, но все-таки кобель должен быть короткий; необыкновенной бочковатостью ребер, доходящих только до локотков, и особенно большим простором в постановке задних ног. У сук задние ноги более в лучке.

Порода эта известна степным охотникам дивной неутомимостью, превосходным передним рыском и безграничной силой. Все виды крымок имеют псовину, как чистопсовые: низкую, гладкую, атласистую и шелковистую.

Рост кровных крымок, как сук, так и кобелей, не бывает более 14—15 вершков (62—66 см). Если случится встретить аршинного кобеля или более, то непременно мешаного.

> *ПРИМЕЧАНИЕ 1*. Длина кобелей, перелякость степи и размет передних ног и в этой породе считается таким же большим пороком, как и у псовых собак. Это примечание не слишком понравится некоторым степным охотникам, имеющим и проповедующим превратные понятия о крымках.
>
> *ПРИМЕЧАНИЕ 2*. Силой в борзых собаках называется не то свойство, как, например, в слоне, льве, медведе и проч., но способность скакать верст 5, даже 10, нимало не уставая, ловить без изнурения по топям и сыпучим пескам, как по

лугу, одним словом, выносить самые тяжелые поля и трудную полевую работу в течение целой осени, с редкими дневками.

Известнейшие и употребительнейшие в России крымки:

1) *ГОРСКИЕ;*
2) *СОБСТВЕННО КРЫМСКИЕ;*
3) *ВОЛОШКИ и*
4) *ХИВИНСКИЕ.*

1) ГОРСКИЕ — на Кавказе, самые лучшие и красивейшие. Голова совершенно сухая, лоб узкий, задняя оконечность черепа (соколок) острая; щипец тонкий, сухой и складный; уши тонкие, висячие, внизу острые, под бурками; глаза большие, круглые, темного цвета, блестящие и умные; шея плоская, длинная и прямая; ноги совершенно сухие и в пазанках сжатые, ребра бочковатые и более спущены, нежели у других видов крымок. Эти собаки бессъездны и кроме силы при частой островной езде с гончими приобретают отличный бросок: поэтому многие из них ловят свободно и на малых полянах; крепость же их ног — железная! Порода эта, если не сгибнет, впоследствии будет дорого цениться истинными охотниками.

2) СОБСТВЕННО КРЫМСКИЕ и

3) ВОЛОШКИ уже не так сухи, как горские; степь у многих с переслежиной; уши большей частью голые, особливо у волошек. Собаки эти без броска, и хотя не тупы, но более сильны, а потому хороши лишь в степных местах. Первые водятся в Крыму и в прилежащих к нему губерниях, а последние в Бессарабии, Молдавии, Валахше и во всей Европейской Турции.

4) ХИВИНСКИЕ. Я видел всего только трех собак под названием хивинских, и у меня была одна такая же. Эти четыре собаки были совершенно одного типа, и вот их признаки и стати: все они с огромными лопухообразными висячими ушами под густыми бурками, как у сеттеров. Собаки эти рослее прочих видов крымок, но зато мясистее. Вот эта-то мясистость и заставляет меня предполагать, что я видел не кровных хивинских борзых, а собак мешаных... Но, вероятно, кто-нибудь из наших гг. офицеров приобретет и привезет в Россию из той страны, хоть для курьеза, собак кровных. Впрочем, об этих собаках некоторые охотники, по слухам, от киргизов и персиян, говорят, что они могут скакать и гнаться за зверем без отдыха, от Москвы до Хивы! Но тупость их утомительная и уморительная.

Цветом псовины крымки бывают: черные с красными подпалинами или зольного цвета под лосинами, с очками, как у гончих, темно-серые, голубо-серые, серо-подпалые, белые, половые, красные и муругие.

Примечательно в крымках то, что кровные из них имеют на брюшных частях, к подрыву и на внутренних частях задних ног темные, круглые крапины, не на псовине, а собственно на теле; и это особенно заметно, когда собака бывает мокрая.

Есть еще порода собак КУЦЫХ, которая имеет свое начало в Анатолии. Бывший главнокомандующий на Кавказе граф И.В. Гудович достал оттуда в 1807 г. в июле (вскоре после Арпачайского дела) трех собак куцых. Из них вышли две собаки лихие: Джейран и

Джигит, которые ловили сайгаков. Слава их была непосредственной причиной разведения по горам Кавказа собак куцых, которым они родоначальники. (Слышал от генерала-майора П.Н. Ивашева, бывшего адьютанта графа Гудовича).

Так как эта порода, сверх всех достоинств, чрезвычайно изворотлива на угонках (вопреки бесхвостости) по причине необыкновенной крепости и силы зада, вместе с тем упругости задних ног, то она развелась во многих местах России, перемешалась с псовыми и известна охотникам под общим названием КУЦЫХ. Некоторые охотники называют куцых горскими, ошибочно предполагая (по вышеизъясненной причине) Кавказ их родиной. Анатольские куцые собаки все вислоухие и имеют совершенно одинаковые полевые качества с горскими собаками. О куцых же псовых я скажу то же самое, что говорил о чистопсовых: если они выведены с толком от кровных, породистых, статных и резвых производителей, то и не могут быть лишены тех же свойств; но если предки их были бескровные недопески, то и потомки должны быть отличные тупицы по пословице: "От свиньи не родится бобренок, а тот же поросенок".

Кроме сделанного выше определения породы собаки, охотники называют еще ПОРОДОЙ: а) все виды какого-либо рода; например: порода густопсовых, порода чистопсовых и б) все видоизменения или уклонения от общих признаков, принадлежащих, в частности, какому-либо виду.

Для примера возьмем вид ОБЫКНОВЕННЫХ ПСОВЫХ СОБАК. К этому виду принадлежат собаки: Трегубовские, Плещеевские и Сущевские. Но все они различны признаками и составляют отдельные породы, которые знакомый с ними охотник определит с первого взгляда. Вот отличительные признаки породы собак Трегубовских: собака вообще грубовата; рост средний: кобели пятнадцати, а суки четырнадцати вершков. Голова с прилобью, но сухая и с проточиной среди лба; щипец сухой и складный; глаза огромные, навыкате, темного цвета, блестящие и умные; уши небольшие, тонкие, вместе поставленные и совершенно острые — конем, а на затылке лежат плотно одно возле другого. Степь и корпус богатырства невыразимого; ребра плотные — бочонком и спущены на четыре пальца ниже локотков; крестец длинный и широкий: между задних моклаков укладывается шесть пальцев; черные мяса огромные. Тело крепкое и твердое, как дуб; правило тонкое — в опрямь и в окороть, с редковатой, но длинной уборной псовиной. Задние ноги поставлены широко; передние прямы, как стрелы, и хотя грубоваты, но костисты, пружинисты и сухи; пазанки склеенные в комок, и собака стоит на ноготках.

Псовина волнистая и шелковистая; цвет ее преимущественно половый, чубарый, полово-пегий и чубаро-пегий.

Эта порода была резвости жесточайшей: из нее родилось много лихих псов. Бросок же у этих собак баснословный! Их родина — Владимирской губернии Суздальский уезд. Но только порода эта, по причине своего богатырства, не любила лежки, а требовала работы постоянной; в противном случае или зажиреет, или ее не удержат никакие запоры. Порода собак Плещеевских была красоты идеальной! Все рослые: суки аршинные, а кобели — аршина и полутора вершков в наклоне; с длинными, гордыми шеями; статные до изящества и чрезвычайно резвые. У плещеевских собак, когда уши были подняты, то концы их загибались наперед. Псовина прямая, мягкая и глянцевитая. Цвет ее большей частью белый, серый и серо-пегий.

Порода Сущевских собак походила на Плещеевскую, но только имела следующие недостатки: многие собаки были белоносые и с подопрелыми глазами; а у некоторых один

глаз был большой, навыкате, а другой — малый, белый и подопрелый. Эти собаки были необыкновенно пылки, цепки и превосходны под островом, но в полях далеко уступали трегубовским и плещеевским. Цвет псовины белый с половыми крапинами на ушах в виде горошин; были и полово-пегие.

Я обязан сказать несколько слов и о ВЫБОРЗКАХ, единственно потому, что эти недопески сменили у многих нынешних охотников кровных борзых собак.

От бестолкового смешения разных пород борзых собак произошли бесчисленные виды собак ЛОВЧИХ, из которых некоторые составили как бы отдельные породы. Пород этих нет возможности ни определить, ни описать; да и не стоит труда.

Сколько есть охотников, которые в течение всей своей жизни не видывали первоклассных, кровных псовых собак и содержат выборзков, называемых ими также густопсовыми, псовыми и чистопсовыми. Собаки эти действительно имеют отличительную псовину (но уж не шелковистую) означенных видов; но все они малорослы, грубы, мясисты, прилобисты, короткошеи, большей частью круглолапы и столько же похожи на кровных псовых, сколько башкирские лошади на орловских рысаков. Впрочем, эти собаки большей частью широкостепы, с плотными ребрами и хорошими черными мясами.

Порода эта произошла от смешения борзых с дворными и потом ведена от выборзков, из которых, к несчастью, иногда выраживаются резвые в полях собаки. К НЕСЧАСТЬЮ говорю я потому, что многие охотники увлеклись этими выродками, выказавшими случайную резвость, не стали обращать никакого внимания на родословную производителей и, прельстясь шириной колодки (корпуса), вывели широколобых кутек и лишились дивных резвостью, красотой и ростом первоклассных псовых собак. Где лихие Трегубовские, Лопухинские, Салтыковские, Плещеевские, Мустафинские, Павловские? Уцелели одни названия у людей, которые "видели в Риме огурец с гору". Вот почему все степные охотники с мнимой жадностью травят лисиц и пропускают русаков с оговоркой: "Ну что за удовольствие травить зайчишек?!" Но сняв с этих господ личину мнимого презрения к лихому зверю — этому оселку испытания собачьей резвости, можем им напомнить лисицу дедушки Крылова (о винограде):

"..... — Ну что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен — ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьешь".

На волков же у них охота смертная, да участь горькая; а волков развелось столько, что они сами начали охотиться на людей. Впрочем, и недопесками травят волков; но когда? В августе месяце, а в это время волчата плоше барана, потому что при первой доскачке собак ложатся и прижимаются к земле. Перетоков же или переярков и старых постоянно провожают из острова в остров с торжественным улюлюканьем и с безрассудной надеждой на успех.

Крымки тоже не избежали карикатур. Некоторые охотники величают крымками широколобых и толстопятых калмыцких и Киргизских собак потому только, что у них висят толстые уши в мордовский блин.

Были отличные крымки у князя Тюменя в Астраханской губернии и у киргизского хана Джангера Букеева; но теперь их нет. У рядовых же калмыков и киргизов, кочующих в

степях астраханских, саратовских, самарских и оренбургских, почти все вислоушки — выборзки. Я видел в Тамбовской губернии необыкновенной красоты, примет и резвости горских собак (как мне сказали), принадлежащих гг. Жихаревым: это было в тридцатых годах. Не знаю, цела ли эта дивная порода.

Кто хочет полюбоваться игрою природы в собачьих видоизменениях, того просим пожаловать в степные губернии! Там вы найдете в смешении дворных, псовых, хортых, калмыцких, гончих — и кровь всех собак, которые бывали неутомимы, случайно ловили зайцев, жадны были к лисицам и, в особенности, злобны на волков. Статей в этих собаках не ищите потому, что их нет: это такие аномалии, над которыми сам Исидор Жаффруа Сент-Иллер стал бы в тупик. Здесь нужен не охотничий разбор, а химическое разложение; одним словом, это те мифические существа, которых так красно, пестро и радужно описал и представил в рисунках магистр ветеринарных наук г. Буссе в непозволительной в наш век книге, изданной им в 1859 году под рубрикой "Собака в главных и побочных ее породах".

В степных местах во главе достоинств ЛОВЧИХ собак стоит сила — тягучесть. Открытая местность, ровная, как стол, способствует этим тенигусам всегда иметь зверя на глазах, несмотря на его резвость, а потому собаки эти редко ловят, как борзые, но "ЗАЛАВЛИВАЮТ" зверя, т.е. заганивают, замучивают до лишения сил. По этой причине я выше и дал им название ЛОВЧИХ, а не борзых.

Однажды в обществе охотников один из них сделал вопрос: "Почему быстрота собаки не вымерена временем, как, например, рысистых и скаковых лошадей?" Сначала мысль эта показалась нам смешной и странной, но рассудив, что при блистательных и высокопарных эпитетах, даваемых нынешними охотниками своим собакам, нет возможности определить резвость собаки, т.е. не вымерив ее на лихом звере с известными собаками, а потому почти все согласились с предложенным мнением.

Послушайте, что рассказывает молодежь о своих сворах. У этого четыре собаки ЛИХИХ, у того десять НАГЛЫХ, здесь — ЖЕСТОКИЕ, там. — КРЫЛАТЫЕ, у одного КИПЯТЯТ зверя, у другого — БЬЮТ, КАК ИЗ РУЖЬЯ, а у третьего "четыре версты скачут все БРОСКОМ, БРОСКОМ и БРОСКОМ!" Говоря же о травле, эти господа не определяют расстояние, на котором побежал зверь, десятками саженей, а — сотнями и верстами; и эти версты в их рассказах мелькают, как вершки.

Вот охотничьи выражения, употребляемые дельными охотниками для определения степени достоинства собаки одним словом — прилагательным или существительным.

ЛИХАЯ или НАГЛАЯ, которая соединяет в себе пылкость псовой собаки с силой крымки и от которой поэтому ни по ножам, ни по топям, ни в ближней, ни в дальней мере русак не уходит: лишь бы завидел ее глаз, и зверь пропал! Этот выродок не разбирает ни грунта, ни местности, ни поры, ни времени, исключая зимних больших удулов. Но и тут, если русак сядет на дорогу (Т.е. не то что сядет для сиденья, а ПОБЕЖИТ ПО ДОРОГЕ. — *Прим. автора*) или побежит таким местом, с которого снег смело, сдуло, то — погиб! Когда лихая собака зажадничает и бросится к зверю, тогда как самый зверь, так и все спущенные тут собаки кажутся в сравнении с ней спутанными. Лов лихой собаки приводит истинных охотников в совершенный восторг. С лихой собакой можно делать 20 и более полей сряду, без дневок: она не ослабеет, даже не перепадет и не потеряет жадности, потому что она ловит зайца шутя, играючи, резвясь.

Из этого определения можно видеть, как сильно ошибается часть неопытных охотников, давая всякой резвой собаке или даже ловцу название ЛИХОЙ.

РЕЗВАЯ от которой ни на полях в островной езде, ни в полях и степях внаездку русак тоже не уходит; но только в хорошее, а не в неспособное и дурное время.

ЛОВЕЦ — который ловит в одиночку, хотя не во всякое время и не всякого русака; но у которого в хорошее время из десяти русаков уйдут два или три, а если резвый, степной зверь, то и четыре, но не более. В противном случае это будет уже не одиночный ловец, а сворный.

ПЫЛКАЯ, или, как некоторые охотники выражаются, ПРУТКАЯ — от которой без угонки не уйдет никакой резвый зверь, если побежит сажен в тридцать и ближе, но не далее. Пылкость псовой собаки есть ружейный выстрел; из ружья пудель — птица летит; пылкая собака угнала раз, два — оборвалась: зверь может уйти, но не без угонки. Под островом, из-под гончих, пылкая собака бьет беляков, как поленом.

СИЛЬНАЯ — не та, которая мощна грызться В СХВАТКЕ; но та, которая ловит русаков одними ногами, как в начале поля, так и в. конце, и притом как первого, так и сорок первого; выдерживает самые тяжелые поля по пескам и по топям. У сильной собаки в чистой степи зверь уйти не должен, в какой бы мере он ни побежал; на полянках же и перемычках могут уходить хоть все.

ТУПИЦА, ОСИНА, ТЕНИГУС, ВОДОВОЗ — нечего и объяснять: названия сами за себя говорят; только сумасшедшие держат таких собак.

> *ПРИМЕЧАНИЕ 1*. Лихая собака по сие время не выводилась никаким знанием, а выраживалась случайно; поэтому тот охотник должен считаться счастливцем, у которого есть или был такой выродок. РЕЗВЫЕ собаки не переводятся у истинных охотников, имеющих породистых собак и достаточные средства. ЛОВЦЫ есть везде.
>
> *ПРИМЕЧАНИЕ 2*. Здесь объяснены только значения слов, употребляемых охотниками для определения качества и всех достоинств собаки; но чтоб безошибочно узнать эти ее качества и достоинства для верного и беспристрастного помещения ее в который-нибудь из вышесказанных разрядов, я предлагаю (ч. II, в гл. 1) правила об испытании в поле резвости, пылкости и силы борзых собак.

ГЛАВА III.

СРЕДСТВА ПРИОБРЕСТИ ОХОТНИЧЬИ ПОЗНАНИЯ И РАЗВЕСТИ СВОИ ПОРОДЫ БОРЗЫХ И ГОНЧИХ СОБАК. СОВЕТ МОЛОДЫМ ОХОТНИКАМ. ПРИЧИНЫ ЧАСТЫХ СПОРОВ ОХОТНИКОВ ПРИ СРАВНЕНИИ ДОСТОИНСТВ ПСОВЫХ И КРЫМСКИХ СОБАК. МЕЛКОТРАВЧАТЫЕ. ОШИБКИ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ МНОГИХ ОХОТНИКОВ ПРИ ВЫВОДЕ ПОРОД СОБАК. КАКИЕ СОБАКИ ЛУЧШИЕ. МЕШАНЫЕ СОБАКИ.

Кто желает иметь свою псовую охоту, т.е. свои породы борзых и гончих собак, тот прежде всего должен познакомиться с опытными и знающими охотниками, не с такими, у которых сотни собак тенигусов, но с истинными охотниками, которые славятся тонким знанием всех пород борзых, постоянной их резвостью, даже лихостью, мастерством гончих, ловкостью езды, распорядительностью в отъезжих полях и всегдашним порядком своих охот.

Участвуя с ними в полевой езде, выслушивая со вниманием охотничьи суждения и изучив, таким образом, правила псовой охоты, можно достигнуть до тонкого знания статей и лада всех пород борзых и гончих и какими свойствами какая порода отличается от другой, а потом опыт научит дельной сортировке племенных собак при избрании производителей. Тогда легко будет иметь и поддерживать породных и статных собак со всеми отличными качествами, нужными и для охотника, т.е. борзых крепких, резвых и цепких, а гончих — мастеров.

Испытав на себе, я предвижу смущение и удивление молодого охотника, когда он обратится с вопросом: "Какая Порода борзых собак лучшая?" — и на этот вопрос получит от многих охотников совершенно различные ответы: одни скажут — псовые, другие — крымки, третьи — хортые. И эти ответы дадут некоторые даже дельные охотники.

Здесь должно иметь в виду, что та птица еще не сокол, которой удалось поймать цыпленка; тот еще не садовник, который только сумеет различить георгину от подсолнечника, и тот еще не истинный охотник, который ездит в поле и содержит много собак, но которых так же разбирает, как в давно известном анекдоте два пехотных солдата толковали об артиллерийских орудиях. Один спросил другого: "Земляк! Какая разница между пушкой и единорогом?" Тот отвечает: "Какая! Пушка сама по себе, а единорог — сам по себе".

Руководствуясь сорокалетним опытом, я подаю руку помощи вступающим на поприще охоты и постараюсь вывести их из затруднительного положения, объяснив им, что есть много охотников, знатоков полевого дела, но не имеющих никакого понятия о породах борзых собак (хотя они в этом ни за что не сознаются). Это потому, что иные весь свой век охотятся с одной какой-нибудь породой, не испытав и не имея понятия о других, и каждый крепко восхваляет и отстаивает ту породу, которой держится постоянно. Кто из них основывается на справедливости, на убеждениях рассудка, на постоянных практических испытаниях и, ко всему этому, всегда имеет неопровержимые обстоятельства налицо — тому подобает честь и наше охотничье глубочайшее почтение. Кто же, находясь под игом пристрастия, превозносит только одно свое, от того, зажмурясь и заткнув уши, повернитесь налево кругом, потому что, где есть пристрастие, там нет ни ума, ни совести, а господствуют безграничная пустота и первоклассная глупость.

Много есть старинных охотников — ЛЮБИТЕЛЕЙ ПСОВЫХ СОБАК, которых никакое земное красноречие и никакие факты не убедят, чтоб крымка, со всеми ее видами, хоть на что-нибудь была полезна. "Помилуй, батюшка! — говорит каждый из них. — Что мне из ее ушей — лапшу что-ли крошить? На что она годна? Вскочит русак из-под ног, а она, проклятая, пошла за ним гнуть да нагибаться: первую угонку даст на второй версте, а на седьмой замучит. Наскачешься до упаду, накричишься до хрипоты. Пока травишь одного, проскачешь мимо десяти: не ворочаться же опять в пяту. Какие это собаки: землемеры проклятые! Леший их задави! Да кто их держит-то? Разве охотники? — Молдаване!"

Эти господа, имея свои комплектные охоты, не любят и избегают серьезных съездов с другими дельными охотниками и, обремененные летами, не пускаются в дальние отъезжие поля, а охотятся более в своих и смежных дачах. К ним иногда примыкают и поступают в полное их распоряжение мелкотравчатые — молодые охотники-новички с громкими рекомендациями своих крымских свор, "отбитых у черкесских князей и ханов туркестанских!" Старички же, видя на деле, как эти "выродки орлов и диких коз" (Туземные охотники Кавказа рассказывают, что их собаки совокупляются с орлами и джейранами) возят воду, и веря от души всем россказням молодого поколения (потому что в их век красных слов мало употреблялось), делают свои заключения о всех крымских по этим водовозам. Охотников же, которые придерживаются к крымкам, называют они ШАЛАШАМИ и МОЛДАВАНАМИ.

Все ЛЮБИТЕЛИ КРЫМАЧЕЙ утверждают, что псовые собаки никуда не годятся. Вот их об этом отзывы: "Что ваши псовые собаки. Бросятся на двадцать сажен — бурей: пых, пых! и — стали. А если русак побежит сажен в пятьдесят — ни одна к угонке не натянет. К концу поля гуськом тянутся сзади — на благородную дистанцию, а к концу осени хоть на полостях ворочай: все обезножат! Если они хороши тем, что бьют на полянках белячишек, так лучше взять ружье или одноручное полено, тогда наколотишь еще больше. Можно бы держать этих собак для шерсти, да она никуда не идет; лучше завести мериносов: это будет повыгоднее".

Не угодно ли кому попробовать быть медиатором у этих господ и довести их до сознания какого-нибудь достоинства в которой-либо породе из критикованных ими. Боже избави такого смельчака! Лучше быть посредником при полюбовном соглашении пятидесяти землевладельцев, называющих себя самыми снисходительными.

Может быть, не воображаете ли вы, любезный читатель, что эти споры происходят в съезде, осенью, под островом или в чистом поле? Ошибаетесь! Тогда эти задорные спорщики "тише воды и ниже травы"; а во время езды каждый крепко держится пословицы "Всяк сверчок знай свой шесток!" С МНИМЫМИ псовыми стоят в опушке или на полянах, а с вислоухими бегут к чистому полю. Мерить же собак не убедят их ни семьдесят Цицеронов. Партизаны воображаемых псовых вызывают на бой под островом или на садку в тридцать сажен, а с крымачами предлагают поднять русака во сто сажен в топь, на пашне, в тридцати верстах от ближнего острова. Дело и кончится тем только, что накричат, нашумят да и разойдутся. Придет зима, возобновятся самые жесточайшие комнатные споры и, в заключение, упреки в трусости. Молодые охотники пристают или к той, или к другой стороне. Шума много, но, конечно, без доказательств. И смешно, и потешно!

Но, вероятно, вы, любезные читатели, спросите меня: "Скажите же, кто из них, по вашему мнению, прав и кто нет?" Отвечаю без запинки: все они по своим убеждениям правы, а между тем все судят ложно.

Представляемые здесь в пример ЛЮБИТЕЛИ ПСОВЫХ не имеют идеи о кровной, резвой, горской собаке, и наоборот: рьяные защитники крымачей не видали никогда породистой и резвой псовой собаки. Первые воображают всех крымачей семимильными тенигусами, а последние считают всех псовых короткодухими КУЛИЖНЫМИ ФЫРКУНАМИ. (Кулигами называют в лесных местах самые малые полянки или перемычки. Фыркун — собака, у которой так мало силы и скачка так коротка, что когда она бросится — лошадь едва успеет фыркнуть, как собака уже становится и обессилит. — *Прим. автора*).

Никто еще, даже г. Реутт, не описал настоящего положения псовой охоты в России, потому что "правда глаза колет". Каково же мне делать специальное описание? Но любя святую правду, руководимый добрым намерением и благой целью, я объявлю несколько истин, от высказа которых оскорбится не одно охотничье самолюбие.

В Симбирской губернии порода первоклассных псовых собак ПОЧТИ уничтожилась. Можно еще встретить некоторые типы бывших собак Наумовских; но от частой, почти ежегодной чумы собаки эти далеко уж не те. Есть еще выведенные от псовых с горскими: собаки красивые и резвые, но их знают одни только соседи, потому что истинных охотников нет. Цельных, комплектных, парадных псовых охот уже не существует лет десять.

МЕШАНЫХ и ТАК НАЗЫВАЕМЫХ псовых собак попадается везде много. В Саратовской губернии с 1836 года нет и подобия псовых собак, а которых там называют псовыми, то это грубые, уродливые карикатуры на псовых собак (В Аткарском уезде Саратовской губернии до эмансипации еще держались псовые собаки, приводимые из Симбирской губернии; но потом поддержать их не сумел никто. — *Прим. автора*).

Жил в Саратове известный псовый охотник Аф.Ал.С-н, который имел горских собак, выписываемых им с Кавказа, и мешаных с псовыми; впрочем, у него было несколько и собственно крымских. При своих огромных способах и знании дела г. С-н имел много собак первоклассной резвости. Разумеется, что он стриг всех и обтравливал с ушей съезжавшихся с ним охотников-смельчаков, решившихся мерить с его крымками своих псовых самозванок, т.е. таких, в которых не было чистой псовой крови, ни даже гомеопатической, биллионной части. Ко всему этому у г. С-на выродилась сука ЛЮБЕЗНА (от смешения псовых с горскими) в полном смысле ЛИХАЯ, выходящая из обыкновенного круга резвых собак. Надобно было видеть, как господа саратовские и, в подражание им, смежных губерний охотники, озадаченные крымками, кинулись добывать собак с ВИСЛЫМИ УШАМИ. Тут не было разбора ни кровности, ни породистости, ни статей, ни лада: лишь бы висели уши; а достать было легко от кочующих в астраханских и саратовских степях калмыков и киргизов.

Сколько раз при разборе этих нетопырей упоминались князья: Тюмень и Джангер-Букеев, как главные выводители таких именитых пород. От смелейших доставалось и Шамилю.

Лучшие в России собаки, по нашему мнению, ОБЫКНОВЕННЫЕ ПСОВЫЕ, за ними ГОРСКИЕ. Мешаные же собаки, выведенные от псовых с горскими с толком и знанием дела, первые в свете (В конце гл. IV. Журнал "Москвитянин", 1845 г. февраль. — *Прим. автора*).

Уважаемый нами охотник (А.С. Хомяков), исчисляя все породы борзых, между прочим пишет: "Как граница Римского или Германо-Романского мира определяется борзыми с острыми, назад опрокинутыми ушами, а мир Исламизма — вислоухими, так и мир Славянский может гордиться своей самобытной породой. Густопсовые принадлежат, очевидно, области лесной: она уступает своим соперницам в силе, т.е. в дальней доскачке, но далеко превосходит их своей почти баснословной прыткостью накоротке. Она рослее, гораздо красивее, несравненно сильнее в боевой схватке, злобнее на дикого зверя и в то же время послушнее. Ее отличительные признаки: длинная, густая и мягкая псовина; длинный, сухой и необыкновенно складный щипец; наконец — прямое ухо, поднятое кверху, как будто настороже, ухо по пословице: "Держи ухо остро". Нам надобно дорожить такой прекрасной и чисто домашнею породой, таким прекрасным складом и с такими умными ушами" (Статья "Спорт". См. "Журнал коннозаводства и охоты", 1842 г. июль. — *Прим. автора*).

От слаженной с толком и свыкшейся своры словившихся добрых псовых собак мудрено не только уйти, но потерпеть зверю. Доказательство для неверующих у нас всегда налицо. Почему же многие охотники погнались за крымками? Резвые собаки г. С-на, как жителя степной губернии, не могли быть первой и главной причиной разведения восточной породы почти во всех русских охотах.

Бывши знаком со многими известными старинными псовыми охотниками, часто рассуждая с ними о разных породах собак, о прославившихся лихостью выродках и о переменах, происходивших в охотах — я постараюсь решить заданный вопрос.

Феномен, заставлявший всех русских псовых охотников обратить особенное внимание на породу крымских собак, был известный в России по московским садкам — СЕРДЕЧНЫЙ, принадлежавший генерал-майору Петру Алексеевичу Ивашкину.

"Сердечный происходил от собак И.А. Кологривова и выведен от пород горских с псовыми". Этот знаменитый кобель оскакивал на московских садках в течение пяти лет, сажаемых с ним собак всех пород (Одна только английская сука Модестка, принадлежавшая Г. Поливанову, достойная соперница Сердечного. См. "Histoire naturelle du qenre humain par", M. Wirey — *Прим. автора*) и многие утверждали, что СЕРДЕЧНЫЙ был собака ЛИХАЯ. Большая часть охотников, узнав о родословной СЕРДЕЧНОГО, вывела из его происхождения ложное, необдуманное заключение, которое слепо поддержали другие! "Вот, — трубили они, — что значат горские собаки! Смеют ли псовые с ними равняться! Все псовые ничто против вислоухих!"

Основательно ли это суждение? Где тут справедливость? Разве Сердечный был чистый горский, а не МЕШАНЫЙ? Почему никто не рассудил и не сделал следующего замечания: "Господа охотники! Мы видим, что от случайного соединения псовых собак с ГОРСКИМИ выродилась лихая собака; будем продолжать испытание с толком и со вниманием, потому что случай этот дозволяет нам надеяться вывести собак необыкновенно резвых". — Это было бы точнее.

Впрочем, я знаю многих охотников, которые схватились за эту мысль и стали мешать означенные породы: кто с толком, а большая часть без малейшего понимания дела. Но вот что странно и непонятно: почему знающие и толковые, при ОБНОВЛЕНИИ, придерживались типа все-таки собак горских или крымских, а не псовых? Или им неизвестно, что, по неоднократным опытам, наши псовые собаки в Азии теряли свой тип и, наоборот, крымки, привезенные в северную или среднюю Россию, в третьем и четвертом колене совершенно перерождались. Даже люди образованные подвергаются

влиянию климатов, а собака, подчиненная воле и прихоти человека, может совершенно измениться в физиологическом отношении, в особенности же — в наружных формах. "Раса, порода или племя порождаются климатом и почвой".

Чтоб удержать типическую наружность крымской собаки, необходимо, чтоб при ОБНОВЛЕНИИ один из производителей был не мешаной, чистой крымской породы. А как известно всем опытным охотникам, что от кровосмешения собаки мельчают, слабеют, рыхлеют и теряют жадность, то, по этой причине для каждого нового поколения должно привозить племенную собаку с Кавказа или из Крыма, что сопряжено с большими трудностями и издержками. Не взяв этого в соображение, а желая удержать в своих собаках крымскую наружность, господа охотники впали в жестокую ошибку: они стали брать пометы и вести породу от собак мешаных, пренебрегая ОБНОВЛЕНИЕМ и не дав выведенной породе установиться. От соединения же полукрымок между собой в первом и во втором колене всегда родятся такие невыносимые и невыразимые тупицы, которые каждое поле постоянно заставляют своего хозяина-охотника петь известную простонародную песню: "Я вечор сваво милова провожала далеко" и — после травли каждого дрянного белячишки — восклицать: "Фу, прыток!"

Удивительнее же всего то, что не было ни одного охотника, который бы после СМЕШЕНИЯ псовой породы с горской УМЫШЛЕННО придержался при обновлении типа псовых собак. Неужели и тут выказывается общая черта нашего характера пренебрегать всем своим и гнаться за чужим? В продолжение сорокалетних наблюдений я собрал множество местных фактов, хотя случайных, но разительно показавших, что наши псовые породы улучшаются до совершенства через смешение их с горскими собаками. Эти случаи утвердительно доказали, что мешанных собак необходимо обновлять опять кровными псовыми, как нашей домашней породою, сообразно с нашим климатом и, следственно, не перераживающеюся, но, напротив, удерживающей свой тип. Моих фактов, как явлений местных и частных, я не буду представлять на общее рассмотрение господ охотников, а поберегу их на случай, когда будут писаться повести и рассказы для псовых охотников. Какой-нибудь злодей-насмешник вздумает поддеть меня и скажет: "Мудрено, милостивый государь, чтоб вы когда-либо дождались собачьих романов!" Вместо ответа я попросил бы его прочитать о Годольфине Шаме — лошадиный роман, который читали, перечитывали и почти выучили наизусть все любители коннозаводства. Таким мастерским пером написанную повесть всякий с удовольствием прочитает и о бурой корове, не будучи скотоводом, а все рассказы, доказывающие лихость собаки, основанные на фактах, хотя не красно, но ясно и верно переданные, интересны для каждого страстного охотника (Слова мои оправдались впоследствии. Спустя несколько лет после того, как я писал эти строки, вышла книга "Записки мелкотравчатого" (Рассказ о псовой охоте Е.Э. Дриянского). Записки эти с большим интересом читались и перечитывались не только охотниками, но даже служащими чиновниками разных ведомств, а эти господа с трудом могут отличить собаку от теленка. Все же псовые охотники сочинение это считают дорогим для себя подарком, потому что в нем мастерски описан охотничий, бесцеремонный быт с его задушевностью, радушием и патриархальной простотой — *Прим. автора*). Пусть любознательный, образованный псовый охотник, имеющий в руках все способы и средства, испытает мое предложение (о СМЕШЕНИИ ПОРОД и потом об обновлении) на деле, руководствуясь правилами, в конце следующей главы изложенными, — тогда, я вполне в этом уверен, он объявит мне публичную и торжественную благодарность.

Не желая, однако, быть невинной причиной уничтожения последних оставшихся где-либо кровных псовых собак, и чтоб не получить незаслуженных упреков от почтенных старинных охотников, я предупреждаю молодых, чтоб они не наслаждались ранним

торжеством и не полагали, что, повязав псовую собаку с горской, дело в шляпе: они будут с лихими собаками. "Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается". Датских, фрисландских и голстинских маток много, арабские жеребцы тоже не перевелись, однако вывел ли кто таких дивных рысаков со всеми достоинствами, каких вывел граф А.Г. Орлов? Тогда как коннозаводство заключает в себе кроме удовольствия и охоты пользу и обогащение.

Производителей найти можно, но к обладанию ими нужно еще присоединить тонкое знание статей и физиологии животного, опыт и умение основательно и безошибочно сортировать производителей, а потом развивать в молодых собаках каждого нового поколения те качеств, которые вы желаете передать выводимой вами породе, чтоб они были наследственны в потомстве, как-то: зоркость, резвость, сметливость, кидкость, изворотливость, цепкость, силу, бросок, злобность на зверя, между тем послушание и вежливость. Все это приобретается годами, усидчивым занятием, личными наблюдениями, а не приказаниями, и постоянной практикой.

Сорок пять лет я псовым охотником; тридцать четыре года веду свою породу борзых собак, которые известны псовым охотникам многих губерний, но я не имел и не имею еще всех тех средств, которые необходимы для вывода желаемой породы.

У нас в России только очень недавно стали составляться общества истинных псовых охотников. В числе же моих соседей были только охотники приватные, и тех эмансипация уничтожила; но мой многолетний опыт дает мне смелость твердо надеяться, что если нижеизложенные мною правила, вспомоществующие к поддержанию породных, статных и резвых псовых собак, и наставления при смешении псовых собак с горскими будут приняты, то результаты доставят мне искреннюю благодарность от всех дельных и справедливых охотников.

Против меня восстанут охотники лесных губерний, которые не травливали русаков южных степей, а также будут мне возражать и отзываться обо мне с иронией те рутинисты, которые приказывали своим ловчим и псарям мешать собак и через это смешение получали кутек и цунек. Я травил русаков по нагорной и луговой стороне Волги, начиная от Нижегородской губернии до Астраханской; травливал в степях оренбургских, казанских, симбирских, саратовских и астраханских, и не только по лугам, но по каменистым местам и сыпучим пескам, особливо около Ельтонского соляного озера; здесь собака без силы не сделает ничего. Поверьте, господа: я видел все охотничьи виды и испытал многое, относящееся до псовой охоты, а потому наобум, на авось и очертя голову бездоказательно не скажу ничего. Почитайте-ка произведения покойного К.Ф. Рулье и новейших натуралистов, тогда увидите, что рутина не ведет ни к чему, а нужны труд, ученье, наблюдения и постоянные опыты.

ГЛАВА IV.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЧИСТОКРОВНОЙ И ПОРОДИСТОЙ СОБАКИ. ВЫБОР ПЛЕМЕННЫХ СОБАК. СОРТИРОВКА.
ВЫБОР, ВЫКОРМКА, СОДЕРЖАНИЕ и ВОСПИТАНИЕ ЩЕНКОВ. ИХ ПЕРЕЛАЖИВАНИЕ ВО ВРЕМЯ РОСТА.
ЗАБОТЫ ОХОТНИКА. ПРИЧИНЫ УНИЧТОЖЕНИЯ МНОГИХ ПОРОД БОРЗЫХ СОБАК В РОССИИ.
ОХОТНИКИ-ПОПРОШАИ. ПРИЧИНЫ БЕСПОРЯДКОВ В ОХОТАХ. КАК ИЗБЕЖАТЬ ИХ.
О СМЕШЕНИИ ПСОВЫХ СОБАК С ГОРСКИМИ. РАЗЛИЧНЫЕ ОБ ЭТОМ МНЕНИЯ. ПРАВИЛА ПРИ СМЕШАНИИ.
ВЫНУЖДЕННОЕ СРАВНЕНИЕ ПСОВОЙ ОХОТЫ С ЕГЕРСКОЙ.

ЧИСТОКРОВНОЙ называется та собака, которая, сохранив всю типическую наружность своей породы, не имеет никакой примеси из другого рода или вида собак, произошла от чистокровных отца и матери и всегда может служить образцом своей породы. На такую собаку охотник-знаток лишь только взглянет — сейчас определит не только ее род, но даже вид или породу, т.е. чьих она собак.

ПОРОДИСТАЯ собака та, которая, при своей кровности, имеет в себе все качества, нужные для охотника, и у которой отец, мать, деды, прадеды и т.д. (чем более восходящих колен, тем лучше) владели все теми же качествами, а потому можно иметь твердую надежду, что эти качества передадутся и в потомстве, т.е. не только детям, но внукам и правнукам и т.д. Чистокровных собак можно найти у любителей собственно собак, которые в поле даже не ездят и не любят охоты; но породистые собаки могут быть только у истинных охотников, которые постоянными практическими упражнениями стараются довести до возможного совершенства все полевые достоинства в каждом новом поколении, а между тем сохраняют и улучшают стати, приметы и лады породы избранием беспорочных производителей и дельной сортировкой. Практика развивает и укрепляет мускулы и все скаковые органы, тело и кости твердеют, жилы получают упругость, ноги делаются суше и крепче, глаза — зорче, и блеска в них больше.

Прежде назначения собак в племенные должно рассмотреть их родословные. Во-первых, для того, чтоб увериться в и кровности и породистости: не было ли впущено в каком-нибудь колене собаки неизвестной породы (чего не должно быть), и во-вторых — чтоб избегнуть кровосмешения. Предел родства полагать до второго колена. От кровосмешения усиливаются все родовые пороки, зарождаются и укореняются наследственные болезни; собаки мельчают, становятся тоньше в костях, слабеют, теряют всю энергию, и суки приходят в раннюю и частую пустовку.

После разбора родословной стараться выбирать производителей, не только что известных своей резвостью, но чтоб они были статей беспорочных или, в крайности, с такими малыми пороками, которые не важны. При этом соблюдать следующее: если какие части порочны у суки, то назначаемый к ней кобель должен иметь те части в совершенстве, и наоборот: что дурно у кобеля, чтоб то было превосходно у суки. Столкновение же одинаково порочных частей, как в кобеле, так и в суке усиливает эти пороки в детях и в потомстве до такой степени, что в последствии трудно (чтоб не сказать невозможно) их уничтожить.

В упоминаемой уже мной книге г. Основского "Замечания московского охотника на ружейную охоту с легавой собакой" прекрасно изложено в главе XI "ВЫВОД ПОРОДЫ СОБАК" и в главе XII — "ПРИЛОЖЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПРАВИЛ К ВЫВОДУ СОБАК". Видно, что эти статьи писаны истинным охотником, который не тщеславится тем, что у него ружья Ленкстера, Вестлей-Ричарса, Перде и иных; не называет себя охотником только потому, что бьет бекасов и дупелей, жжет порох и сеет дробь. Это такой охотник, о котором отрадно удостовериться, что он существует. Вот из его-то книги (из главы XII) я заимствую следующие строки:

"НА ПЛОД ВЛИЯЕТ ПРЕИМУЩЕСТВЕННО СИЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СОЕДИНЯЕМЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ".

Вы соединили слишком молодого кобеля с сукой вполне возмужалой, или с нею — слишком старого кобеля: опыт показывает, что в потомстве свойства суки будут преобладатъ. Или истощена сука предшествующими щенками и скудной пищей, а кобель в полной силе: он и будет преобладать в потомстве.

Все это мной испытано за несколько лет до выхода в свет этой книга. Заметьте еще, что тот производитель, которого порода древнее, т.е. который имеет более восходящих колен, сильнее влияет на приплод, чем тот, у которого в породе колен менее. Помните главные признаки кровности и породистости собаки: чтоб богатырство корпуса и крепкотелость были соединены с сухостью головы, ног и правила; глаза темного цвета, большие блестящие; ухо тонкое; правило тонкое и сухое; псовина глянцевитая и мягче шелка.

Многие охотники увлекаются часто своим ЛИЧНЫМ вкусом и впадают в крайности: один, любя богатырскую сложку, допускает мясистость и прилобистость, другой, гонясь за сухостью и чистотой, доходит до сухопарых, тонконогих, лещеватых мумий. Не увлекайтесь и будьте осторожны.

Сука (производительница) непременно должна быть длинная, прямостепая, скамьистая (но без переслежины), широкая, бочковатая, с полными гачами и рослая; но больше массивная или, как выражаются охотники, корпусистая, т.е. на ногах казаться коротковатой: от такой выходят собаки прочнее, надежнее и породистее.

Кобель же (производитель) может быть и не чересчур рослый, но широкий, крепкий и ладный.

Должно знать и помнить, что рост дает сука, а не кобель.

От рослого кобеля и от малой суки если и выродятся иногда собаки рослые, но зато они будут большей частью редковаты и не ладны.

По необходимости можно брать и от той суки, которая в кобелиных статях, особливо если она породы знаменитой.

Прямостепой, скамьистой суке назначат кобеля крупного, с верхом, и наоборот: суке с напружиной (в кобелиных статях) назначается кобель прямостепый, но не длинный, а короткий и широкий.

Сука, которая начинает пустовать не ранее, как ей исполнится три осени, считается крепкой и из племенных лучшей. Кобель к ней назначается от двух до пяти осеней, т.е. уже бывший в сортировке.

От одной суки более трех пометов брать не следует; разве уж по необходимости можно выбрать и из четвертого, если сука крепка, игрива, весела и не потеряла жадности; флегматичность же и понурость суки передается детям.

Кобеля за пять осеней в таком только случае к вязке допускают, если он сбережен, бодр, свеж, крепок и всегда игрив.

От ПЕРЕСТАРКОВ (слишком старых собак) приплод бывает мелкий, слабый, понурый, без всякой жадности, желтоглазый или с подопрелыми глазами, многие щенки выходят белоносые и глухие.

От слишком молодой или только что сгодовалой суки бывают собаки узкие и не ладные, потому что она не сумела еще ЗАМАТЕРЕТЬ, т.е. сложиться, раздобреть и окрепнуть. По этой причине, если сука распустует, не имея двух осеней, ее следует отдержать, не веря старому, принятому многими охотниками предрассудку, что "от отдержки ПЕРВОЙ пустовки сука портится и не будет скакать наголову". Само собой разумеется, что она не будет скакать 5 месяцев, т.е. весь период щенности, метания, выкормки щенков и переборки (перелиняния). Ведь вы ОТДЕРЖКОЙ форсировали натуру; но натура все-таки возьмет СВОЕ ВРЕМЯ, по прошествии которого сука придет в нормальное положение и будет скакать по-прежнему, как ни в чем не бывало. Хорош был бы конский завод, если б случали двухлетних кобылок! То же можно сказать и о рогатом скоте.

СУКЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНО ВРЕДНА ПЕРВАЯ ОТДЕРЖКА, КОГДА ОНА РАСПУСТУЕТ ДВУХ ИЛИ ТРЕХ ОСЕНЕЙ. ВРЕДНЫ И ПОСЛЕДУЮЩИЕ ОТДЕРЖКИ ТОЙ СУКЕ, КОТОРАЯ ПУСТУЕТ ОДИН РАЗ В ГОД. Но суку, пришедшую в раннюю пустовку (т.е. только что сгодовалую) и пустующую два раза в год, непременно следует отдерживать, в противном случае она скоро ослабеет, для поля будет негодна; да и щенки ее будут мелкие, рыхлые и слабые.

Точно так же молодого, только что сгодовалого кобеля в производители назначать не следует, а когда он был уже осень в рыску, в конце следующей за тем зимы или в начале весны, т.е. двухгодовалого, должно повязать с какой-нибудь сукой. После вязки он спустит ребра, свернется, раздастся, сложится и скрепчает, иногда уже (т.е. на следующий год) он может поступить в производители.

Малоглазых и белоглазых собак в племенные не допускают; во-первых, это признак не кровности, а во-вторых, этот порок особенно скоро вкореняется, и исправить его будет невозможно, разве совсем переменить породу.

Кроме разбора миологического и вообще наружной красоты производителей не должно упускать из вида и их темперамент. Есть собаки умные, сметливые, веселые, рыскучие и жадные к зверю; есть же, несмотря на резвость, и дуры набитые, понурые флегмы и никогда не приобретающие сметки. Все эти свойства одинаково передаются производителями, как и стати их; только кобель влияет более на физические части, а сука — на нрав и темперамент. Приятно иметь собаку умную при ее резвости, но если ко всему этому она жадна к зверю до азартности, что охотники объясняют выражением: "Собака БЕСПАМЯТНАЯ — это чистое сокровище!"

ПРИМЕЧАНИЕ. Лучшее время для сортировки (вязки): февраль, март и апрель.

Когда у суки замечено будет частое мочетечение, тогда иметь за ней бдительный надзор (особенно при утреннем и вечернем чесании гребнем); чтоб не пропустить дня, когда из ПЕТЛИ (Половой орган — *Прим. автора*) покажется краска. По прошествии четырех дней от появления краски сука отсаживается в светлый чулан, устроенный в отдалении от псарного двора, чтоб кобели не слышали даже ее визга; в противном случае они будут вертеться около отсадочного места, сгрызутся и наделают себе хваток. В отсадочном чулане должен быть крепкий, плотный пол и такой же потолок; под самым потолком большое окно с железной решеткой; у двери — висячий замок; ключ должен храниться у ловчего.

Подстилку, состоящую из чистой ржаной или овсяной соломы без череды и репьев, переменять два или три раза в неделю, и каждый раз после утренней и вечерней кормежки солому мешать и переворачивать.

Суку проваживать раз пять в день, чтоб она не скучала и не выла; свору пускать свободнее — во всю ее длину. В теплое время в чулане постоянно иметь в каменной лоханке свежую воду для питья, а в холодное (чтоб не замерзла) приносить через два часа после утреннего корма и в полдень.

Со дня отсады суки и во весь период ее щенности кормят ее обыкновенно хорошо смолотой овсянкой, запаренной бульоном со свежим мясом (с зайчатиной, кониной, говядиной, телятиной и бараниной, но не со свининой) и с разваренными в этом же бульоне и размятыми морковью и луком для очищения соков и изгнания глистов.

Племенному кобелю, назначенному к вязке, дается та же самая пища, как и суке, до окончания сортировки. Содержать его на псарном дворе, в противном случае он будет лезть к суке, грызть дверь и напрасно раздражать ее и себя.

Через семь дней по отсаде суки, т.е. в одиннадцатый день после появления краски, (Потому что сука после появления краски четыре дня ходит по воле, а пятый уже отсаживается — *Прим. автора*) когда петля припухнет и краска пропадет, вводится кобель поутру натощак к суке, тоже не кормленной, и вяжется. Связавшимся собакам отнюдь не давать тянуться, а надеть ошейники, перекинуть у кобеля перед на одну сторону, поставить с сукой головами рядом и держать коротко на своре, пока разойдутся, если же собаки будут рваться, то может сделаться у обоих повреждение половых органов. После того кобель выводится, запирается в особом чулане минут на десять, а потом подмывается свежей водой, вытирается досуха и проваживается целый час. К корму же допускается не прежде, как через два часа после вязки. С сукой поступают точно так же, как и с кобелем, и потом оставляют ее в покое до следующей провадки.

Кто сомневается в том, что сука может принять с одного раза, то, пропустя другое утро, на третье вязку повторить точно так же. Я постоянно вяжу суку один только раз, именно: в двенадцатый день после появления краски, и не помню случая, чтоб сука спустовала; разве в чумный год, тогда суки редко принимают.

Производители (кобель и сука) во время сортировки должны быть в ПОЛЕВОМ ТЕЛЕ, т.е. чтоб не были жирны, в противном случае сколько суку не вяжите — она окажется холостой. Запирать кобеля с сукой решительно вредно для обоих от чрезмерной раздражительности, а также более двух раз вязать не следует, иначе вместо верного ожидаемого помета может произойти переплодоношение, кобель напрасно ослабеет, а сука, если и помечет, то после помета будет очищаться неделю или двумя долее настоящего срока и тоже ослабеет.

Когда опухоль петли пропадет, что почти всегда бывает в девятый день после вязки, тогда суку вымыть с мылом, обсушить, продержав в избе или в комнате целые сутки, и спрыснуть уксусом. Потом привести для пробы того же кобеля и, если сука будет отгрызаться, дать ей совершенную свободу.

Кобелю же, бывшему в сортировке, через неделю после оной дать слабительное и потом, опять через неделю, слабительное повторить для унятия раздражения. Вымыть его точно так же, как и суку.

Не только постоянная отдержка, но отдержка два раза сряду как суке, так и кобелю чрезвычайно вредна. Если кобель крепкий, сложки богатырской, то его (нужно ли, не нужно ли) непременно должно повязать один раз в год, а именно: в конце февраля или в начале марта, чтоб он был к осени в совершенной поре. В противном случае от отдержки он начнет худеть, сохнуть, сделается вялый, скучный и сбавит скачки наполовину, а весной или летом окажутся у него накожные болезни и боль в ушах. Разумеется, здесь говорится не о молодом, едва сгодовалом кобеле, а о том, который уже бывал в вязке.

Сука, которая пустует в первый раз, имея две или три осени, если будет отдержана, не только лишится скачки и совсем потеряет жадность, но впоследствии не будет давать и хороших щенков. Исключения редки. Я знаю несколько случаев, что суки подвергались самородному бешенству единственно от отдержки.

Некоторые суки перед пустовкой прибавляют скачки, а другой убавляют, зато первые после отсады сбавляют резвости на все время щенности, а вторые делаются на месяц резвее. Так как щенность суки со дня восприятия семени продолжается шестьдесят три дня, то многие охотники от нетерпения или незнания берут суку в поле тогда, коща б следовало ее покоить и беречь. Для этого я представлю здесь те периоды, в которые сука бывает ВО ВРЕМЕНИ И БЕЗВРЕМЯННА. (Когда говорится, что СУКА ВО ВРЕМЕНИ, значит, что она в совершенной поре и должном порядке: не щенна, не больна, не в разлиньке, хоть сейчас в поле; а БЕЗВРЕМЯННА — противное этому, т.е. езда может ей повредить — *Прим. автора*).

Лишь только покажется у суки краска — в поле брать ее не следует. Четыре дня ходит она по воле; двадцать дней сидит она в отсаде (т.е. в двенадцатый день после появления краски вяжется и двенадцать дней сидит она взаперти), три дня после отсады дать ей оглядеться и освежиться на свободе, две недели можно с ней охотиться, разумеется, не делая тяжелых полей. Потом она оставляется в покое и на совершенной свободе до самого дня метания и выкормки щенков. Месяц она кормит, месяц подбирается и очищается и месяц перебирается (линяет). После этого она в совершенной поре до следующей пустовки. Если же суку брать во время пустовки или вскоре после помета, не дав ей перебраться, то у нее сделается РАСПЕТЛИЦА и тогда она будет годна только на лайковый завод. (РАСПЕТЛИЦЕЮ называется та болезнь, когда у суки половой орган сильно распухает с нарастанием внутри дикого мяса и с постоянным истечением крови — *Прим. автора*).

Повязанного же кобеля можно брать во всякое время, выключая то, когда он бывает в разлиньке, потому что он тогда очень слабеет. Впрочем, во весь период безвременности суки кобель сбавит скачки и будет слабеть, но после переборки заскачет своими ногами.

С приближением срока метания приучать суку к логовищу, т.е. к месту, где назначено ей метать. Для этого необходимо иметь в псарной избе чулан, которого перегородка не доходила бы до потолка на аршин. Этот чулан перегораживается на полу, на самой

середине, т.е. пополам, доской семи или восьми вершков шириной, поставленной ребром для того, чтоб подстилочная солома не разъезжалась, потому что сука для метания непременно сделает гнездо до пола, чтоб быть закрытой и удобнее бы ей было повивать и очищать щенков. Впрочем, она и после часто разгребает солому. Наверху чулана должно быть вместо форточки для очищения воздуха волоковое окно, как в крестьянских избах с надворья.

Когда сука помечет, не должно к ней заглядывать из любопытства, особливо чужому: она в это время сторожка и строга, но оставить ее в совершенном покое; в противном случае от озлобления и раздражительности молоко у нее испортится и произведет в щенках колики, судороги, а иногда и самую смерть.

Если сука нежна и раздельна к щенкам до того, что от них не встает и от них не отходит, тогда на третий день после помета дать ей поутру, натощак, две столовые ложки в рюмке клещевинного масла (Oleut ricini) в один прием, или полторы унции манны (Mannae Calabrina), разведенной в трех или четырех стаканах кипяченого молока, потом процеженной через частое решето и остуженной. Это легкое слабительное для очищения суки и могущего произойти запора от передержки, что могло бы повредить щенкам опять-таки через молоко. По прошествии трех дней ловчий со всею возможной осторожностью переносит щенков на другую половину чулана, на постланную солому; тут же рассматривает, сколько кобельков и сучек (истинный охотник все это делает сам, не доверяя никому), и какого рода господину нужно, оставляет под матерью, но никак не более четырех щенков, Остальных же подкладывает под кормилицу — борзую ли, гончую, легавую или дворную собаку — все равно: особенного влияния кормилицына молока на развитие щенков по сие время не замечено. После переноски щенков сукино логовище очищается и вытирается насухо, а когда совершенно высохнет, посыпается персидской ромашкой от блох и настилается свежая перемятая ржаная или овсяная солома, которую постоянно сменяют через два дня. Таким образом, логовище переменяется и щенки переносятся из одного угла чулана в другой. Если сука не держит щенков в должной опрятности, то в избе или в весеннее время на дворе подмывать их теплой водой, вытирать как можно осторожнее насухо и с такой же осторожностью вычесывать гребнем. Чистота и опрятность способствуют к улучшению и облагораживанию всякой породы.

При выборе щенков мы не будем считать ни рубцов в небе, ни волосков под нижней челюстью, ни ребер, но при этом случае посмеемся от души над всеми щупаньями, рассматриваниями и плутовскими ужимками шарлатанства. Я советую держаться тех правил, которыми постоянно руководствуются, и всегда с успехом, охотники-знатоки. Главное, основное правило состоит в совершенном знании породы племенных собак, от которых желаем взять щенков. Если они находятся еще под матерью, то выбирать преимущественно по масти, помня, какой была псовина у замечательно резвых собак в этой породе. Из двух же или трехмесячных щенков каждый истинный охотник выберет без ошибки. Здесь первая рекомендация: большие, круглые и темные глаза, а потом ширина степи и крестца; крепкотелость, тяжесть и чтоб спуск ребер был плоский, а не острый, это можно узнать, положив Щенка спуском на ладонь: плоский спуск показывает будущую бочковатость собаки, а острый — лещеватость. Впрочем, эти правила годны к случаю, когда мы пожелаем разделить с кем-нибудь помет или взять щенков от чужих собак. От своей же суки истинный охотник выкармливает весь помет и закидывание щенков считает преступлением, разве неизлечимая болезнь или повреждение членов окажется в каких-нибудь тощих пискунах.

Осенних и зимних щенков оставлять не следует, как по трудности избной выкормки, так и по суровости времени, которого они перенести не в состоянии.

В течение всей выкормки кормить суку три раза в день легким, но сытным кормом, тем самым, который давался во время отсады, и варить два раза в неделю щи из кислой капусты с мясом и все-таки с морковью и луком, даже с чесноком. О свежей воде для питья тоже не забывать.

Щенкам, находящимся под матерью, не дается никаких лекарств, если они неспокойны и визжат, то лечится сама мать. Все лекарство состоит в том же слабительном, которое дается суке в третий день после помета, а именно: манна (Mannae Calabrina).

Если помет случится в холодные месяцы: в конце февраля или в начале марта, то щенки оставляются в избе до окончательной сукой выкормки, т.е. на месяц или недель на шесть. Если же сука помечет в апреле, мае или июне, одним словом, в теплое время, тогда семидневных щенков переносят в крепкий, прочный, плотный и просторный шалаш в отдалении от псарного двора, но поблизости птичного и скотного, чтоб щенки привыкли к скотине и домашней птице. Шалаш этот устраивается на возвышенном луговом и совершенно сухом месте, а еще лучше, где есть, на твердом и каменистом грунте: от этого пазанок выходит суше, сжатее и крепче. От низменного же и сырого места щенки делаются лаписты, подвергаются забойке и английской болезни, которая исковеркает все суставы и кости. Для избежания этого ставится другой шалаш саженях в шести от первого, в котором должна постоянно находиться большая куча сухого красного борового песка, а за неимением и обыкновенного, только непременно сухого. В этом песке щенки охотно роются, чем укрепляют мышцы и выправляют суставы. Щенки от матери никогда не отнимаются (разве только сука занеможет), потому что она часто выводит их на игру, приучает к изворотам, броску и глоточной хватке, составляющей, в последствии, неотразимый удар у лихих волкодавов. Сука сама будет отгрызаться от щенков через пять или шесть недель, т.е. когда ей наступит время подбираться.

Месячных щенков приучать к вареному молоку, вскипяченному один раз, но отнюдь не топленому, наливая оное в мелкую тарелку и обмакивая их мордочки, отчего они, облизывая друг друга, привыкают к лаканию. Топленое молоко вредно потому, что маслянистые его частицы произведут в щенках кислоты и резь в желудке.

Когда щенки отстанут от матери и примутся за корм, тогда обращать особое внимание на корм суки. Мясо крошить ей мелко, костей и крупных хрящей отнюдь не класть, потому что все суки при щенках обжираются чересчур и глотают не жевавши, для питания щенков прибегают к ним, взвизгавают особенным образом, и щенки, несмотря иногда на крепкий сон, понимая хорошо этот призыв, с лаем и визгом бросаются к матери. Тогда сука отрыгивает им корм, который они едят с жадностью. Были случаи, что при подобном отрыгивании попадались кости и хрящи, которыми щенки подавливались насмерть.

Кормить щенков одним молоком с неделю, потом в горячее молоко набалтывать мелко смолотой овсянки, чтоб запарилась и остудилась. Этот корм давать тоже с неделю. Далее, до трех месяцев, заваривать такую же овсянку на бульоне, в котором разварена и протерта морковь сквозь частое решето, кроме того давать им два раза в неделю вареного молока с чесноком.

Посуда, в которой кормить щенков, должна быть каменная, потому что ее удобнее держать в чистоте, чем деревянную, которая при забвении выкармливающего

выполаскивать хоть один раз (особливо в теплое время) будет отзываться кислотой, а от этого заводятся в щенках глисты. Мало охотников, которые могут положительно отвечать на вопрос: почему в одном и том же помете при одинаковом воспитании одни собаки бывают ласковы, а другие робки, как дикие звери? Я здесь говорю не о запуганных собаках жестоким обращением, но о собаках до такой степени диких, что, будучи введены в комнату, они готовы выбить раму и броситься в окно. После многих наблюдений я, наконец, узнал тому причину. Никогда не должно подходить с шумом к щенкам во время их сна: они бывают необыкновенно пугливы, а внезапное пробуждение может напугать щенка до того, что он сделается робким и диким на всю жизнь. Такая собака охотниками называется ДИЧОК, а застращенная дурным обращением, которая хотя ползет с визгом, а все-таки ласкается СИРОТЛИВОЮ.

С двухмесячного возраста необходимо давать щенкам первого числа каждого месяца слабительное. Самое лучшее это манна (Mannae Calabrina), разведенная в теплом молоке, начиная с пол-унции двухмесячным щенкам и потом увеличивая прием до совершенного возраста, так что взрослой, и вместе с тем большой собаке дается манны две с половиной унции в раз. Молока употреблять при этом случае, начиная с одного стакана для щенка, и доходя до четырех стаканов для взрослой собаки. Щенки лакают это лекарство весьма охотно. Слабительное необходимо потому, что некоторые щенки объедаются, другие же из шалости едят и грызут все то, что им попадается на глаза и под морду, даже свой собственный помет. От засорения же желудка может сделаться воспаление.

С трехмесячного возраста до шести месяцев к этой запаренной на бульоне овсянке прибавляется само мясо. Мясо употребляется всякое, кроме свинины, т.е. конина, говядина, телятина, баранина и зайчатина. Острые и жесткие кости выбирать и жиру не давать. Когда мясо разварится, совершенно упреет и будет готово, тогда вынуть его из котла, изрубить на доске мелко, как на окрошку, чтоб щенки ЕЛИ корм, и не приучать ТАСКАТЬ одни куски. Всыпать в ушат сказанной овсянки (сколько нужно, чтоб не было густо), наливать на нее понемногу кипящего бульона и сильно размешивать деревянной лопаткой вроде весла, не оставляя комьев, которые разминать руками: если щенок (и даже взрослая собака) проглотит такой неразмятый, скатавшийся мучной ком, у нее сделаются колики и может произойти воспаление. Замесив овсянку до густоты киселя, накрыть ушат плотно доской — липовой или березовой, но не смоляной, чтоб овсянка хорошенько упрела, а через полчаса ушат раскрыть, разводить понемногу оставшеюся остуженною наварой, размешивая хорошенько лопаткой. Когда же запаренная овсянка разведется и смешается ровно, без комьев, тогда уж вылить в корыто, потом положить изрубленного мяса, всыпать из ржаного хлеба хорошо пропеченных сухарей, величиной в орех, хорошенько перемешать, дав сухарям немного отмякнуть, и тогда кормить. Корм должен быть одинаковой теплоты с парным молоком; зимой же на один градус теплее. От горячего же корма может произойти у собак сухотка, парши и даже воспаление желудка, а гончие потеряют чутье. Корма наливают щенкам столько, сколько они могут съесть за один раз, но отнюдь в корыте не оставлять: он скиснется, произведет резь, колики и корчи, да и щенки, имея всегда перед собой корм, потеряют жадность, будут только полизывать и в последствии сделаются собаками сухопарыми, лещеватыми и острокостыми. Когда же щенки будут съедать весь свой корм с жадностью, то все-таки не надеяться на вылизанную чистоту корыта, а после каждой кормежки вымывать его начисто и потом наливать воды, чтоб никогда не было кислого запаха.

Во время еды щенки непременно перепачкаются, их следует вытирать сперва свертком мягкой соломы, а потом полотенцем. Когда же обсохнут, вычесать гребнем: псовых — редким, а чистопсовых — частым, и это повторять после каждой кормежки, чтоб щенки всегда были как огурчики.

До шестимесячного возраста щенков должно варить в их бульоне морковь с луком, растирая их в размазню, эта пища очищает соки и изгоняет глистов.

Собака такое уживчивое домашнее животное, что его можно приучить ко всякому корму. В Астраханской губернии калмыки кормят своих собак рыбой. Я знал одну генеральшу в Петербурге, которая кормила своих комнатных собак одними рябчиками, поила кофеем и заказывала в кондитерской собственно для них особенные конфеты. Но как приятны нежность и деликатность в кинг-чарльзе или в моське, так это составляет порок в собаке борзой. Не должно забывать, что она животное хищное, употребляемое для травли, что ее достоинства не пляс на задних ногах, а жадность и злоба на зверя, поэтому ее хищнические свойства и наклонности не должно уничтожать, а напротив стараться поддерживать сообразными с ее натурой пищей и воспитанием. Для этого, когда щенки сбросят щенячьи зубы (что обыкновенно бывает в конце третьего месяца), следует давать им раза три в неделю по котлете в один фунт (409,5 г.) весом из свежего сырого мяса (о котором сказано выше) и так продолжать до года, конечно увеличивая порцию, смотря по возрасту собаки: это необыкновенно их укрепляет и формирует черные мяса.

С трехмесячного же возраста щенков иметь за ними особенно бдительный надзор. В это время они роняют зубы, некоторые из них заболевают, а по выздоровлении, сбросив щенячьи зубы, делаются смышленее, резвее и озорковатее: начинают шалить, т.е. бросаться на домашнюю птицу и за ней гоняться. Достаточно щенка наказать слабо розгой за ПЕРВУЮ шалость: он будет всегда вежлив и тогда уже можно за ним присматривать слегка. Излишняя же строгость делает щенка робким и сиротливым, что останется навсегда. Без надзора щенок исповесничается: будет душить цыплят, кур, индеек и проч.; а сгодовавши доберется до поросят, овец и телят. Такая собака, какими бы достоинствами ни обладала, нетерпима в дельной охоте.

Когда щенкам будет месяца четыре, то каждому из них давать после корма по МЯГКОЙ, небольшой косточке для укрепления челюстей; но косточки должны быть НЕВЕЛИКИ, чтоб щенок мог грызть, не упираясь лапками: в противном случае от нежности суставов передние ноги могут поползти и сделаться вразмет. Но еще лучше с этого возраста щенков давать им грызть телячьи и жеребячьи копытца, поджаренные на углях, остуженные и изрезанные мелко, до чего они лакомы и что им чрезвычайно полезно, как средство противоглистное. Самое глистогонное лекарство — Oleum animale — извлекается из роговых частей копытных животных.

Подстилочную солому у щенков переменять через два дня, переминая свежую хорошенько, чтоб она не торчала рогами, а то щенок легко может выткнуть себе глаз. Когда старая солома выгребается из шалаша, то свежая не сейчас же расстилается, а должно подождать, пока место совершенно просохнет, потом насыпать на него персидской ромашки, которая истребляет блох и прочих насекомых, и тогда уже класть свежую, перемятую солому.

> *ПРИМЕЧАНИЕ 1*. Никогда не должно брать щенков за ноги: суставы и кости их так нежны, что, не чувствуя, можно сделать повреждение, которое впоследствии обратится в уродство. Берут щенка, когда это необходимо, одной рукой между передних ног под грудь и под спуск ребер, а другую под зад.

> *ПРИМЕЧАНИЕ 2*. Полуторамесячных щенков кормить шесть раз в день: двухмесячных — пять раз; трехмесячных — четыре раза; четырех- и пятимесячных — три раза, а с шести месяцев кормить щенков одинаковым кормом со старыми собаками, прибавляя только поболее мяса, и два раза.

Если щенки, невзирая на хороший корм, начнут худеть, повизгивать и, вытянув задние ноги под себя, будут ездить на заду, как на салазках, это признак нахождения в них глистов; тогда кормить их, как сказано в лечении от глистов. (См. Часть II; глава IV; пункт 16). Глисты заводятся от накопления слизей и от кислот. Против этого чрезвычайно полезно с трехмесячного возраста щенков разбрасывать около их шалаша печную глину в кусочках. Щенки с большой охотой грызут эту глину и она приносит им двоякую пользу: изгоняет слизи и удовлетворяет их желание грызть, которое у них постоянно бывает при ронянии щенячьих и вырастании новых зубов.

В жаркие дни летних месяцев непременно щенков мыть в речной или прудовой воде, обливая понемногу из ведра, закрывая осторожно уши руками, чтоб не попало в них воды, это купанье освежает и укрепляет, но бросать их в воду, как поступают многие, не следует, а то им нальется в уши, от чего может сделаться опасная болезнь ушей и глухота.

Вот три главных правила, на которых основано все воспитание щенков:

1) не допускать, чтоб в щенках заводились слизи, кислоты и глисты, а потому кормить их свежим кормом;

2) содержать щенков всегда в чистоте и воспитывать на совершенной свободе, наблюдая, чтоб место их ежедневного пребывания и игры было на твердом каменистом грунте и

3) иметь за ними бдительный надзор, когда им исполнится три месяца, недопуская до серьезных шалостей, т.е. до гоньбы за домашней птицей, а также за ягнятами и поросятами, тогда они будут вежливы, ласковы и послушны.

> *ПРИМЕЧАНИЕ*. Несмотря на то, что щенки воспитываются на совершенной свободе, следует непременно ходить с ними в поле, в кусты и в лес для того, чтоб, во-первых, они привыкали к пашне, к жниве и, вообще, ко всякому грунту; во-вторых, когда щенок; играя в кустах, зашибется, то этот ушиб не может быть сильным уже потому, что щенок не имеет еще такого броска, как старая собака, а легкий ушиб скоро излечится, но зато опыт пригодится впоследствии, кощa собака по азартности вловит в остров зверя — будет осторожнее.

Если хотите избежать неприятностей при воспитании щенков и желаете утешать себя постоянной надеждой на их будущую красоту и резвость, то держитесь более той породы псовых собак, в которой щенки с первого взгляда отличаются от дворных только чистотой головы и щипца, но растут грубо: корпус кульком; ноги толстые с шишками в сгибах передних ног (что означает будущий большой рост), но прямые и со склеенными пальцами; глаза большие, навыкате, блестящие и темного цвета; уши острые — конем, а когда на затылке, то лежат вместе, плотно; правило коротковато и совершенно прямо. Такие щенки не будут вас мучить ни разладом, ни худобой, к концу года вытекут, а к двум годам сложатся, сладятся и своей красотой и приметами на выводке, а досугом в поле распотешат хозяина.

Но есть такие породы особливо чистых и нежных, т.е. изящных собак, которых щенки во весь период своего вырастания измучат, истиранят нетерпеливого охотника. На одном месяце меняются они несколько раз: то сделаются переляки, то вислозады, то с разметом передних ног, жидки, вздернуты, на ногах, с гусиными лапами и проч. и т.п. Если б они так и оставались ВСЕ с этими пороками, то — пришибить их, не держаться этой породы и

— конец делу. Вот в этом-то и беда, что НЕКОТОРЫЕ опять сладятся, сделаются статны, изящны и необыкновенно красивы, но все-таки не все, а НЕКОТОРЫЕ щенки такой породы во время выкормки для страстного охотника совершенно пытка!

Обвиняя многих наших охотников в лености, нерадении и небрежности к своим охотам, (См. "Журнал охоты", 1875 г. № 1, 2, 3. статью под рубрикой "Заметки старого провинциального охотника" — *Прим. автора*) я вынужден был к тому жалостью, горем, видя, как эти господа доставшихся им по наследству дивных собак отдавали на попечение своей пьяной, беспутной прислуге и тем сгубили такие породы, о которых старые охотники вспоминают и ныне. Если б эти баричи еще не видели и не знали, как воспитывают щенков и содержат старых собак, то это было бы другое дело, но я долгом считаю уверить уважаемых читателей, что все вышеизложенное о выборе племенных собак, о выкормке, содержании и воспитании щенков, взятое мне с тех правил, которых я постоянно держался и которыми руководствовались мои короткие приятели-охотники, все это, говорю, было на виду у вышесказанных сибаритов. Нет сомнения, что были и в других углах России псовые охотники, которые еще деятельнее занимались поддержанием пород своих собак тщательным воспитанием щенков и должным за ними присмотром, а потому отсюда рождается вопрос: если между ШАЛАШАМИ были и охотники дельные, отчего же и погибли все знаменитые породы борзых собак в России, тогда как плодовитость этих животных известна каждому?

Отвечаю утвердительно — от двух причин:

а) от болезней и
б) не от недостатка, а от совершенного неимения ветеринаров в провинциях.

Хотя истинные охотники признают серьезными только три болезни у собак, но эти болезни ужасны:

а) бешенство,
б) чума и
в) воспаления.

До прочих же болезней можно не допускать, или при собственном опытном лечении, должном уходе и наблюдении они все излечимы.

От бешенства сохраняет только ПИКЕТНАЯ осторожность и строгие меры, то есть при первом крике "Бешеная собака!" должно немедленно загнать и запереть всех собак, находящихся на воле, укушенную же собаку сейчас отсадить в крепкий отдел, и кто знает, пусть лечит, а самое верное лекарство — дубина или заряд.

От чумы и воспалении избавляет большей частью случай и чрезвычайно редко — лечение. Причина тому та, что эти болезни излечиваются лишь в самом начале; начальные же их симптомы совершенно одинаковы: животное кажется скучным, чувствует отвращение от пищи, легкий кашель, побуждение к рвоте и проч., и проч. Если вы СЛУЧАЙНО попали на болезнь, то собака будет излечена, а если не попали, то лишитесь собаки и вот тому причина: чума в начале почти всегда излечивается сильным рвотным в соединении со слабительным, а при воспалениях это средство убьет собаку мгновенно. Во всех же лечебниках болезней собак ясно изложены только симптомы во время хода болезни в полном ее развитии. Начальные же признаки описаны так, что "темна вода во облацех".

Чума бывает наносная и эпидемическая. Первою наделяют добрые приятели, у которых на псарных дворах такой же порядок, как в самых тесных болотных переулках жидовских местечек в Царстве Польском; а причину второй пусть объясняют ветеринары.

Кроме того, чума бывает легкая и злая: первая обнаруживается опухолью горла (См. лечение в части II, глава IV, пункте 20, где говорится: "О жабе, свинке и заушнице" — *Прим. автора*), а последняя — опухолью век, нагноением глаз, отнятием зада, ног и судорогами, иногда даже в соединении с бешенством. Помните, я говорю здесь о САМОМ НАЧАЛЕ ЗЛОЙ ЧУМЫ, о первом, внезапном обнаружении всех сказанных симптомов вместе, вдруг, при самом тщательном наблюдении, а не о полном ее развитии или исходе. Это было с моими собаками в феврале и марте 1867 года.

Каждую свою комнатную собаку я всегда вылечиваю легко даже от чумы, потому что хотя не спрашиваю ее по утрам: "Comment vous porter vous?" (Как вы себя чувствуете? фр.) — но, как страстный охотник, наблюдал за малейшей переменой в гуморе собаки и, следственно, предупреждал болезнь, которая, если, впоследствии, и оказывалась, но уж в легком виде. Хотя с большим трудом, но летом вылечивал собак и псарных. Зимой же, по неимении больницы с отдельными номерами, вылечивала из десяти одну, сама натура, а не я.

В начале осьмисотых годов псовые охотники лечили собак не по правилам медицины, а каждый своими СЕКРЕТНЫМИ средствами, большей частью чрезвычайно дикими, потом начали появляться лечебники, и в настоящее время считаются лучшими "ВРАЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ" (изложенные в "Псовой охоте" соч. г. Реутта, издание 1846 года) и "ОПИСАНИЕ БОЛЕЗНЕЙ СОБАК И СРЕДСТВА К ИХ ИЗЛЕЧЕНИЮ" (перевод с двадцать пятого издания сочинения английского ветеринара франца Клатера).

В уездах не имеют понятия о ветеринарах, даже самое название коверкают не только крестьяне, но многие землевладелъцы, например: "веритинар", "ветеран", "вертиналь" и т.п.; коновалов же, шарлатанов и мошенников много.

В Симбирске был отличный ветеринарный врач г. Унтербергер, но он поступил профессором в Дерптский университет. При Алатырской удельной конторе находился ветеринаром г. Гальвакс, этот не мог вылечить распетлицы у одной моей борзой суки; продержал ее два месяца, делал две операции и, наконец, кончил тем, что отказался. Излечил ее уж я сам простыми средствами. В течение тридцати лет в наших местах я не слыхал более ни об одном ветеринаре, несмотря на частые скотские падежи.

Но вот в 1859 году отрекомендовал себя гг. охотникам и вообще любителям собак магистр ветеринарных наук г. Буссе, издав книгу: "Собака в главных и ПОБОЧНЫХ ее породах, с приложением 202 СРИСОВАННЫХ С НАТУРЫ (?) изображений всех до настоящего времени известных пород собак пяти частей света на 25 таблицах". Если б эти козероги сняты были с собак новоголландских, тогда, при невозможности поверки за отдаленностью места, оставалось бы только удивляться проказам матери природы, но видя из алфавита, что тут много собак европейских и притом нам коротко известных (как, например, на таблице 22 под № 169 "английская гончая"), удивляемся уже не игре природы, а смелости г. Буссе, с какой он дозволил себе чересчур неблаговидную шутку над любителями собак. Можно ли издать такую непозволительную книгу с изображениями отвратительнейших уродов, могущих родиться только в расстроенном воображении карикатуриста или шалуна-школяра? Недаром же господин Буссе назвал их ПОБОЧНЫМИ: по всему видно, что это побочные дети каких-то земноводных чудовищ. Неужели господину Буссе было трудно посмотреть на собак в Царской охоте в Гатчине?

Или взглянуть в "Журнал коннозаводства и охоты" 1842 года, в мартовскую книжку, в которой изображены английские гончии Галонер и Витчкрафт; наконец, справиться с “Sporting Magazine?” Ну что, если выписавшие книгу г. Буссе вздумают сравнить ее и рисунки собак, "СНЯТЫХ С НАТУРЫ", с изданием г. В. Ковалевского: "ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ" А.Э. Брема, что они тогда скажут? Не лучше ли было бы господину магистру ветеринарных наук подарить охотников изданием надежного и верного лечебника собак. Мы смеем надеяться, что познания его в зоотерапии, зоотомии и проч., и проч. превышают выказанное им искусство в рисовании собак.

Чума — лютейший враг, бич псовых охотников! Не нападает же она на обрядных собак, но вырывает самых лучших, назначаемых охотниками в первоклассные, заветные производители. Сердце коробит, когда вспомнишь, каких собак она погубила у меня и у моих знакомых, особенно у Н.М. Наумова — известного в Симбирской губернии псового охотника, который езжал еще с графом А.Г. Орловым.

Уважаемый старик бывало говаривал: "Если б, батенька, только три года не было чумы, я подвел бы Царскому Величеству таких псов, каких нынче нет в целом свете". Действительно, каких собак не было у старика! Всех пород кроме вислоухих, которых он не терпел. Наумовские собаки были рослые, красивые, но от ежегодной, постоянной чумы в каждом колене посели на зад так, что больно было смотреть на писаных красавцев, изуродованных болезнью... Например, его густопсовые — ДРУЖОК и МИЛЫЙ — черно-пегие, с полуаршинной псовиной, которая от малейшего ветерка раздувалась и колыхалась, как страусово перо. Или три белых, как снег: ЖЕМАН, СВИРЕП и КОВКА: бывало которая встряхнется так, как будто с нее серебро посыплется! Были у него бурдастые — английские королевские: САТАНА и ВЕДЬМА. Первый весь черный, как вороново крыло, с большими волосяными бровями крючком вниз, вахмистерскими усами и бородой, как у козла: брови, усы и борода ярко-кровяного цвета, Ведьма же — вся огненно-красная, как пламя, тоже с жесткими бровями, загнутыми вниз, с усами и бородой. И все эти дивные породы сгубила, съела злая чума! Сколько превосходных щенков передавал мне уважаемый старик в надежде, авось не уцелеет ли, не сбережется ли хоть что-нибудь у меня. Уж и как я ухаживал за ними, и сколько ночей не сыпал: как только подходит к году — проклятая! Как варом поварит! Уцелел у меня только один густопсовый в завитках серо-пегий кобель УБОЙ — совершенно здоровый: собака жестокая! От него я и повел породу. Н.М. Наумов содержал огромную псарню; у него всегда было борзых от 200—300 собак и гончих внапуску от 30 до 40 смычков. Мой же охотничий комплект всегда был маленький: от 20 до 35 борзых со щенками и от 6 до 8 смычков гончих. Но все-таки объявляю торжественно, с кем я ни съезжался с 1833 по 1862 год, резвее моих собак не встречал ни у кого. После того в серьезных съездах я не был.

Я знаю некоторых бывших страстных охотников, которые уничтожили свои охоты единственно потому, что одолела чума.

Так вот, господа, главная причина уничтожения известных пород борзых собак у нас в России. Кто мне не верит — может справиться в Царской охоте, в Гатчине: сколько там поступает щенков на выкормку и сколько из них к году остается в живых. А почему у нас в провинциях нет ветеринаров и о них ничего не слышно, этого я не знаю.

Из всего вышесказанного можно видеть и заключить, что истинный псовый охотник считает разводку и поддержание породы своих собак делом весьма серьезным, на которое он тратит время и жертвует другими светскими удовольствиями: стало быть, он дорожит своими собаками, при выкормке и воспитании которых перенес столько мучений и

различных душевных тревог. И вдруг, что же — находятся такие приятели, которые без зазрения совести и нимало не краснея просят у этого охотника собаку, а иногда — целую свору! "Дай мне, mon cher собачку; но только такую, которой бы я обтравил всех с ушей". — "Помилуй, братец, ведь я тебе прошлого года дал отличных щенков пяти месяцев; им теперь должно быть полтора года". — "Подохли, cher ami! А уж как я их кормил: так и спали в клеве на махане". После этого нечего удивляться, что некоторые старички-охотники слово ШЕРАМЫЖНИК производят от cher ami. На беду истинных охотников собачьих попрошаев бесчисленное множество. По их вандальским суждениям, отнесись к приятелю или даже к едва знакомому человеку со словами: "подарите" — или — "дайте мне щеночка" — все равно, что сказать прислуге: "Пожалуй мне воды!" А потому, чтоб навсегда избавиться от таких несносно докучливых людей, которые забывают всякую деликатность и чувство приличия, я, от лица всех господ охотников, объявляю следующее: страстный псовый охотник точно так же ценит своих собак, как коннозаводчик — кровных лошадей. Кто, кроме сумасшедшего, станет просить у последнего ценного рысака или кровного жеребенка? Так точно противно приличию и здравому смыслу выпрашивать у охотника собаку или щенка. Попробуйте-ка купить у такого охотника породистую свору: он ее также оценит тысячами рублей, а производителей не отдаст за пять кровных жеребцов.

Почему никто не просит у Ротшильда, чтоб он подарил миллион. Ротшильд приобрел капиталы не картами, а постоянным трудом целого поколения. Истинный охотник тоже не в лесу вместе с орехами набирает собак, а выводит и поддерживает породу учась, наблюдая, трудясь и не без денежных пожертвований.

Много есть охотников, которые, имея отличную породу собак, из зависти и эгоизма не дают и не продают щенков даже дельным охотникам, но так как одному трудно сохранить породу без кровосмешения, то они вместо сбережения этой безрассудной скупостью губят ее окончательно. Истинный же охотник не только не отказывает в кровных щенках, но долгом считает делиться каждым отличным пометом с братом или другом, который такой же охотник-знаток, как он сам. И это единственно для того, чтобы поддерживать и улучшать породу. Дать же щенков какому-нибудь ветрогону — значит погубить их и осрамить породу своих собак. Может ли он их воспитать по-охотничьи? Это для него труднее, чем самому выдержать весь Великий пост на горохе.

Все собачьи попрошаи — или охотники приватные, или маменькины сынки-баловни фортуны, которых беспечность выходит из границ всякого благоразумия. Они не только не думают ни о ком и ни о чем, но даже не заботятся и о себе, а потому их нельзя назвать и эгоистами: у них все — трын-трава!

Представлю я Вам, читатель, и тех охотников, которые корень всему злу — заводчики чумы и разных заразительных собачьих болезней — пример всем беспорядкам, в охотах существующим. В 1842 году случилось мне быть с одним моим родственником в гостях у известного богатого помещика Саратовской губернии г. С-на — псового охотника. Имение его отстояло от Саратова верстах в сорока. На просьбу мою, что я желал бы видеть его знаменитых вислоухих собак, о которых слава гремит между охотниками даже смежных губерний, он был так внимателен и любезен, что сейчас же послал за собаками в другое имение, где они находились.

Будучи страстным охотником, видевши задолго перед этим одну из его знаменитых сук и имевши сам в 1833 году от него таковую же, я не спал всю ночь: страдал биением сердца, бредил и мечтал о дивной красоте, ладе и приметистости тех горских вислоушек, которых завтра увижу. Ночь была декабрьская, долгая, показавшаяся мне целым годом.

Но вот — в комнате засинелось: вскакиваю, зову человека и встречаю его вопросом: "Привели собак?" — "Привели-с, еще вечером". Нетерпение мое увеличилось, в ожидании пробуждения хозяина. Наконец, является и он, а за ним — поднос с чаем. Усевшись у стола, г. С-н отдал приказание привести собак.

Немного погодя, слышу... ноготки разговаривают; так и жду: вот влетят злодеи! Но... едва отворили дверь — всю комнату обдало невыносимыми, заразительными миазмами: запах козла был бы эс-буке (приятней) в сравнении с этим зловонием. Я увидел не собак, а каких-то животных с ногами, как у такс, с тюленьей шерстью, взъерошенной на перед и кровяного цвета от сквозных паршей. Виноват! В жизнь мою я не писывал о таких гадостях; но "из песни слова не выкинешь, а от правды не убежишь".

"Помилуйте! — вскрикнул я. — Что это такое? Как можно довести собак до такого жалкого, ужасного положения?" — "Ха-ха-ха! Это Вас удивляет, а мы так к этому привыкли. Наши собаки воспитываются по-спартански. Пес, она так пес и есть — такая ей и честь! Придет лето — прикажем подмазать, а осенью будем вам, баловникам, вставлять очки. Слышал я (указывая на моего товарища) от нашего общего родственника, что Вы кормите Ваших собак бисквитами да делаете им розовые и жасминные ванны, а спать кладете на подушки. По-нашему не так: жри то, что дают, спи на том, на чем стоит. Опаршивела — в подмазку, скачет — хорошо, не скачет — на осину! А на место ее выпишем с Кавказа. Не мамушек же и нянюшек приставлять мне к ним — черт их побери!"

Что Вы на это скажете, уважаемый читатель? Выслушав эту тираду, я рассудил, что в этом случае молчание есть самый благоразумный ответ. Но что в это время я думал и чувствовал! Признаюсь откровенно, я скорбел душой, встретив в светском человеке, уважаемом большинством, такие дикие, допотопные понятия о содержании домашнего животного и притом такого, которого он ласкает своей барской рукой и с которым делит время в продолжении целой осени. Вот у таких господ даже следует просить щенков, если порода их отличная, чтоб ее спасти. Но г. С-н, несмотря на свои огромные средства и свое хвастовство, дошел до нуля. Я видел, как он провожал беляков сплошь да рядом.

К несчастью, я знал многих таких людей, которые считали всякое домашнее животное хозяйственной утварью, т.е. вещью неодушевленной, но эти люди были или разбогатевшие невежды, или нигде не служащие дворяне, не получившие ни малейшего воспитания, которые вели самую буйную, беспутную жизнь. Эту жестокость, загрубелость, бесчувственность характера я приписываю недостатку того благородного нравственного воспитания, той деликатности, той нежности и мягкости сердца, которые передаются дитяти до семилетнего его возраста доброй, умной и образованной матерью или такой же женщиной — воспитательницей. Кто же в детстве безнаказанно царапал глаза нянькам, бил собак, мучил кошек, разорял птичьи гнезда, таскал галчат за ногу на веревке — тому в юношеском возрасте можно образовать только голову, руки и ноги, но перевоспитать сердце — никогда! Не только человек, но всякое домашнее животное облагораживается воспитанием. Я видел комнатных собачек, совершенно смирных, которые, однако, не терпели ласк от людей неопрятных и на них огрызались.

Благовоспитанный, образованный человек не сделает умышленного вреда ни одному насекомому, ни одному пресмыкающемуся: он сознает свое достоинство и никогда не употребит во зло превосходства, дарованного ему Творцом.

Кто поверит, что есть охотники, проповедующие о необходимости и даже полезности паршей у собак? Это своего рода лже-либералы. Вот их слова: "Парши — не что иное, как

дурные соки, выходящие наружу, а потому уничтожать их вначале не следует, тогда собака в течение года избавится от всех эпидемических болезней. В конце же лета должно непременно всех собак, здоровых и больных, натирать прогоряченной дегтярной подмазкой: к осени они будут в отличном порядке". Но эти проповедники сами физически и морально паршивы; не мешало бы их окунуть в самую крепкую, горячую, забористую подмазку! Могут ли завестись в собаке дурные соки, если она содержится на хорошем, свежем корме, в совершенной чистоте и не лишена должного моциона?

А между тем есть много даже толковых охотников, которые держатся методы подмазывания. Какая же тому причина? Недостаток личного наблюдения и излишнее доверие к балясам и краснобайству ленивой прислуги. Придет старый ловчий и распустит турусы на колесах: "Вот, извольте ли видеть, батюшка, собачки зимой зябнут, жмутся друг к другу, на себя дышат, псовина отсыреет, сваляется — по этой причине и пахнет от них псиной; к этому же придет весна: мокреть, слякоть. Ну-с, сударь мой, собака зачешется, забьется; а тут появится муха, комар, мошка и всякая такая гадина. Мы после Петрова дня евтаким манером собачек и подмажем. Тогда к ним не подступится ни мошка, ни блошка, и всю дурную псовину сгонит войлоком; а к Успеньеву дню все собачки будут атласныя!"

Что же мудреного, что у этих господ после такой каждогодней проделки, собаки их из псовых перераживаются в чистопсовых: удивляться тут нечему.

Не жалейте зимой подстилочной соломы, прикажите накладывать ее вдоволь, чтоб собака могла зарываться с головой, а в сильные морозы впускайте их попеременно в псарную избу обогреться, тогда они не будут жаться друг к другу и не наделают себе хваток. Переменяйте солому чаще, вытирайте собак после утренней и вечерней кормежки, чешите гребнем, щеткой и приглаживайте суконкой — собака никогда не пропахнет псиной. Весной и летом прикажите делать ежедневную провадку (кроме ненастных дней): купайте и мойте собак (В пруду или реке и притом на мостках, намочив сначала голову, заткнув уши, обливать из шайки, но в воду отнюдь не бросать, а спустить легко: собаки сами любят плавать, особливо в жаркое время — *Прим. автора*), а в закутах насыпайте персидской ромашки — ни одно насекомое их не обеспокоит: собака сохранит свою псовину во всей чистоте и красе. Псиной, деггярной и серной вони на псарном дворе не будет. И вы во всякое время года с удовольствием погладите и приласкаете не только свою, но и охотничью собаку.

Сгодовалых и старых собак, т.е. находящихся уже в рыску, кормить два раза в день — поутру и вечером, хорошей овсянкой с наварой, полагая на собаку по одному фунту овсянки в замес: фунт утром и фунт вечером, что составит 2 фунта в сутки. Овсянку запаривать и замешивать, как сказано о корме пятимесячных щенков. В холодное время непременно давать каждый день по 2 фунта на собаку свежего сырого мяса, но отнюдь не мерзлого, а также не забывать лакомить их мягкими костями, давая каждой собаке отдельно и не на псарном дворе, чтоб не сгрызлись. Это укрепляет челюсти и десны, что необходимо для волкодавов. В жаркие летние дни вливать в корм, когда он уже в корыте остынет, простокваши (кислого молока): это их освежает и очищает.

Вот в чем состоит вся гигиена собак: летом содержать их в холодке, зимой — в тепле, постоянно — в сухом месте и всегда в примерной чистоте и порядке. Свежая вода для питья чтоб не переводилась никогда, и — каждый день провадки в поле. Самое же главное: воля, воля и воля, а псарный двор и все запирки — зараза, пагуба!

Чтоб ваша охота всегда была в отличном порядке, должно:

1) быть истинным охотником, т.е. страстным любителем собственно собак, а не одной только травли;

2) сбросить с себя барскую спесь и помещичью лень, отречься от модных французских болезней — nonchalance и инерции, не быть лунатиком или мерзлой белугой, а человеком вполне деятельным, бодрым: самому лично наблюдать за исполнением своих приказаний, не поручая надзора за этим никому, и не надеяться ни на какую усердную прислугу;

3) помнить, что псовая охота может доставить полное удовольствие и приобрести известность не количеством собак, а качеством. Наконец —

4) избегать съезда с теми охотами, в которых существует беспорядок. Это можно узнать без всякой ревизии и осмотра: где хозяин — беспутный ветрогон (несмотря ни на какие его лета), а охотники-пьяницы и сорванцы — там и в собаках ядовитая зараза.

Теперь обратимся к предмету не только весьма серьезному, но и главному для каждого истинного псового охотника, а именно: к УЛУЧШЕНИЮ ПСОВЫХ СОБАК ЧЕРЕЗ СМЕШЕНИЕ ИХ С ГОРСКИМИ. Сколько было и есть суждений охотников, одно другому противоречащих, о смешении псовых собак с восточными породами.

Одни пишут: "СМЕШЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ПОРОД С АЗИАТСКИМИ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ПОРАЗИТЕЛЬНУЮ НЕПРАВИЛЬНОСТЬ СТАТЕЙ".

Другие говорят: "МНОГИЕ ОХОТНИКИ, ЖЕЛАЯ ВЫВЕСТИ ПРЫТКИХ И СИЛЬНЫХ СОБАК, МЕШАЮТ ПСОВЫХ С КРЫМСКИМИ, НО ПОСТОЯННО ПОЛУЧАЮТ БЕССИЛЬНЫХ ТУПИЦ".

Третьи утверждают: "ЧТОБ ИМЕТЬ ЛИХИХ СОБАК, СТОИТ ТОЛЬКО СМЕШАТЬ ПСОВЫХ С КРЫМСКИМИ". И проч. и проч.

Все эти толки основаны на поверхностном взгляде, бездоказательном разглагольствовании и без объяснения причин всех неудач. Все эти господа — Репетиловы. Руководимые одними толками, они, перемножая нули, пересыпали из пустого в порожнее. Постараемся разобрать все три суждения, здесь представленные.

1) "СМЕШЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ПОРОД С АЗИАТСКИМИ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ПОРАЗИТЕЛЬНУЮ НЕПРАВИЛЬНОСТЬ СТАТЕЙ". Что же это, как не пустое разглагольствование? Не все ли равно, если б мы, смешав воду с клюквенным морсом, стали удивляться тому, что вода покраснела! Есть ли в свете хоть одна порода, которая, будучи смешана с другой, не потеряла бы своего первородного типа! Да разве стати устанавливаются сейчас же после первого смешения? Видно по всему, что эти господа умеют только МЕШАТЬ и СМЕШИВАТЬ, а как удержать и усвоить нужные стати, они об этом не имеют никакого понятия. А в картах, вероятно, знают, что есть искусство тасовать и вместе с тем играть.

Устойчивость каждой стати зависит от выводителя породы. Если он придерживается этой стати как в кобеле, так и в суке не в одном колене, а в нескольких, она и усвоится породе: тут скороспелка не поможет, а нужно терпение.

Смешивая псовых собак с горскими, мы и не воображаем сохранить строго типический вид и стати той или другой породы, но желаем вывести новую породу собак прытких, сильных и крепких, то есть, обращаем особенное внимание на те только стати, от которых, собственно, зависят желаемые нами качества. Потом для ОБНОВЛЕНИЯ, продолжая беречь мешаных собак с кровными и породистыми псовыми, соблюдая все правила сортировки, выше изложенные, мы можем вывести породу с превосходными статями на взгляд знатока, богатырским ладом и с нужными нам полевыми качествами.

Вот и доказательство: большая часть нынешних кровных псовых собак имеет два резких недостатка:

а) несмотря на отлично спущенные ребра, нет должной бочковатости, необходимой для свободного движения легких, а когда дыхание стеснено, может ли собака выдерживать дальнюю и продолжительную скачку? И
б) задние ноги в пазанках, т.е. от локотков до пяток, близко между собой поставленные даже при хороших черных мясах.

Крымки же, при недостаточном спуске, имеют удивительную бочковатость ребер и необыкновенно широко расставленные задние ноги, что способствует свободному и большому маху. Охотник-знаток сумеет вывести породу, в которой каждая собака будет с дивным передом псовой, при богатырских мышках, со спущенными, БОЧКОВАТЫМИ ребрами и с таким молодецким, приметистым задом, что собака, будучи на своре, напоминает взведенный у ружья курок: так и хочет выстрелить.

2) "МНОГИЕ ОХОТНИКИ, ЖЕЛАЯ ВЫВЕСТИ ПРЫТКИХ СИЛЬНЫХ СОБАК, МЕШАЮТ ПСОВЫХ С КРЫМКАМИ, НО ПОСТОЯННО ПОЛУЧАЮТ БЕССИЛЬНЫХ ТУПИЦ". Это суждение совершенно справедливо, потому что многие из этих выводителей новых пород удивительно сходны в своих желаниях и некоторых действиях с бывшими алхимиками. Те воображали глину обращать в золото с помощью философского камня, а эти, соединяя косматых недопесков, под видом псовых, с калмыцкими вислоухими выборзками, уверены были, что произведут лихих собак, даже без философского камня, т.е. без всякого учения, чтения и знания, не справляясь с произведениями натуралистов.

Слово УЛУЧШЕНИЕ означает стремление к усовершенствованию. Искореняя дурное, поддерживая хорошее, можно достигнуть до превосходного. Это главное, основное правило всякого улучшения и его постоянная цель. Отклонение от этого правила, безрассудное и безотчетное желание только нового доведет до совершенного уничтожения того, что есть, и окончательно лишит средств воспроизвести то, что было.

Если мы косматую, толстопятую дворняжку назовем псовой собакой, а широколобого калмыцкого выборзка с вислыми ушами — крымкой, то должно запастись гофмановским воображением, чтоб ожидать чего-нибудь путного от соединения этих ценных сторожей. Я представлю для примера, хотя вещь невозможную в исполнении, но достаточно доказывающую, как можно ошибаться, основывая свои действия и предположения на одном поверхностном, ложном взгляде на предмет, который следовало бы рассмотреть со всех сторон, изучить, разобрать и обсудить основательно.

Ну что, если бы какой-нибудь соколиный или ястребиный охотник вздумал вывести новую, улучшенную породу ловчих птиц от индейского путеха с коршуном: "Индюк, де, задорен, а коршун жаден и неутомимо целый день плавает в воздухе". Посмотрим: могли ли бы эти предположения осуществиться на деле. Индюк, хотя действительно задорен, но

глуп: птичница (часто случается) выщиплет ему брюшные части, насечет крапивой и посадит, за неимением наседок, в гнездо для насиживания яиц. Задорность его сморщится с носовым украшением, и он, насупясь в свою сизо-малиновую брошку, углубится в философическое созерцание своего критического положения, а между тем сидит и сидит. Коршун жаден только к кухонному мясному сору; вьется, большей частью, над городами и селеньями: редко удастся ему поживиться цыпленком, и то тем, который ускользнул от надзора. Самые же маленькие вольные птички провожают его насмешливым криком, потому что его длинные широкие крылья мешают быстрым изворотам, и он, отмахиваясь от пернатого роя, со стыдом отправляется в поле ловить мышей. Теперь можете судить, какова вышла бы порода ловчих птиц, если б природа допустила возможность получить приплод от описанных мной производителей. Но так как нет препятствий в совокуплении всех родов и видов собак, существующих в мире, то как охотнику должно быть осмотрительным и осторожным при смешении пород, чтоб не впасть в жестокие, неисправимые ошибки. До каких удовлетворительных результатов может достигнуть образованный и опытный охотник в желаемом усовершенствовании породы, до такого равносильного уродства, чтоб не сказать уничтожения, дойдет охотник-невежда, действующий на авось. Во всех делах нужны труд, учение и опыт; без этих руководителей и помощников во всем будут или случайности, или постоянные неудачи.

Английские спортсмены, со своим тонким знанием, сумели вывести новую породу борзых собак, соединив прежних с бульдогами! Посмотрите, как начнут чудесить наши доморощенные "спортсмены", очертя голову, единственно из подражания. Они в состоянии выводить породу не только от индейского петуха с коршуном, но готовы впустить крокодила в производители, потому что у него длинный, зубастый щипец.

3) "ЧТОБ ИМЕТЬ ЛИХИХ СОБАК, СТОИТ ТОЛЬКО СМЕШАТЬ ПСОВЫХ С КРЫМСКИМИ". Это суждение принадлежит верхоглядам, неопытным охотникам, которые по легкомыслию уверены получить несомненный успех в каждом своем желании и предприятии, а потому без испытаний на деле кладут на все решительный приговор. Так и о выводе породы они рассуждают по чужим толкам, недослышанным и поверхностно схваченным, что совершенно верно выражается пословицей: "Слышали звон, да не знают, где он". При этих господах толковали о смешении — для них и довольно! Они воображают, что достигнуть до желаемого результата так же легко, как смешать зельтерскую воду с шампанским — выпить.

Улучшить породу может или общество образованных охотников, или тот охотник-знаток, который, владея огромными денежными средствами, не будет иметь ни в чем препятствий и затруднений. Без денег в нынешнем веке мудрено приобрести что-либо: песок, навоз, вода, лед — все продается! Даром спрашивают только о вашем здоровье.

Всякая порода улучшается строгим выбором кровных, породистых и беспорочных производителей, дельной и опытной сортировкой (при совершенном беспристрастии), тщательным, сообразным натуре животного и климату воспитанием и внимательным наблюдением над развитием и устойчивостью желаемых качеств через постоянные упражнения.

Нам известно, что лучшие из породы крымок — собаки горские, которых родина Кавказ. По этой причине мы и будем искать желаемых производителей на Кавказе для соединения их с псовыми. Но, как в России псовые собаки одного и того же вида бывают разных пород, которые отличаются между собой особенными признаками или полевыми качествами, так точно и на Кавказе породы горских собак бывают различны.

Мы желаем привить псовым собакам стати: БОЧКОВАТОСТЬ РЕБЕР, ПРОСТОР ЗАДНИХ НОГ, СУХОСТЬ ПАЗАНКОВ И ЖЕЛЕЗНУЮ КРЕПОСТЬ ЗАЦЕПОВ. От этих статей зависят качества: нестомчивость, рыскучесть и безграничная сила, следственно: эти стати и эти свойства должны преобладать в той породе горских собак, которых мы намерены взять в производители. Крепость же ног и их сухость приобретаются в особенности от воспитания щенков на твердом и каменистом грунте и потом от частой полевой езды по такой же местности с молодыми собаками в их первые две осени.

Итак, положим, что мы достали на Кавказе нужных нам кобеля и суку. Но как на горах Кавказа во время войны было не до строгих сортировок производителей, то, чтоб удостовериться в породистости вывезенных нами собак, должны поступить таким образом: если собаки осенисты, следует рассмотреть со всей строгостью и особенным вниманием детей их (прежних пометов, если они есть). Сохранили ли и усвоили ли они себе стати отца и матери, и испытать (если они уже были в рыску), имеют ли те же полевые качества. Если же добытые нами собаки, хотя от отличных производителей, но сами молоды и приплода от них еще не было, то, отложа нетерпенье в сторону, необходимо испытать их породистость, взяв от них помет. В противном случае, если собаки эти окажутся некровными и непородистыми, а мы начнем ими улучшать наши псовые породы, тогда старые охотники, ненавистники крымок и ревностные почитатели псовых, сгонят нас своими насмешками со света и будут доказывать, что все эти улучшения — одна фантазия, игра воображения неопытных голов.

Убедясь в совершенной кровности и породистости избранных в производители горских и псовых собак, мы должны помнить, что рост дает сука, а потому для вывода новой породы изберем двух сук псовых (чтоб между ними не было никакого родства), рослых породистых, со статями беспорочными; но только чтоб одна из них была в кобелиных статях — с напружиной, и побережем их с горским кобелем. Разумеется, в первом колене явно означится смешение пород, но мы, без удивления и восклицаний, выберем из обоих пометов (когда они уже сгодуют) собак с должными статями (обегая порочных): сук — скамьистых, прямостепых, бочковатых, мочных и с широко расставленными задними ногами, кобелей, если не крутых, то коротких, богатырских, тоже бочковатых и ладных. Но так как в породе горских собак и кобели все прямостепы, то от столкновения прямостепости в горском кобеле и одной из избранных сук щенки будут, почти все, прямостепые. Не стесняя себя этим, мы оставим из этого помета большей частью сук; но уже, непременно, бочковатых и тоже с широко расставленными задними ногами. Когда же они сгодуют, то по испытании в полях, с должной выдержкой, изберем сильнейших. Назначим их в производительницы и потом будем обновлять породу (т.е. сортировать) не мешаными псовыми, крутыми кобелями, по возможности, бочковатыми. В третьем же и четвертом колене собак, происшедших от обоих псовых сук, следует сортировать между собой известным нам порядком, избегая близкого родства.

Оставив же от первого смешения кобелей, хотя прямостепых, но зато с другими отличными качествами, следует уже назначить им не мешаных псовых сук с напружиной.

Во втором колене еще заметно будет смешение пород по широко расставленным ушам на затылке, в третьем же — самый придирчивый охотник не доищется смешения, а найдет лишь красоту и приметистость. Не давайте этим собакам залеживаться: ездите с гончими, травите и травите всякого зверя, преимущественно степного русака и старого волка, тогда увидите, что резвость и неутомимость выведенных вами собак будут превосходить самое пылкое воображение охотника. Ручаюсь дорогой для меня славой охотника толкового.

Владея такими собаками, дико читать рассказы "столичных спортсменов" (Вроде гг. Реутта, Венцеславского, К. Петрова и им подобных — *Прим. автора*) и охотников-самозванцев о непомерной лихости матерых русаков, о какой-то "цеплястости" беляков и о том, как губастые легаши ловят из-под угонок борзых. Но об этом речь будет впереди.

Однако я еще повторю здесь то, о чем говорил выше, если будут соединять в первом и во втором колене мешаных собак с мешаными же, то получат нагольных дур. Причина тому та, что новая, молодая порода не успеет еще установиться, окрепнуть и сделаться ПОРОДИСТОЙ. Это я утверждаю, основываясь на многократных опытах собственных и моих товарищей. В третьем же колене и далее, как сказано выше, собак этих уже не считать мешаными, но производить сортировку между ними, как между обыкновенными однородными производителями, строго наблюдая, чтоб не было близкого родства. Но только помните, что порода освежается, когда нужно, чистым, кровным, не мешаным производителем или такой же сукой; а именно: если в породе стали уменьшаться сила, то следует впустить горскую кровь, а если уменьшилась пылкость, то — псовую.

Я изложил здесь лишь главные правила, которых должно держаться при сортировке племенных собак; на другие же мелкие подробности укажет практика и опыт.

Теперь я долгом считаю сказать несколько слов против некоторых замечаний С.Т. Аксакова о псовой охоте («Записки ружейного охотника Оренбургской губернии»). Он говорит: "Я не люблю охоты, где надобно содействие посторонних людей, иногда вовсе не охотников, и должен признаться, что не люблю ни гончих, ни борзых собак и, следовательно, не люблю псовой охоты".

Выше он рассуждает так: "Все охоты хороши! Каждая имеет своих поклонников, предпочитающих ее другим родам охоты, но ружью должно отдать предпочтение перед всеми. Из множества доказательств я приведу только два. Всякая другая охота, более или менее, исключительна, односторонняя. С борзыми собаками можно травить одних зайцев, изредка добыть лису..." (?) и т.д. Потом С.Т. Аксаков, уподобляя охотника с ружьем в руках Юпитеру-громовержцу, продолжает: "В охотах, о которых я сейчас говорил, охотник не ГЛАВНОЕ действующее лицо, успех зависит от резвости и жадности собак; в ружейной охоте успех зависит от искусства и неутомимости стрелка, а ВСЯКИЙ ЗНАЕТ, КАК ПРИЯТНО БЫТЬ ОБЯЗАННЫМ САМОМУ СЕБЕ, КАК ЭТО УВЕЛИЧИВАЕТ УДОВОЛЬСТВИЕ ОХОТЫ". (?) (Здесь должно заметить, что г. Аксаков, сравнивая охоту ружейную с прочими охотами, имел в виду только егеря с собаками, но не вводил в сравнение охот Польской и Курляндской, оговорясь, что он гончих не любит. — *Прим. автора*).

Заметьте, уважаемый читатель, и помните это выражение, к которому мы обратимся в конце этой статьи.

Всем известно, что ружье, как страшное орудие истребления, произвело огромный переворот во всех пяти частях света: оно доставило человеку победу над всеми живыми существами всего земного шара; против этого никто возражать не будет. Игольчатое ружье возвеличило Пруссию, унизило Австрию и сплотило Германию. Но мы взглянем на этот предмет с охотничьей точки зрения.

"Все охоты хороши" — конечно, для охотника, потому что всякий человек любит заниматься тем предметом, который ему пришелся по душе. При сравнении же одного предмета с другим следует их ставить в равную степень, не возвышая одного и не унижая

другого, рассматривать каждый со всех сторон и анализировать во всей подробности. Поверхностный же взгляд поведет лишь к ошибкам и к ложному заключению.

Сравнивая охоты ружейную и псовую, мы не будем выводить на сцену тех ползунов, утятников и журавлятников, которые прокладывают себе дорогу к добыче носом и брюхом, не разбирая ни пашни, ни жнива, ни грязи, ни болота, а также и собачников из мордвы и чувашей, которые путешествуют с недопесками всех пород, окликанных Матряйками, Михрютками, Надвигаями и Напирашками, украшенных лычными и веревочными удавками вместо ошейников. Одним словом: мы не будем разбирать в обоих родах охотников приватных и возьмем для сравнения НАСТОЯЩЕГО ЕГЕРЯ И ИСТИННОГО ПСОВОГО ОХОТНИКА.

Егерь, г. А., добыл отличной породы легавого щенка, выдрессировал его сам (что случается чрезвычайно редко) и натаскал на всякую дичь. Труд его и терпение вполне вознаградились: собака вышла верхочут и притом с дальним чутьем. Назовем ее Кастором.

Пока собаки товарищей носятся или, ныряя по кочкам, бьют хвостами трель и вычерчивают мордами по земле разные узоры, Кастор, подняв голову, устремив глаза в одну дальнюю точку, идет вперед смело останавливается, потом опять идет уже тихим учебным шагом в три приема со стойками и подводит прямо к птице, не сбиваясь и не обращая никакого внимания на беснующихся около него повес всех родов и видов. Дичь была прихвачена за 200 шагов; первая стойка за 100, вторая за 60 и, наконец, собака замерла в 20 шагах. Г. А., сказав "ту-бо", огладил Кастора, потом поднял дичь и, не дав ей размахнуться, убил наповал из своего великолепного заграничного ружья. Окинув самодовольным взглядом своих товарищей, хладнокровно кладет поданную птицу в ягдташ и идет далее. К концу поля итог добычи ВСЕХ товарищей равняется итогу ягдташа г-на А., и это постоянно повторяется каждое поле. Где прошел г. А. с Кастором, туда нечего заглядывать и с десятью собаками: все чисто и гладко, как метлой выметено. Все егеря в восторге от отличной стрельбы и боя ружья г-на А., но еще более восхваляют редкое, невиданное чутье, выдержку и вежливость Кастора. На вопросы охотников г. А. скажет, что ружье куплено им на лондонской всемирной выставке, Кастора достал он через секретаря английского посольства от собак принца Вельского, расскажет также о некоторых самых удачных полях, где главную роль играет или добытый Кастор, или бой купленного ружья.

Что мы видим из всего этого?

1) Счастливый случай; доставивший г. А. кровную собаку.
2) Отличный бои КУПЛЕННОГО за границей ружья и
3) Искусную стрельбу и неутомимость в ходьбе г-на А.

Где же здесь охотник — главное действующее лицо? Разве только потому, что он ходит за собакой и нукает: в этом состоит вся его личная деятельность, а дома он освобожден от всех забот, относящихся до охоты разве только промыть ружье. Чем же он особенно ОБЯЗАН САМОМУ СЕБЕ? Единственно лишь тем, что ВЫДРЕССИРОВАЛ СОБАКУ САМ И СУМЕЛ КУПИТЬ ХОРОШЕЕ РУЖЬЕ, а стрелков и ходоков, не только в целом свете, но в одной России миллионы! Егерем можно сделаться в летах зрелых; но страсть к псовой охоте прививается лишь с детства.

Теперь посмотрим на ИСТИННОГО ПСОВОГО ОХОТНИКА и его ЛИЧНУЮ деятельность. Г. Б. прослужил в военной службе лет пятнадцать, вышел в отставку. Его

дед, отец, дяди, все родные были страстные псовые охотники. Еще на руках у кормилицы Б. тянулся к вводимым в комнату собакам, бросал им свой крендель, который сосал с наслаждением, и восхищался, захлебывался от удовольствия, когда благородные животные к нему ласкались и лизали руки. Отроком — его наградой за прилежание был выезд на охоту; именинный подарок — верховая лошадь и арапник; гимназические успехи и благонравие награждались сворой резвых собак. Что ж мудреного, что г. Б. сделался страстным псовым охотником.

Во время своей службы он лишился отца и многих своих родных — охотников, а потому, выйдя в отставку, не только не нашел он ни одной собаки, но и самые охотники отправились в отъезд в Елисейские; уцелел только один доезжачий — старик Калиныч.

Первым делом г-на Б. было: достать от своего приятеля отличной породы выжловку (которая в стае не годилась, потому что была отдирчива), взять от нее помет и выкормить его под своим личным наблюдением. Таким образом, завелся он гончими, а Калиныч, дав первые уроки новобранцам выжлятникам, убрался к предкам. Усовершенствовал в езде его учеников уже сам г. Б.

Потом г. Б., исколесив всю Россию, осмотрев все известные псовые охоты и перебывав во всех глухих местах, где только засел какой-нибудь старик-охотник с борзыми собаками, добыл, с большими пожертвованиями, щенка — сучку знаменитой породы и впоследствии взял от нее несколько пометов с известными породистыми кобелями, платя за бережку большие деньги и выкармливая всех щенков под своим собственным, постоянным надзором. Так продолжает он действовать всю свою жизнь, совершенствуя породу год от года избираемыми беспорочными производителями.

Из новобранцев г. Б. составил охотников: доезжачего, двух выжлятников, ловчего и стремянного, которые из коряг преобразились в молодцев, из сов и сычей — в соколов. Под его руководством все приобрели сметку и ловкость, уменье обращаться с лошадью и полное знание полевой езды со всеми ее правилами.

Г. Аксаков, хотя и говорит, что "успех псовой охоты зависит от резвости и жадности собак", не признавая у псового охотника никакого искусства и знания, но неопытный и незнающий охотник с собаками первоклассной резвости на своре проездит филином целую осень, искалечит собак и не только не затравит, но даже не увидит ни одной лисицы, хотя б другие травили их десятками.

Так вот как г. Б. сформировал псовую охоту, в которой каждый индивидуум обязан ему всем. Следовательно: в поле, на охоте г. Б. восхищается удачными действиями, ловкостью и сметливостью доезжачего, псарей и борзятников, добывчивостью, верностью чутья и паратостью гончих, резвостью и удалью каждой борзой, видя во всем СВОЙ труд и во всех субъектах — СВОИХ воспитанников. Было бы дико предполагать, что такой охотник находит удовольствие только в созерцании лисьих и заячьих шкурок, снятых с затравленных зверей, а не собственно в производстве охоты.

Во всех егерских книгах, даже в упомянутой выше книге С.Т. Аксаков, обязанности и действия егеря описаны на трех-четырех листках, а прочие страницы заключают в себе описание дичи и других предметов. Если же вы, уважаемый читатель, пожелаете узнать о действиях и обязанностях ИСТИННОГО ПСОВОГО ОХОТНИКА, то необходимо прочитать обе части моей книги, тогда вы увидите, КТО ГЛАВНОЕ ДЕЙСТВУЮЩЕЕ ЛИЦО В ОХОТЕ И КТО БОЛЕЕ ОБЯЗАН САМОМУ СЕБЕ: егерь или псовый охотник. О постоянной же, личной деятельности дома я не говорю: тут не может быть и сравнения. У

егеря одна собака и ружье, у псового же охотника, не говоря о людях, лошади, собаки, щенки и прочие принадлежности к охоте требуют постоянных наблюдений и неусыпных попечений, без чего будет одна лишь трата времени и бесполезные, напрасные расходы.

Г. Аксаков мог не любить псовую охоту, но зачем бросать на нее такой небрежный, поверхностный взгляд и приписывать все удачи в охоте лишь резвости собак, а самого охотника выставлять автоматом, особливо когда дело идет о СРАВНЕНИИ егерской охоты с псовой? К чему унижать нашу древнюю национальную охоту, которая была приятным развлечением и удалой, молодецкой забавой наших царей и доблестных предков. Если бы г.Аксаков, вместо сравнения ЛИЧНОИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ егеря с псовым охотником, рассмотрел обе охоты — егерскую и псовую — с экономической точки зрения для убеждения, какая охота требует больших расходов? Тогда всякое возражение г-ну Аксакову было бы совершенным абсурдом, особливо в нынешнее время, когда каждая копейка на счету.

ЧАСТЬ II
(вторая часть)

ГЛАВА I.

О ВЫСВОРКЕ БОРЗЫХ. ВЕЖЛИВОСТЬ. СМЕТЛИВОСТЬ. СВОРА. РЫСК. О НАТРАВЛИВАНИИ БОРЗЫХ.
О ВЫДЕРЖКЕ БОРЗЫХ И ДОВЕДЕНИИ ИХ ДО НАСТОЯЩЕГО УДАРА. СОСВОРИВАНИЕ.
ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ НЕОПЫТНЫМ ОХОТНИКАМ В СЛУЧАЕ СОСТЯЗАНИЙ. РАЗЛИЧНАЯ ПОСКАЧКА БОРЗЫХ. БРОСОК.
ОПРЕДЕЛЕНИЕ СТЕПЕНИ ИХ РЕЗВОСТИ.
ОБ УЛУЧШЕНИИ БОРЗЫХ СОБАК ЧЕРЕЗ СЪЕЗДЫ.

ВЫСВОРКА, ВЫСВАРИВАТЬ борзых собак — то же самое, что дрессировка, дрессировать легавых. Разумеется, приемы, действия и условия различны, но главный, основной результат учения один и тот же: довести собаку до вежливости, совершенного послушания, сметливости и знания полевого дела.

ВЕЖЛИВОСТЬЮ в собаке называется не соблюдение светских приличий, но то качество, когда она ласкова, послушна — повинуется свисту и голосу охотника, не бросается ни на людей, ни на собак, ни на других домашних животных, несмотря на то, что азартна, жадна и злобна на дикого зверя.

СМЕТЛИВОСТЬЮ собаки называется та находчивость при разных случаях во время полевой езды, которая приобретается собакой от частой практики, когда хозяин ее постоянно ездит с гончими и травит такого хитрого зверя, как лисица или волк.

Сметливая собака, кроме понимания всех знаков и приемов своего хозяина, сейчас смекнет, к чему какой знак ведет, и очень часто, попавши в свору к неопытному охотнику, поправляет его ошибки. Если он прозевал зверя, разметал собак или не вовремя сбросил со своры. Она смотрит зорко, не промечется, не пронесется в остров, когда кума Патрикеевна запала в первый куст или в канаву, но выждет ее и вздернет, как рукавицу.

Прежде, чем мы возьмемся за свору, объясним, что такое свора.

Слово СВОРА имеет у охотников различное значение.

1) СВОРОЙ называют тот шнур, на котором охотник водит борзых собак. Свора состоит из двух частей: из широкого ремня, или перевязи, и из собственно своры. Через правое плечо надевается перевязь — ремень вроде портупеи, но только там, где у портупеи вкладывается шпага, у сворного ремня пришивается кольцо, к которому наглухо привязывается свора. Свора бывает или из цельного сыромятного ремня, или плетенная кругло из нескольких тонких сыромятных же ремней. Вся толщина своры должна быть в карандаш Фабера или немного тоньше, смотря по величине, рьяности и жадности собак. Свора, чтоб не ломалась от сухости и не размокала от дождя, должна быть пропитана чистым дегтем, вычернена и смазана каким-нибудь жирным веществом: или ворванью, или гусиным салом, или деревянным маслом, и потом, чтоб не пачкалась,

обшмыгана кожей и тряпкой. Это настоящая охотничья свора. Но у тех господ, которых коробит от запаха чистого дегтя и которые называют себя "СПОРТСМЕНАМИ", своры бывают модные, джентльменовские, как, например: шелковые, струнные и канительные.

2) Когда на одной своре две борзых собаки, то эта пара собак тоже называется СВОРОЙ.

3) Сколько бы за одним охотником собак ни рыскало, все эти собаки называются его СВОРОЙ. Разумеется, дельный охотник более трех собак вдруг за собой в поле не возьмет, и то много — достаточно двух. От двух, с толком СОСВОРЕННЫХ (как сказано впереди) добрых ловцов мудрено уйти зверю, да и бежать ему тяжело: исколотят угонками — лишь пух полетит! Можно набрать и десять разнородных и разнокалиберных псов, но что за удовольствие и что за слава целой оравой задавить не только зайца или лисицу, но даже самого волка! Уж лучше ездить с тенетами. А потому даже неприятно видеть, когда за одним охотником рыщет целая псарня. Заметьте, я не сказал бегает, а РЫЩЕТ.

Когда охотник говорит: "Нынешнюю осень у меня в охоте будет двенадцать собак в РЫСКУ", — это значит, что у него двенадцать собак будут в совершенной поре — годных для поля, т.е. для езды и травли.

РЫСК И РЫСКАТЬ говорится у псовых охотников только о борзых собаках.

Рыск у собак бывает различный:

а) *ПЕРЕДНИЙ;*
б) *У СТРЕМЯ и*
в) *ЗАДНИЙ.*

а) ПЕРЕДНИМ называется тот рыск, когда собака рыщет впереди охотника от десяти до пятидесяти и на ровной местности даже до ста сажен. Этот рыск у некоторых охотников, не имеющих понятия о езде на красного зверя считается порочным: "Такая де собака мешает прочим охотникам тешиться травлей, а сама ловит или на логове, или встречного и поперечного".

Съехавшись с чужими охотниками и равняясь в степи — в наезд, чтоб померить борзых на русаке и выказать их резвость, действительно собаку с передним рыском следует брать на свору, но во время езды на красного зверя, при равнянии по степи в отъезжих полях, где желают ЗАТРАВИТЬ зверя, а не травить его с эффектом, по всем правилам садки, собаку с таким рыском охотник считает чистым сокровищем.

Не должно забывать, что степь, в которой водится в изобилии красный зверь, не плац-парад и не городская площадь, а пространство неровное, более или менее холмистое, прорезанное долами и оврагами, поросшее ковылем, бурьяном, вишенником, бобовником, чилизником, покрытое, иногда, на низменных местах, молодым осинником, березником и вообще небольшими колками. Красный зверь чуток, осторожен: он не будет дожидаться, чтоб вы подъехали к нему, как к русаку, и подняли его арапником: при неосторожной, шумной езде он взбуживается саженях в двухстах и далее. Можете ли вы утвердительно сказать, что не проглядите такого осторожного и хитрого зверя в таких плотных местах, где часто в десяти шагах не видно бывает и собаки? Если вы, не зная езды на красного зверя, вооружитесь всеми возможными оптическими инструментами, то и тогда будете

только восхищаться красотами и разнообразием степной природы; но лисицы и волка не увидите никогда. Охотник же опытный приобрел от практики и навыка зоркость и сметку, да если у него в своре добрые, наметанные собаки с ПЕРЕДНИМ РЫСКОМ, тогда ни один зверь у него не скрадется. Он и не в тихую погоду разберет — ветер ли своевольничает по бурьянам и высоким бастылам или взбудился и пробирается красный зверь.

Собака с передним рыском, носясь впереди охотника, подпрыгивает на сажень, будучи внимательна ко всем его знакам и движениям, мышкует, помахивая правилом, беспрестанно озирается во все стороны, держит уши настороже и сама вся на воздухе. (Когда говорится о борзой собаке, что она МЫШКУЕТ или СМРАДНИЧАЕТ или СЛЕДНИЧАЕТ — это значит, что она чует след зверя и по следу приискивает его чутьем. Если же лисица МЫШКУЕТ, то это все равно, что заяц жирует, т.е. что она кормится, приискивая мышей и мелких зверьков — *Прим. автора*).

Подъезжаете ли вы к курпажине (КУРПАЖИНАМИ называются в степях небольшие курганы, густо поросшие разным степным кустарником, перепутанным ковылем и другой степной травой — *Прим. автора*) или к частому колку, она в один миг обнесется кругом, станет на дыбки и смотрит соколом: только попробуй зверь пролезть на том пространстве, которое обнимает ее зоркий, сторожевой глаз, она понесется к нему вихрем, перепрыгавая через все препятствия, выгонит его на чистое место и в один момент свернет, как котенка, или выставит на другого охотника. Но будьте уверены, что эта же самая собака во время островной езды у дельного охотника, стоящего на лазу, будет сидеть перед лошадью и не бросится без его приказа даже на того зайца, который сядет перед ее носом: будет дрожать от жадности, но не тронется с места.

Однажды я толковал со старинным, всеми уважаемым охотником, Н.М. Наумовым, известным в Симбирской губернии псовым охотником (Предок его, Наумов, был ловчим и сокольничим при Иоанне Васильевиче Грозном в 1550 году — *Прим. автора*), который много сотен перетравил красного зверя, о собаках с таким рыском. Он мне сказал: "Вот, батенька, учат же щирые треклятые итальянцы собачек разным штукам, плясам и заморским танцам, хоть бы один из них взялся выучить борзых собак, по назначению охотника, переднему рыску: я бы ему с каждой своей собаки заплатил по сто рублей". Старик-то был себе на уме. Вся сила в том, что передний рыск бывает только у собак сильных в полях, жадных и азартных, которые были отлично воспитаны: не затасканы и выдержаны по-охотничьи.

Почти все крымки (т.е. собаки восточной породы) имеют рыск передний, но они рыщут не впереди охотника, а далеко уносятся направо, налево и часто пропадают из глаз, не обращая никакого внимания на хозяина. Это рыск природный, инстинктивный, как у всякого хищного зверя, который ищет добычи, но настоящий псовый охотник сумеет воспользоваться этим врожденным свойством и высворит такую собаку на славу, но все-таки лишь для наездки, а не для островной езды, потому что жадность этой породы собак безграничная.

б) РЫСК У СТРЕМЯ объясняется самим выражением, т.е. когда собака рыщет подле ноги охотника, не отдаляясь от лошади, и бросится вперед лишь тогда, когда он поскачет и будет отукать.

в) ЗАДНИЙ РЫСК охотники считают величайшим пороком. Когда собака тянется саженях в пятидесяти или в ста сзади охотника, это значит, что она или ленивая флегма, или слабосильна, или затаскана и обезжадничена в первые щенячьи поля неопытным

охотником. Обыкновенно зверь взбуживается впереди и, большей частью, бежит вперед от линии равнения, а не назад. Вы скачете, отукаете или улюлюкаете, но ваш проклятый тенигус когда-то еще к вам подрыщет да посмотрит, о чем идет дело, а зверь, между тем, уж скрылся из вида. Если же вы возьмете эту осину на свору, она будет тащиться, давиться на ошейнике и вытянет вам всю руку. Только крайняя нужда может заставить держать такого "пострела".

Полная высворка состоит не в том, чтоб приучить собаку ходить на своре (мальчишки часто таскают на поясах дворных собак — водят и бычка на веревочке), но должно довести ее до совершенного послушания и без своры, чтоб она была вежлива, без приказа хозяина ни на что не бросалась, даже на чужое отуканье, к другому охотнику не отрыскивала. Одним словом, была бы как отлично выдрессированная легавая собака. Потом следует ее насадить, наметать, нажадничать на зверя, чтоб она знала, к какому зверю как броситься и как его взять.

Прежде начатия высворки охотник должен молодую собаку к себе прикормить, приласкать, чтоб она совершенно к нему привязалась, и потом уже перед утренним и вечерним кормом (чтоб собака была голодная) брать ее на свору и ходить с ней в поле к стаду, имея всегда с собой мясную прикормку. Как брать собаку на свору, как ее водить, можно видеть у каждого охотника, только нужно помнить, что собака всегда должна находиться с левой стороны.

В первой части, в главе IV, в статье "О воспитании щенков" сказано, как их приучать к домашним животным, следовательно, молодая собака и в поле на них бросаться не будет. Если же случится, что она на игре или по азартности бросится на бежавшего ягненка или поросенка, то сворой ее отнюдь не дергать, а должно крикнуть: "На-зад! на-зад!" — Если она послушается, то следует ее приласкать и дать кусочек прикормки. Если же не послушается, то слегка хлыстнуть арапником, приговаривая: "На-а-зад!" Это делается для того, чтоб собака не чувствовала своры, а то, привыкнув к ней, она только на ней и будет послушна.

Высворка эта будет пешая, но так как псовый охотник ездит верхом, то нужно еще приучить собаку к лошади. Для этого берется старая, смирная, бывалая охотничья лошадь, которая "видала виды" и, следовательно, не будет лягаться даже тогда, когда собаки перепутают ее сворой. Потом, приняв на свору вместе с молодой собакой и старую, хорошо высворенную, разместить их так, чтоб к лошади была старая собака, а к полю — молодая. Старая собака научит молодую всем эволюциям: где посунуться вперед, где осадить, как перепрыгнуть через ручей или канаву и на каком расстоянии держаться от лошади.

Если собака будет вертеться перед ногами или рыскать близко к лошади, тогда на нее крикнуть: "Отрыщь". (Этот возглас многие охотники употребляют тогда, когда собака поймает зайца, но это неправильно и совершенно ошибочно. (См. далее в статье о САДКЕ.) Кроме того, некоторые произносят: "отрыш" вместо "отрыщь". Собака рыскает или рыщет, а не рышет: ошибка очевидна, нечего ее и пояснять — *Прим. автора*).

Садясь на лошадь, охотник всегда должен давать молодой собаке прикормку и потом, при послушном рыске, несколько раз прикармливать ее с лошади.

Когда собака высворится хорошо, не будет лезть под лошадь и забегать вперед, тогда можно с ней делать настоящие охотничьи поля, т.е. ездить с гончими или в наездку. Но по этим двум разнообразным ездам и высворка бывает различная: при постоянной островной

езде с гончими собака должна рыскать у стремя, а при езде степной, особливо на красного зверя - в наездку, рыск у собаки должен быть передний. Приучить к этому молодую собаку легко частым упражнением, и опять все-таки со старой собакой, не отступая от следующих, указанных опытом правил. Когда молодая собака привыкнет к лошади и будет ходить на своре как следует, тогда на свору брать только ее одну, а старая, чтоб была при ней без своры. ПОД ОСТРОВОМ быть молчаливым, стоять смирно, без возни, не свистать, ласкать собаку тихо, говорить ей в полголоса, тогда она поймет, что от нее требуют осторожности и внимания, и станет держать себя настороже. Когда гончие помкнут и погонят, а она будет визжать и бросаться, то ее сворой не дергать, а закричать: "Назад!" Если послушается, то приласкать, а если нет, то наказать. Если заяц с гоньбы вылезет и будет кортать по опушке, то ее все-таки не спускать. Когда же заяц побежит в поле, тогда подсвистнуть старой собаке (как это делается, чтоб она воззрилась и заловила), и лишь только она воззрившись понесется — сейчас же сбросить со своры (Старые охотники-пуристы говорят: "ОТРЕШИТЬ со своры" — *Прим. автора*) и молодую, поскакать и отукать. Когда заяц будет пойман, то дозволить молодой собаке хорошенько его помять, потом взять ее на свору, чтоб не унеслась в остров на гоньбу гончих, зайца отколоть или просто, взяв за задние пазанки, ударить затылком о землю, чтоб не был жив (Это делается для того, чтоб кровь не стекала, не пачкала лошадь и чтоб навара для собак была вкуснее, но если заяц нужен для самих охотников, то само собой разумеется, что его следует отколоть — *Прим. автора*), отпазаночить и второчить (Как откалывать, отпазаночивать и торочить, расскажет и покажет на деле всякий охотник, что для каждого понятней, чем на бумаге — *Прим. автора*). Когда же собаки передышаться, то пазанок разорвать и одну половину дать старой собаке, а другую — молодой. Если же каким-нибудь образом заяц с травли слезет опять в тот же остров, то не давать молодой собаке унестись за ним, а сейчас же окликнуть назад. Если она послушается, то, приласкав, дать ей прикормку; если же не послушается, то приказать одному из выжлятников ее поймать и наказать в острову, приговаривая: "К нему! К нему!" Самому же подзывать ее к себе кличкой и свистом, и когда она прирыщет, то приласкать. Дозволив же собаке носиться по острову за зайцем в надежде, что она его поймает, можно ее ЗАПРОМЕТАТЬ, т.е. сделать то, что она постоянно будет уноситься в остров, мыкаться под гончими и ничем ее оттуда не вызовешь.

В НАЕЗДКУ же и на хлопки высворка другая. Выехав в поле, должно ездить направо, налево, не пропуская обросших пыреем межников, кустиков, кочек; посвистывать, похлопывать и помахивать арапником, одним словом, веселить и подзадоривать собаку, чтоб она ходила надыбках. Тогда уж она сама приобретает сметку. Лишь только вы будете подъезжать к кустикам или кочкам, или к овражку и поднимите арапник, она мигом обнесется и будет беречь впереди. Таким образом, собака привыкнет и к переднему рыску, а потом, если необходимо ездить молча по полям и степям, где держится красный зверь, она все-таки будет рыскать уже впереди, глядя на ваш арапник, изучив все ваши приемы и знаки.

Но прежде настоящих охотничьих полей (т.е. до езды с гончими и в наездку) должно молодую собаку прижадничать к зайцу. Для этого делаются садки. Пойманных в тенета зайцев сажают по одному обыкновенным и всем известным порядком: сначала саженях в десяти или пятнадцати, а потом можно отпускать и до двухсот саженей.

Перед садкой молодых собак не кормить, чтоб были голодны. С ними сажают старую, совершенно надежную собаку. При сажающем зайца должен быть верховой — стремянный или тот борзятник, к которому молодые сажаемые собаки привыкли. Борзятник становится от него немного в стороне, чтоб не закрывать зайца от собак, и лишь только зайца пустят, должен за ним скакать и ОТУКАТЬ громко и учащенно: "От-

от-от-от!" — т.е. "Вот-вот-вот!" (ОТУКАНЬЕ — тот повелительный охотничий крик, которым понуждают собак к ловле зайца — *Прим. автора*). Когда заяц побежит по желаемому направлению, тогда держащему на своре собак сбросить, прежде старую, а потом сейчас же и молодых. Эта задержка делается для того, чтоб молодые смелее бросились и более зажадничали. Как только собаки пометят зайца, полезут к нему жадно и заторопятся, тогда стремянному крикнуть: "Эге-ге-ге-х, миленькие! — Не упусти!" При угонке крикнуть: "Раз!" При другой: "Два!" А когда поймают, тогда ОТГОЙКАТЬ (Сделать охотничий отзыв, чтоб прочие охотники знали, что зверь затравлен — *Прим. автора*) часто и громко: "О-го-го-го-го!" и слезть с лошади, но первого сажаемого зайца не торопиться отбивать, а, напротив, взяв его, распороть кинжалом брюхо, приласкать молодых собак и дать им кишок. Последующих зайцев дозволить им только помять, а потом, бравши его от них, вскрикнуть: "Ара! ара!", (Т.е.: "брось!", отпазаночить и второчить, собак приласкать, разорвать и разделить им один заячий пазанок, потом, сев на лошадь, подсвиснуть, возвратиться с собаками к месту садки и дорогой разделить им другой пазанок. В старину вместо "брось" употреблялось "хлысть!" Теперь же вместо "хлысть" кричат "ара! ара!" от слова арапник. Многие охотники в этом случае совершенно неправильно и ошибочно употребляют слово "отрыш!" (Смотри статью о высворке собак, там объяснена ошибка против этимологии и где и когда употребляется это слово) — *Прим. автора*).

Нужно только нажадничать молодых собак к лову, а от рванья легко отучить в последствии, когда хорошенько вловятся. Не так легко натравить молодых собак на красного зверя. Всякая молодая борзая, даже не видевшая зайца, при первой с ним встрече бросится к нему и без старой — по инстинкту, но на красного зверя — на лисицу и волка, особливо на последнего, кинется лишь та молодая собака, которая происходит от известных волкодавов. Т.е. у которой отец, мать, деды и прадеды были натравлены на волков, а потому частой практикой и развитием этого качества в каждом нисходящем поколении: злоба, смелость и ловкость как бы привились, вошли в кровь этой породы и сделались наследственными, родовыми качествами. Такой крови собака берет волка всегда в ухо или в глотку и вопьется, как бульдог, но просто злобная собака лишь щиплет волка то за ноги, то за полено (Волчий хвост — *Прим. автора*) и при каждом его обороте отскакивает в сторону. О такой собаке по-охотничьи говорится, что она БЕРЕТ В ОТХВАТ. Сентиментальная же и чувствительная собачка во время этой борьбы сидит в отдалении и, поджав хвост, визгом, воем и трусливым лаем жестоко бранит своих товарищей за их дерзость. При первом же прыжке волка в ее сторону с ней делается жесточайшая холерина, и она без оглядки отправляется опрометью куда глаза глядят.

Чтоб натравить молодых собак на волка, нужно их привалять с надежным, опытным и безответным волкодавом, и чтоб уж в это время в поле отнюдь не было трусливой визгушки, ни молодой, ни старой: в противном случае дурной пример (как и в людях) заразителен, и скорее последуют ему, чем хорошему.

Если волчата воспитывались и сгодовали у вас дома, в какой-нибудь загородке или клеве, то перед садкой должно волка из клева взять и посадить на длинной и крепкой цепи, на свежем воздухе (дня на три или на четыре), чтоб его обдуло и уничтожило то зловоние, которого он набрался в своем тесном жилище. Сажать же его не как зайца — из мешка или ларя, как это делает большая часть неопытных охотников, но ПОДДИЧИТЬ, т.е. чтоб собаки непременно приняли его за дикого, а не за саженого зверя. Сколько я видел собак, которые отлично брали волка на садке, но к дичку не приступались. И наоборот: жестокие, молодецкие волкодавы не обращали никакого внимания на садочного волка, как бы из презрения. Для избежания этих двух, хотя противоположных, но

одинаково неприятных для охотника случаев, следует волка поддичать. Это делается различным образом.

Если около вас есть небольшие колки, то за четверть часа до вашего выезда на садку прикажите двум охотникам с мальчиком вывезти в телеге сострунённого волка, высадить его в назначенном вами колке, а мальчику с телегой отъехать дальше. Потом заравняйтесь с вашими борзыми по направлению к колку, а охотникам, державшим волка, не допустя вас саженей на сто (а если местность позволит, то и далее), волка расструнить, дать ему совершенную свободу и, кольнув хорошенько чем-нибудь острым, заставить побежать в поле, самим же им прилечь, чтоб ваши собаки их не видали. Как только зверь будет на виду — скачите, показывайте и улюлюкайте. Старая, пометанная собака понесется первая: приспеет и возьмет волка в ухо или в глотку, тогда уж и молодые возьмут с ней смело. Первого волка, особливо большого и злобного, должно ПРИНЯТЬ (т.е. заколоть) (Волка закалывают под переднюю лопатку: все равно под правую или под левую, лишь бы кинжал вошел по рукоятку прямо, а не вкось, не так, как некоторые советуют колоть в горло или "под хвост" — *Прим. автора*) сейчас же, чтоб не стер старую собаку и не надавал хваток молодым (Когда говорится "волк СТЕР с себя собак", значит, что он с себя собак сбросил и от них освободился — *Прим. автора*). Если которая из молодых берет в гачи или за пазанок, то, взяв на свору прочих, оставить ее одну. Взять заколотого волка за задние ноги, волочить по земле и улюлюкать, тогда уж она, не видя другого места, вынуждена будет взять его в глотку или в ухо. После двух или трех подобных садок смело надейтесь, что собаки ваши будут брать волка хорошо.

Я здесь не говорю о том, что можно волка выгнать из острова также и гончими потому, что если ваши гончие не гоняют по красному зверю, то и здесь не погонят, а если нагонены и привалены, то так как садочный зверь не может быть бежким, они его, не выпустив в поле, растянут в острову.

Если же у вас места степные, то таким точно образом поддичать волка из овражка, из межевой ямы, из канавы или из землянки, только уж непременно, чтоб собаки не видали людей, сажавших зверя. На лисицу натравливают точно так же, только ее, после поимки собаками, не откалывают, а, взяв за шиворот, бьют складнем арапника по лбу и по морде, а потом для верности и безопасности берут за задние ноги и затылком ударяют ее о землю; за трубу (Лисий хвост — *Прим. автора*) же брать не следует, а то оторвется.

Никогда не должно обманывать собак ложным отуканьем, что часто делают многие молодые охотники, гарцуя на своих конях, с желаньем проскакать и "СДЕЛАТЬ КОЛЕНЦЕ", чтоб потешить ретивое.

Таким образом, обманываемые собаки потеряют доверие к охотнику и не будут бросаться ни на его отуканье, ни на улюлюканье, а станут умничать и верить лишь своим глазам. Жалок, но и смешон бывает владелец таких собак, когда он скачет по бурьяну, некоси или густым жнивам, в десяти саженях от лисицы, с неистовым улюлюканьем, а они-то, голубушки, не видя зверя, префлегматически тянутся вперевалку за хвостом его лошади, не обращая никакого внимания ни на его отчаянные крики, ни на телеграфические размахивания руками, считая всю эту проделку надуваньем. Да, неприятно разыгрывать роль "быка лгуна" в известной всем старой басне. "Поделом вору и мука", — говорит пословица. Охотник должен взять себе за правило: если он поскакал с тем, чтоб показать своей своре зверя, может быть, сгоряча, необдуманно, т.е. не взяв в соображение короткость перебега или овражистую местность; но, во всяком случае, если он уж поскакал, то НЕПРЕМЕННО вблизи или вдали, а должен показать зверя: не затрави, но, по крайней мере, ПОКАЖИ! Это необходимо для того, чтобы заставить каждую

собаку из своей своры слепо верить и повиноваться всем знакам и приказаньям; тогда она на отуканье и на улюлюканье своего хозяина будет бросаться стремглав и потом понесется вперед во все ноги, как бы видя зверя перед собой, держась того направления, куда хозяин машет арапником.

ВЫДЕРЖАТЬ собаку — значит приготовить ее к перенесению трудов в осенней полевой работе и ввести в должный удар. Ничто так не губит собак, как псарный двор, то есть недостаток свободы, моциона и чистого воздуха. Вольная собака постоянно в движении: резвится, играет или приискивает себе лакомый кусок, ложится там, где ей внушит инстинктивное чувство самосохранения, и уж конечно, на сухом и чистом месте. Если хозяин ее куда пойдет или поедет, она за ним следует всюду, а потому — всегда в рыску, от чего ее легкие не зарастают жиром, и она не подвергается одышке. Такая собака не разобьется от первых полей и не зарьяет от ловли двух или трех зайцев. Достаточно будет одной недели разумной езды, чтоб подготовить ее к серьезным и тяжелым отъезжим полям. Но все-таки это еще не значит, что она введена в должный удар, а только втянута к рыску, по-охотничьи ВРЫСКАНА. Вводить в удар — травля, в которой тоже должна соблюдаться постепенность, следующим образом: сначала травите из-под гончих островных зайцев и никогда до истощения сил собаки; но чтоб она постоянно была жадна, азартна и весела. В первые поля зайца по два, по три, а потом и более. Но чтоб езда ваша была не ежедневная, а с дневками; в начале: день езды — дневка, потом два дня езды — дневка и т.д. увеличивая число дней езды, соблюдая и здесь постепенность. Когда собака от ловли не зарьявает, не вываливает языка, не кашляет с побуждением к рвоте, тогда уже поезжайте с гончими В СТЕПНЫЕ ОСТРОВА и травите русачков, которые только одни доводят собаку до настоящего удара, т.е. выкажут всю ее резвость, силу и вообще все полевые достоинства.

Отсюда рождается вопрос: сколько же нужно времени, чтоб испытать собаку наверное? Это зависит, во-первых, от места вашей езды: зайчисты ли они; и во-вторых — соблюдаете ли вы должную постепенность в езде. Но вот данные, основанные на сорокалетних постоянных наблюдениях, по которым можно определить настоящую скачку собаки. Нужно, чтоб собака в течение четырех недель (с дневками) половила сорок зайцев, в числе которых было бы не менее десяти степных русаков, тогда только она войдет в свой настоящий удар. Кто же травит по два зайчика в неделю, тот никогда не узнает скачки своих собак.

Наконец, когда вы своих собак высворили, насадили на зайцев, натравили достаточно на красного зверя и узнали степень резвости каждой, следует их СОСВОРИТЬ.

Сосворить — значит избрать в одну свору собак одинаковой резвости, которые, словившись, не дадут бежать зверю: одна угнала — другая взяла. Некоторые проповедники (как, например, г. Венцеславский), советуют назначать в свору одну собаку пылкую, а другую — тягучку. Если б можно было из таких двух собак свить жгут вместе с их достоинствами, это было бы хорошо, но как эта операция — вещь невозможная, то на деле выйдет то, что сначала отзвонит пылкая и станет, а потом тягучка отправится провожать куцаго горбуна. Потеряв же его из вида, возвратится к хозяину с донесением: «Г. Куцый был так невежлив, что не обратил внимания на мои проводы и нижайшие поклоны, а теперь изволили где-то лечь отдыхать».

Псарные собаки и вообще находящиеся взаперти лишаются наполовину тех качеств, которыми наделила их природа и порода. От постоянной лежки они обленяваются, глупеют, делаются сонливы, трусливы и робки перед сильными животными, люты и злобны к слабым, теряют упругость мускулов и скаковых органов. Тело их рыхлеет, кости

истончаются, а внутренности зарастают жиром: от этого происходит удушье, перхота и кашель. От дурного же испорченного воздуха зарождаются разные заразительные болезни, которые, вкоренясь, делаются наследственными. Еще повторяю: псарный двор — пагуба для борзых собак! Не забывайте моего искреннего совета, предложенного в главе 1, части 1.

А сколько нужно труда, чтоб только врыскать псарных собак. Вначале должно с ними ходить к стаду утром и вечером, водя на своре и спуская по одной только собаке, в противном случае, увидя стадо хотя издали, они понесутся к нему и заставят овец делать разные гимнастические штуки — Salto mortale и сверкать на воздухе пятками. Потом в такое же время ездить верхом шагом, делая не менее 10—15 верст. Наконец — ездить рысью, и когда собаки от рыска зарьявать не станут, тогда уж начать легкую полевую езду и продолжать, как сказано выше о выдержке собак.

Но вот вы ваших собак выдержали и ввели в должный удар, увидели их резвость, и в восторге рассуждаете сами с собой: "Теперь я дам им вздохнуть денька три-четыре, а потом отправлюсь в Москву на садку или к приятелям в Оренбург, Саратов, Малороссию: обтравлю всех с ушей, и тогда-то загремят мои удалые! Все заговорят об их резвости". А вот тут-то вы и попались "как кур во щи".

Еще есть много условий, от которых вы зависите и которые постоянно должны иметь в виду. Представлю некоторые. Когда собаки вошли в настоящий удар, им нельзя давать лежать более двух дней сряду. После третьего дня лежки они поскачут уже не своими ногами, особливо в начале поля, а после четырех и более дней будут скакать тупо: необходимо будет выдерживать их снова. Поэтому, если вы не имеете времени продолжать начатую езду с вашими собаками, то посылайте с ними вашего стремянного для проминки. Так точно, в каком бы вы покойном экипаже ваших собак не везли; но если путь этот требует дней пять или шесть езды, нужно будет опять их выдерживать недели две, а иногда и более. При переезде должно непременно заставлять собак бежать каждодневно верст десять или пятнадцать, в противном случае, они от непревычки перележат себе все мускулы и будут как спутанные.

Спросите любого акробата или жонглера, каково ему показывать свои штуки, если он не упражнялся дня три или четыре. Тоже бывает с рысистыми и скаковыми лошадьми: опытные коннозаводчики всегда оборвут новичка, какая бы у этого последнего лошадь ни была, потому что они до тонкости изучили все неожиданные случаи, могущие встретиться при испытаниях, которые неопытному человеку не могут прийти в голову.

Нет у нас охотничьих обществ (Писано давно — *Прим. автора*); стало быть, нет и положительных правил для испытания полевых достоинств собак. А так как есть три вида травли: а) садочная; б) островная — из под гончих, и в) степная — в наездку, то вы заранее должны подготовить ваших собак к той травле, которая будет назначена для состязаний.

Есть много отличных стрелков на купштюки или фокусы, т.е. на стрельбу в подбросси яиц, шариков, орехов и т.п.; но которые в болоте стреляют весьма посредственно. Так точно, есть ловкие стрелки в болоте, но в лесу стреляющие плохо. Каждое занятие требует своей практики и постоянного упражнения.

Если ваши собаки никогда не были на садке, то они, сброшенные со своры, будут только галопировать и наблюдать за другими, пока не догадаются, в чем вся суть; особливо на первых зайцах.

При постоянной островной езде, в особенности в лесных местах, где охотники становятся и травят на кулигах (небольших полянках), собаки бросаются из всех сил, без сноровки: чтоб тут же поймать или убить зверя броском. В наездку же, при травле степного русака, каждая собака сноравливает и бережет свои силы, зная, что для поимки его времени и места ей довольно; кинется же с пылом лишь тогда, когда изловчится и наберет на бросок.

Поэтому, если вы постоянно ездили с гончими и травили только на небольших полянах и перемычках, то собаке вашей, усвоив варкую поскачку и спешную ловлю, ни за что не поймать МЕРНОГО, (МЕРНОГО русака, т.е. вскочившего и побежавшего на дальнем расстоянии — *Прим. автора*), степного русака. Причина тому та, что островные собаки, не привыкнув к сноровке, на первых порах отдадут все свои силы и после двух-трех угонок или остановятся, или потянут гуськом для наблюдений, куда нелегкая понесла этого косого озорника. Так точно собаки, привыкшие к степной езде, сноравливая и не торопясь, бросаясь без пыла и азарта, будут удить на полянах и перемычках.

Все это охотник должен знать и, чтоб не попасть впросак, приготовить своих собак к разным видам травли. Но, кроме всего сказанного, много значит привычка собак к климату, месту и грунту.

Многие любители борзых не выезжают в жесткие пороши, боясь искалечить своих собак: это большая ошибка. Если осенью, после сильного дождя, а в начале зимы после оттепели сильно замерзнет, то по крупной пашне, по вспаренным жнивам, по плуговой распашке, по болотным кочкам ни один дельный охотник травить не станет, но по мелкой пашне, по жнивам, по лугам ездить следует, несмотря на жесткое время. Иногда вся осень и все пороши бывают жесткие; стало быть, уж и совсем ездить нельзя. Должно беречь производителей (племенных собак), но не следует их нежить. В загустелую грязь, в топь собака скорее себя изуродует, вытянув тетивы, в жесткое же время по ровному месту она оборвет лишь щиколотки, пазанки, подорвет немного прибылые пальцы, и через два-три дня у нее все это заживет.

У собаки, которая не бывает взаперти, а ходит по воле, ноги окрепли, мякиши загрубели и она резвится и играет по совершенным ножам, как по ковру. Ведь крестьянские ребята бегают босиком по сыпучему камню и по кремням, как в сапогах: дело упражнения и привычки.

Псарных же и комнатных собак следует приучать к жестели исподволь, т.е. сначала проваживать их по жесткому замерзшему грунту; когда они пересеменивать ногами и тянуться одна за другой, как по жердочке, не станут, а начнут играть бойко, смело, тогда уж можно с ними делать настоящие поля и травить в жесткое время; конечно, не по стеклянному полю, т.е. когда в зимнее время сделается оттепель, потом замерзнет, и все поле представляется как бы усыпанным стеклом.

Теперь можете судить, сколько резвых несчастных собак погибло ни за грош и поплатилось жизнью за незнание и неопытность своих владельцев! Сколько обесславлено лихих псов и, наоборот, сколько обрядных собачонок приобрели незаслуженную славу! А кто виноват? Леность, невежество, барство, лунатизм.

Но сколько есть еще плутовских, мошеннических проделок, которые употребляются опытными охотниками против новичков, если первые не уверены в своей победе. Выставлять и вычислять все эти штуки я не стану. Каждый охотник должен быть осторожен при избрании себе товарищей и соперников: осмотрителен, деятелен и, в

особенности, внимателен к своим собакам: не барствовать, не приказывать с высоты своего величия другим, но самому лично наблюдать и зорко следить за всем. Коннозаводчики, кроме разбора статей, рассматривают все аллюры лошади и по приемам судят о ее способности к делу или к скачке.

Псовый охотник, умея разобрать все части, стати и лад собаки, по которым заключает о ее полевых достоинствах, должен уметь по поскачке определить наверняка, резва она или тупа. Хотя г. Реутт пишет с иронией: "Мы не станем указывать на мнимо таинственные знания многих, которые утверждают, что по размеру прыжка и разносу ног в скачке, они безошибочно определят действительную степень резвости собаки. Если б это можно было подчинить исчислению по математическим формулам, как течение планет, тогда, конечно, мы верили бы волшебным рассказам". Но ведь известно всем и каждому, что все нам непонятное кажется сверхъестественным или волшебством.

Первого часового мастера считали за колдуна. Жаль, что Реутту, при всей его опытности, не далась охотничья способность по приему и замашке собаки определить степень ее резвости. Недаром же выдуманы пословицы: "Виден по приему удалой солдат" и "Видна сова по полету". Мы не будем ни размерять аршином прыжков собаки, ни делать исчислений по математическим формулам, как вздумал сострить г. Реутт, а опишем те приемы в скачке молодой собаки, по которым настоящие охотники определяют (и всегда безошибочно) будущую ее резвость или тупость.

ПОСКАЧКА у собак (т.е. приемы во время скачки) бывает ВАРКАЯ и ВЫТЯЖНАЯ.

ВАРКАЯ (учащенная) поскачка есть принадлежность всех псовых пород, то есть: собак пылких, а ВЫТЯЖНАЯ — свойственна всем крымкам или вообще собакам степным, сильным. И в том и в другом случае встречаются исключения, но — весьма редко. Резвые, даже ЛИХИЕ собаки бывают и с той и с другой поскачкой, а также и собаки тупые. Как же их разпознавать? Вот в чем вся разница. Резвая собака, с какой бы она поскачкой ни была, скачет легко, свободно, без натуги, подняв голову и держа шею гордо, но каждый ее мах с посовом, то есть, как будто ее кидают на несколько саженей вперед. Легкость же ее так велика, что вы не заметите, как она во время скачки перепрыгнет через встретившуюся канаву или овражек сажени в две и более шириной. Если вы такую замашку заметите у молодой собаки на игре, на садке или в то время, когда она бросится за дворной собакой, смело утверждайте, что эта собака будет резва.

Тупая собака с поскачкой ВАРКОЙ частит, сыплет дробь ногами, как барабанщик палками, но у ней не спорится: она все как будто на одном месте.

Тупая же собака с поскачкой ВЫТЯЖНОЙ усиливается делать большие махи: вытягивает шею, гнет да выгибается, а между тем кажется, что она везет не под силу. Поэтому охотники и выражаются о скачке такой собаки: "ВОЗИТ ВОДУ", а саму собаку называют ВОДОВОЗОМ, ТЕНИГУСОМ, ТУПИЦЕЙ.

Здесь должно заметить, что собаки с поскачкой варкой скорее утомляются в топких местах, на песках и на пухлой, разрыхленной пашне, чем собаки с поскачкой вытяжной, а в жесткое и морозное время пылкие собаки ломают и вырывают ногти, тогда как с крымками это случается чрезвычайно редко. Зато собаки с поскачкой варкой изворотливы на угонках, да если у них есть еще и бросок, то ими можно травить на самых малых перемычках. Но поимчивость собаки зависит от БРОСКА.

БРОСОК есть неоцененное достоинство в собаке и его ни с чем иначе сравнить нельзя, как с ружейным выстрелом. Это тот быстрый, молниеносный, страшный порыв, который резвая борзая делает к поимке зверя. Если собака сделает бросок мимо вас — вы не успеете разглядеть, какой она масти, а только услышите, как будто прогудело ядро. Самый ловкий и проворный стрелок, если будет возле собаки в то время, когда она на броске к зайцу, выстрелом своим убьет уже не зайца, а собаку. Подобных несчастных случаев было много. Но бросок не есть один скачок, а скачки учащенные, неуловимые для глаз по своей быстроте: это подтверждается тем, что у известных, отличных пород псовых собак (каковы, например, были Трегубовские в Суздальском уезде) броски доходят до двадцати саженей и более. Вот несколько слабых сравнений, которые яснее могут дать понятие о броске. Чирок летает быстро; но когда он с высоты бросается к озеру, чтоб съесть или сделать вольт, этот его бурный порыв похож на бросок. Или когда разыграются воронки (каменные стрижи, живущие большей частью на колокольнях), то те быстрые вольты, которые они делают сверху вниз, похожи на броски. Наконец, когда влетит в комнату большая черная или зеленая муха, то весь ее порывистый полет состоит из бросков.

Предлагаю несколько примеров о силе броска. В наших местах еще держится и крепко бережется кровь собак Плещеевских, Трегубовских и Салтыковских. Каковы броски в этих трех породах, так вряд ли где есть еще им подобные. Например: из затравленных в одно поле семи или восьми русаков, непременно два-три убитых грудью; особливо после дождя, по скошенному лугу — в разъезд. Собака разнесется раз, разъедется два; озлится, и по третьему так треснет русака, что задние ноги расшибет ему вдребезги.

У меня был псовый кобель БЛИСТАЙ (собак Салтыковских) ростом одного аршина и полутора вершков в наклон. Во время моего отъезда, в Аткарском уезде Саратовской губернии, равняясь степью, из-под стремянного, бывшего от меня влево, вскочил русак. Под стременным была лошадь трех вершков и резвая: он поскакал и стал показывать... Я сбросил БЛИСТАЯ: мигом приспел он к стремянному, обазартился и на броске к русаку так хватил искоса лошадь под переднюю ногу, что стремянной мой вместе с лошадью полетел через голову. Русак был пойман; стремянной остался невредим; у лошади бабка вышиблена с места так, что не было возможности вправить, а БЛИСТАЙ — даже не визгнул и ни на что не жаловался.

Вот еще случай, тоже бывший во время отъезда в тех же местах. Стало смеркаться. Мы кончили поле; отдав стремянным верховых лошадей и приказав охотникам идти домой, сами пошли к дорогам. При мне была любимая моя сука СУДАРКА, собак князя М.Н. Чегодаева (от Трегубовских). Лишь только я сделал несколько шагов, как впереди, саженях в сорока, вскочил русак, совершенно цвелый (это было 11 ноября), и побежал к острову, от которого было не более сажен шестидесяти. Кто-то из моих товарищей заотукал; СУДАРКА бросилась к русаку, зажадничала и, за общим криком, не слышала моего останавливания. Недалеко от опушки стояли три дерева, как будто от одного корня: две березы и дуб. Березы были видны ясно, но дуб слился с сумерками. Русак бежал мимо этих деревьев; Сударка вздумала взять его броском и кинулась меж двух берез; но ударилась о дуб и дух вон! Удар был так силен, что, кроме разбитой груди и раздробленных передних ног, четыре ребра вышли в спину. Теперь можете судить по силе броска о его неуловимой быстроте.

Впрочем, бросок не есть непременная принадлежность собак псовых или даже пылких: он приобретается борзыми от постоянной или частой ловли на небольших полянах и перемычках из-под гончих. Даже крымки у любителя островной езды усваивают себе броски. А как известно, что те свойства, которые развиваются практикой в нескольких

поколениях, в последствии передаются в потомство, то и бросок во многих породах борзых собак делается уже врожденной способностью. Стало быть, островная езда с гончими, вопреки мнению некоторых господ столичных "спортсменов", даже резвым собакам прививает такое качество, которое немного возвышает их достоинства и дорого ценится охотниками.

Если вы имеете резвую собаку и желаете определить степень ее резвости, а в вашем околотке нет достойных собак, с которыми вы могли бы ее ПОМЕРИТЬ (испытать), то помните, что самый верный экзаменатор собачьей резвости — степной русак, в какой-нибудь местности известный уже своей лихостью многим окружным охотникам. Если собака ваша ловит такого русака в одиночку, во всякое время, (разумеется, кроме зимних удулов) и притом ловит легко, свободно, без натуги, то ваша собака первоклассной резвости: смело можете ее мерить с любой знаменитостью.

При описании видов борзых собак я определил все достоинства и недостатки, сродные каждому виду, поэтому повторять сказанного не буду, а приступлю прямо к описанию того, как можно испытать собаку не только на лихом, но и на всяком зайце. Здесь главную роль играют время и местность, т.е. когда и где вы будете делать испытание. Основываясь на этих данных, шансы бывают иногда на стороне зайца, а иногда на стороне собаки.

Шансы равны с обеих сторон:

1) когда вы будете травить в холодное осеннее время по ровному, скошенному, но уже подросшему лугу, не сухому и мокрому, а волглому;
2) при травле по озимям, сеянным под борону, но не в засуху и грязь;
3) по настам, которые бывают в губерниях Оренбургской и Саратовской, т.е. когда вы можете скакать во все ноги в больших троичных санях через все долы и овраги, и ни одна из ваших лошадей не прорвется ни одним копытом, и когда на подобный наст нападет сырого снега на один палец.

Против этих трех пунктов не может делать серьезных возражений самый пристрастный к своим собакам охотник.

Не следует забывать, что псовые собаки в душное время и жар не скачут окончательно. Трудно ловить собакам: по луговым косогорам с трещинами, происшедшими от засухи, по каменистому грунту, особливо, где мелкий, сыпучий камень, по замерзшему полю после сильных дождей, что охотники называют "ТРАВИТЬ ПО НОЖАМ". Но всех других придирок и описаний неудобств в травле, которыми псовые охотники защищают неоправданную и недоказанную резвость своих собак — множество.

Самое строгое, тяжелое и жестокое испытание собакам:

1) по сыпучему песку;
2) по вязкому, липкому, глинистому грунту во время сгустившейся грязи;
3) по пухлой пашне, когда после сильных, постоянных дождей сделается топь и потом, от холодных ветров, поверхность земли залубенит, т.е. когда заяц бежит, как по лубку, а собака проваливается по брюхо;
4) когда на эту густую грязь нападает на полвершка сырого снегу, но грязь не застынет: пороша кажется отличная, мягкая, между тем, как заяц продавливает один только снег, а собака вязнет и в грязи по самый корпус. В этих четырех случаях собаки очень часто вытягивают себе тетивы;

5) по удулам, когда нападает много снега, а потом наступят морозы и сильными ветрами сдует весь снег в овраги, сдерет его с полей и придует к межникам. На таких снежных наносах, называемых охотниками УДУЛАМИ, зайца держит, а собаки проваливаются; и
6) СТЕКЛЯННОМУ ПОЛЮ, т.е., когда в последние пороши, при большом уже снеге, сначала сильно притает, а потом вдруг замерзнет, и поле кажется покрытым стеклом.

Резвая собака не признает многих из этих препятствий, а лихая не знает их совсем, кроме 6 пункта, потому что в это время и железные ноги сделались бы с зазубринами; во всякое же другое время лихая собака ловит, как по ковру: она летает, а заяц перед ее быстротой — ковыляет.

Большая часть обладателей крымачей вызывает на состязание с псовыми в топь и по ножам. На этот вызов следует отвечать, что ружье со стрелой не меряют. При травле же по ножам, особливо по луговой, кочковатой, и при том мерзлой распашке выборзки не дают бежать ни одному русаку и в этом случае не имеют себе равных. Опять повторяю грустную истину: у нас будут гаснуть и гибнуть все породы охотничьих собак, пока не устроятся общества охотников в губерниях, не будут вести при них журналов и иметь членов-корреспондентов, проживающих не только в России, но — во всех частях света, не назначится время для съездов и состязаний и не составятся призы для собак, превзошедших своих соперниц в выполнении всех охотничьих требований. "Люди уж так созданы, что соперничество всего скорее подстрекает их к усовершенствованию". Мы видим это даже во всей природе. Прочитайте книгу г. Ролле "УЧЕНИЕ ДАРВИНА О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВИДОВ" и по этому же предмету мысли и замечания г. Писарева, изложенные в нескольких статьях, помещенных в журнале "Русское слово" под рубрикой "ПРОГРЕСС В МИРЕ ЖИВОТНЫХ И РАСТЕНИИ", где доказано, что прогресс составляет прямое следствие борьбы и соперничества.

Сколько раз случалось слышать от дельного охотника, что у него есть отличная, породистая сука, но он не может нигде приискать к ней кобеля с нужными статями для правильной сортировки: "Есть свои, да все — близкая родня". Не забудьте, что это только для поддержания породы, а отнюдь не для ВЫВОДА.

Выводить какую-либо породу может только общество или человек, владеющий огромными средствами, со знанием дела, как, например, большая часть англичан, вроде Беквеля или, как наш граф Алексей Григорьевич Орлов, а нашему брату, простому смертному, ай-ай! как тяжело только СБЕРЕЧЬ известную своими достоинствами породу.

Господа русские охотники! Неужели не обидно и не больно никому из вас, особливо из богатых и влиятельных людей, что никто в России по сие время не сумел вывести такую породу борзых собак, которая бы вполне соответствовала нашему русскому охотничьему раздолью, тем привольным местам, в которых из одного острова можете травить и волков, и лисиц, и зайцев? Неужели не совестно, что мы потеряли даже свою коренную, русскую породу густопсовых и псовых собак? А средств-то, материалов-то сколько у нас! Не угодно ли вам проравняться от границ Пруссии и Австрии до устья Амура или от Белого моря до границ Персии и Малой Азии: сколько и каких пород собак встретите вы на этом пространстве! Не тех чудовищ и каких-то допотопных уродов, которыми поподчивал охотников магистр ветеринарных наук г. Буссе, но собак охотничьих, дельных, богатырских, с разными качествами и способностями, дорогими для охотника. Взгляните-ка серьезно на эти богатые источники и подумайте: не стыдно ли нам будет пред нашими потомками, если мы дадим этим источникам иссякнуть без пользы и доведем до того, что

русские охотники будут покупать русских собак за границей? Посмотрите, до чего дошли наши нынешние псовые охотники со своим единичным, отбойным образом жизни. Один вывел отличных волкодавов, которые в одиночку берут старого волка; но ...лишь тогда "...КОГДА ВОЛК ПОТЕЧЕТ ПРЯМО НА ОХОТНИКА, ЧТОБ ОН МОГ ПРИНЯТЬ ЕГО В ЛОБ", в противном же случае, "...ЕСЛИ СОБАКА ПРОСУНУЛАСЬ И ПРИШЛОСЬ ТРАВИТЬ В УГОН, ТО НЕ ТОЛЬКО ОДНА — ДЕСЯТЬ НИЧЕГО ЭТОМУ ВОЛКУ НЕ СДЕЛАЮТ, ПОТОМУ ЧТО ЕГО НЕ ДОГОНЯЮТ, ОСОБЛИВО ГОЛОДНОГО" (См. книгу "Записки мелкотравчатого", соч. Е.Э. Дриянского, с. 159, в сноске — *Прим. автора*). Зайцем же волкодавы пренебрегают, а потому большая часть из них его не догоняет. Другой перемелел своих собак до роста левреток и боится даже разговора о волках: "Черт его возьми, пострела! Стану я с ним возиться: чего доброго, еще изуродует". Многие, не имея средств содержать гончих, ездят лишь в наездку. Собаки их были, может быть, и хорошей породы, да без островной езды, потеряли бросок и стали "НОСИТЬ русака на щипцах"; поэтому-то эти охотники и пишут, что "ПОИМИСТОСТЬ СРОДНИ ТУПОСТИ". Или: "Беляк же, хотя и не имеет резвости русака, однако же удивительно ловок в угонках; ЦЕПЛЯСТЫЙ (?) беляк ХОТЬ КАКИХ ЛОВЦОВ (?) размечет, обманет и, пожалуй, если недалеко остров, отделается и от прыткой, но поимистой своры" (См. "Журнал охоты" 1858 г., т. 1, апрель № 4. Статья: "Современное назначение борзых собак в Англии". К. Петрова — *Прим. автора*). Или: "...по этой причине (увертливости) беляк выдерживает угонки более русака, будучи далеко слабее на бегу. Однако же УХОД ЕГО, КАК ДЕЛО НЕ ЧАСТОЕ, НЕ СТАВИТСЯ В УПРЕК СОБАКАМ" (!!!) ("Псовая охота". Соч. Н. Реутта. Изд. 1846 г., ч. II, стр. 104. — *Прим. автора*). Все это подтвердил служивший Государевым стремянным г. Венцеславский: "Беляк же во время угонок борзыми чрезвычайно увертлив и ...ИНОЙ РАЗ ЭТИМ ТОЛЬКО И СПАСАЕТСЯ ОТ ЗУБОВ ДАЖЕ ЛИХИХ (?) БОРЗЫХ" ("Псовая охота вообще", составленная А. Венцеславским, с. 18. — *Прим. автора*). А уж в общее утешение от таких невзгод, которыми вышеописанные тупицы наделяют своих владельцев, он же, г. Венцеславский, пишет: "Природа определила борзой собаке — НАТЯНУТЬ ДО ПОСЛЕДНЕГО УСИЛИЯ ВСЕ ЖИЛЫ, ЛИШЬ БЫ УГНАТЬ (?) ЗВЕРЯ И ПОЗАБАВИТЬ ДО ВОСХИЩЕНИЯ СВОЕГО БАРИНА" (!!!) ("Псовая охота вообще", составленная А. Венцеславским, с. 6. — *Прим. автора*). Однако не требователен же этот барин! Подумаешь: чего нужда не делает! К чему человек не привыкнет! Как кстати идет сюда нравоучение из детских каллиграфических прописей: "Умеряй свои требования и будь доволен малым". Ну, уж нет: покорно благодарим! Может быть, господа "спортсмены" и утешают себя философическими рассуждениями г. Венцеславского; но мы, провинциальные охотники, не поедем в поле только для того, чтоб смотреть, как бедная собака будет жилиться и надрываться по пустякам.

Чтоб не испытать на себе вышеописанных плачевных случаев и избавиться от вышеизложенных, чрезвычайно грустных рассуждений, обращаюсь к господам псовым охотникам и скажу по-охотничьи: не следует нам ИДТИ ВРАЗБРОД И ГНАТЬ В ОТБОЙ, а соединиться В ДРУЖНУЮ СТАЮ; не сидеть в молчанку и довольствоваться тем, что у кого есть, а сноситься друг с другом; съезжаться осенью по нескольку человек, имея общую стаю гончих; мерить лихих, судить и разбирать их строго и, вместе с тем, оценивать их истинные достоинства не алтынами. И только лишь тогда, мы выведем породу таких собак, которой будем травить не только в угон, но лишь бы глаз завидел, всех четвероногих зверей, которые бегают по русской земле и составляют предметы псовой охоты. Одним словом, необходимы общества и постоянные ежегодные съезды с образцами выводимых пород. Ум хорошо, а два лучше.

ГЛАВА II.

ЗНАЧЕНИЕ ГОНЧИХ В ПСОВОЙ ОХОТЕ. УПОТРЕБИТЕЛЬНЕЙШИЕ ГОНЧИЕ В РОССИИ. ИХ СТАТИ. ИХ ВЫКОРМКА, ВОСПИТАНИЕ И СОСТАИВАНИЕ.
О НАЕЗДКЕ ГОНЧИХ И СЛАЖИВАНИИ СТАИ. КАК УЗНАТЬ ИЗ НИХ МАСТЕРОВ. КАКИЕ ГОНЧИЕ НЕТЕРПИМЫ В ХОРОШЕЙ СТАЕ.
ВАНДАЛЬСКИЙ ПРИЕМ НЕКОТОРЫХ ПСАРЕЙ. ГОЛОСА ГОНЧИХ. ЗВЕРОГОНЫ И КРАСНОГОНЫ.
О ВРЕМЕНИ НАЕЗДКИ ГОНЧИХ. ИХ СОДЕРЖАНИЕ. ЕЗДА ДОЕЗЖАЧЕГО И ПСАРЕЙ.
СБЕРЕЖЕНИЕ ЧУТЬЯ ГОНЧИХ ВО ВРЕМЯ ОТЪЕЗДА. ГОНЧАТНИКИ. ПОДБОР ГОЛОСОВ.
ПИКЕРСКАЯ ИЛИ ПАРФОРСНАЯ ЕЗДА.

Стая гончих составляет главную, основную часть псовой охоты, и так же для нее необходима, как музыка для танцев, оркестр для оперы, легавая собака для егеря. Не говоря уж о добычливости езды с гончими, о травле красного зверя: лисиц и волков, стая гончих, управляемая искусным доезжачим и ловкими псарями, избавляет от излишнего напрасного труда охотников, лошадей и собак. Островная езда с гончими развивает до совершенства все полевые достоинства борзых собак, как например: жадность, кидкость, изворотливость, ловкость, сметливость, бросок и поимчивость, чего в наездку на двух — на трех зайцах в неделю приобрести они не могут. При езде с гончими борзая не изнурится, не обезжадничает, потому что отдыхает после каждого пойманного зверя: всегда свежа и весела. Кроме того, гоньба гончих веселит сердце страстного охотника, тешит и услаждает его слух, как вступительная увертюра перед любимым представлением, и доводит до совершенного восторга. Но я не буду распространяться о гоньбе гончих, а желающим предлагаю об этом справиться в сочинении г. Дриянского «Записки мелкотравчатого» — этом превосходном, списанном с натуры, живом рассказе: лучше и натуральнее передать нельзя.

В России употребительнейшие гончие:

1) *Костромские;*
2) *Курляндские;*
3) *Английские и*
4) *Польские;*

но все эти породы до такой степени перемешаны, что чистокровных можно встретить чрезвычайно редко.

1) *КОСТРОМКИЕ* гончие с превосходным чутьем, отличными голосами, с заливом, полазисты, добывчивы, необыкновенно верны в гоньбе, привязчивы, но недостаточно параты по овражистой, кучугуристой и обрывистой местности, каков, например, волжский бичевник и вообще нагорная сторона Волги. Для выполнения же всех строгих охотничьих требований их мешают с английскими.

2) *КУРЛЯНДСКИЕ* — бурдастые, с клокастой псовиной. Все с яркими, тонкими голосами, очень параты, но проносчивы и недобывчивы.

3) *АНГЛИЙСКИЕ* — чрезвычайно красивы: в них как будто видна смесь с крымскими борзыми; необыкновенно параты, но редкоскалы и много уступают в чутье костромским.

4) *ПОЛЬСКИЕ* — с верным чутьем, но тяжелы, пеши и годны лишь для ружейников.

Гончий кобель называется ВЫЖЛЕЦ, или ВЫЖЛАК, а сука — ВЫЖЛОВКА. Вот, кстати, лад и вообще признаки, которые должна иметь кровная и породистая гончая, по определению старинных охотников.

ГЛАЗА выпуклые, большие — на слезах, с кровавыми белками.

ЧУТЬЕ толстоватое и мокрое; ноздри широкие, которыми часто поворачивает на все стороны, как будто что-нибудь чует; по чутью рубчик, который пошел от верхней губы между ноздрей.

ТЕЛО крепкое и мускулистое, чтоб не была долга и сохастовата (поджара).

ГОЛОВА сухая.

УШИ тонкие, большие и повислые; но не лопухообразные, а свернулись бы трубкой.

ГОН (хвост) крепкий, короткий, не повислый, никуда на сторону не скинулся и кольцом, как валторна, не завернулся, а — прямой.

НОГИ сухие, жилистые, и чтоб на них была высока; даже немного высокопереда.

Таких статей гончая непременно будет чутка в натечке зверя, мастеровита, не стомчива и полазиста.

Дурными признаками считаются: когда гончая густошерста, жидка и слаба, с мясистой головой, толстыми ушами, сухими ноздрями, мясистыми и короткими ногами, с гоном долгим и повислым.

Цветом псовины гончие бывают: черные с подпалинами, с очками над глазами, белым пятном на горле, на груди и белым концом гона; чисто белые и соловые встречаются чрезвычайно редко: серые, серо-подпалые, багряные, черно-пегие с подпалинами, солово-пегие и багряно-пегие.

Выкормка гончих щенков совершенно одинакова с выкормкой борзых; но только их всегда держат в куче и кормят вместе; овсянка употребляется мелко смолотая, а не просеянная; мясо в корме рубленное, но сырое; баранина не дается никогда. Чтоб корм отнюдь не был горячее парного молока: все это делается для сохранения их чутья.

Воспитание и обучение гончих требует от псарей особенного уменья, сметки и терпенья. Чем ближе она подходит к дрессировке легавых (с ласки, а не парфорсной), тем лучше.

Все породистые гончие одарены от природы удивительным чутьем, необыкновенной крепостью ног и безграничной неутомимостью в полевой работе, а потому гончую нужно довести только до совершенного, слепого послушания и полной вежливости.

Уже с двухмесячного возраста приучают гончих щенков к стойке перед кормом, трехмесячных — к рогу, т.е. не для того, чтобы они текли уже на рог, но чтоб привыкли к его звуку и не выли во время зова, что случается со многими; шестимесячных — к стаиванию и к смычкам, а потому, с этого времени прикармливает и приучает их к себе уже доезжачий.

СМЫЧОК есть не что иное, как два обыкновенных прочных ошейника, соединенных между собой цепью вершков в пять или шесть, смотря по росту собак. Смычок надевается на двух гончих, чтоб они в стае были попарно. Когда нужно одеть эти смычки, то говорится СОМКНУТЬ гончих, а когда желают снять, то — РАЗОМКНУТЬ. Но смычком называется также пара гончих, а потому охотника спрашивают: "Сколько у Вас смычков гончих?"

СТАИВАТЬ или СОСТАИВАТЬ гончих — значит чтоб они всегда были в куче: их приучают к этому очень легко, со щенков — перед кормом у корыта. Как только щенки разбредутся, доезжачий крикнет: "В стаю!" — или: "В кучу!", а псарь хлопнет арапником и хлыстнет непослушных. Состаивают гончих для того, чтоб они гоняли стайно, не врозь и вразброд — каждая своего зверя, но все по-одному.

За непослушание и за шалость доезжачий не наказывает щенков никогда сам, а сейчас же приказывает выжлятнику наказать при себе.

К рогу приучать молодых собак, чтоб были позывисты, следующим образом: как запарят им в ушате корм, то, разделяя его на три части, разложить в разные корыта: в два — понемногу, а в третье — побольше; развести во всех как следует, но чтоб только в последнем наелись они досыта. Одно корыто поставить от псарного двора саженях в двадцати, другое — от первого — саженях в восьмидесяти, третье же корыто, в котором корму больше, поставить от второго саженях в полуторастах. У первого корыта доезжачему звать в рог, а выжлятникам подгонять их с псарного двора, хлопая в арапники и приговаривая: "К рогу! Вались к рогу". А как на позыв притекут, то доезжачему, не допуская до корыта, крикнуть: "Стой, гончие! Стой! В стаю!" — или "В кучу!" Потом прозвать при них три раза в позыв, подсвистнуть, провести мешалкой по корыту, стукнуть, пустить к корму, приговаривая: "Дбруц, собаченьки! Дбруц, други!" И приласкать. Тоже сделать у другого, потом — у третьего корыта; у этого последнего дать наесться уже досыта, чтоб сами отошли. Повторив все вышесказанное дня три или четыре — утром и вечером, гончие непременно будут на рог позывисты. Кроме того, во время настоящей езды, непременно должно каждый раз, когда доезжачий станет вызывать из острова собак на рог, каждой вытекшей гончей давать прикормку, чтоб впредь охотнее и скорее вытекали. Для этого необходимо доезжачему и выжлятникам возить с собой в кожаной сумке сушеных зайцев или вяленого мяса или хорошо пропеченного, черствого ржаного хлеба. Если же которая гончая на позыв скоро не вытечет, то выжлятнику наказать ее в острову арапником, приговаривая: "К рогу! К рогу! К нему! К нему!" А доезжачему, во время наказания, звать в рог; и как вытечет — приласкать и дать прикормку.

Все воспитание гончих щенков должно основываться на ласке и справедливой строгости, но отнюдь не на капризе и произволе. Почти во всех охотах в России обращаются с гончими жестоко и содержат их варварски, в том ложном убеждении, что злобнее и лютее гончей собаки нет ни одного животного. Какое жалкое заблуждение! В моей молодости я верил на слово всем рассказам и поверьям старых охотников, слепо следовал их советам и подражал во всех приемах. Но вот в 1831—1832 годах, во время польской кампании, находясь при дивизионной квартире в Гостынине, я познакомился с

капитаном ветеранов Брохоцким, страстным ружейным охотником. У этого старого служаки было пять великолепных гончих, которые все жили в комнате и были чисты, опрятны, вежливы, ласковы, умны и послушны, как самые породистые и отличной дрессировки легавые собаки. Когда я выразил ветерану свое удивление, рассказав притом, как обходятся с гончими в наших русских охотах — старик мне сказал: "Поверьте моей опытности: нет ни единого домашнего животного, которого нельзя бы сделать ласковым и внимательным обращением, справедливой строгостью не только вежливым и послушным, но — преданным другом. Виной всему противному мы сами, наша лень и наш подлый эгоизм". Выйдя в отставку, я поверил и испытал на деле слова ветерана. У меня была небольшая стайка, состоящая из четырех с половиной смычков, своей выкормки: таких собак прежде и после я не видал, да и не увижу. Выкармливал эту стаю мой двадцатилетний доезжачий Степан — страстный любитель собак. Бывало, когда ни придешь на псарный двор, Степан сидит на выпуске, окруженный гончими щенками, занятый разговором с ними или кормлением их своим пирогом. Эти девять собак при его управлении никогда не знали смычков: идет ли он через остров — зайцы как стрекозы выскакивают из-под ног, но ни одна гончая не смеет броситься, хотя каждая дрожит от жадности. Во время горячей гоньбы Степан крикнет: "Стой, гончие! Стой, други!" Вся стая как будто провалилась сквозь землю: ни одна не пикнет. А достиг до этого Степан одной лаской и редко-редко употреблял розгу; арапник же — никогда! Всех доезжачих и псарей называл он живодерами.

Когда гончие сгодуют, и придет время употреблять их в гоньбу, то смыкать молодую собаку со старой, при смыкании дать прикормку и приласкать; потом следует их вываживать, чтоб на смычках не тянулись и не рвались, а ходили бы степенно. Если же которая на смычке не пойдет, то ее не бить, а приласкать и дать прикормку, чтоб пошла охотно. Когда же молодые собаки к смычкам привыкнут и будут ходить на них хорошо, то сомкнуть их одних, ездить с ними верхами около пасущегося в поле стада. При этом наблюдать, чтоб лошадь под доезжачим была смирная и в деле бывалая: знала бы собак, текущих за ней, молодых не ушибла и тем бы их не напугала, а то они за лошадью течь не станут, Ежели гончие бросятся на скотину или на находящуюся при стаде собаку, то доезжачему откликать их: "Стой!!! Стой! Сюда! Сюда! Ого-го-го!" Если послушаются, то, приласкав, дать прикормку; а если нет — то выжлятникам наказать их арапником, приговаривая: "К нему! К нему! Вались к нему!" А доезжачему подкликивать их, как сказано; и как подтекут, то приласкать.

По окончании наездки, то есть когда гончие на скотину и на дворовую собаку метаться не станут, будут слушаться доезжачего и выжлятников, одним словом, сделаются совершенно вежливы, тогда приучать их к гоньбе зверя. Это делается следующим образом: взяв двух живых зайцев, выехать с молодыми собаками в поле, чтоб при них был и смычок старых — лучших гонцов. Велеть одному выжлятнику, взяв с собой одного зайца, отъехать на такое расстояние, чтоб голос был слышан, потом, привязав зайцу за одну заднюю ногу или за обе свору, называть гончих, держа зайца в руках: "А-ха! Аха-ха! Аха-ха-ха! Ара-ра! Ара-ра-ра! Ара-ра-ра-ра! Сюда — вота! Сюда — вота!" В то время, как выжлятник поедет, доезжачий должен гончих со смычков отрешить и приласкать, а когда выжлятник станет называть, то доезжачему и другому выжлятнику поскакать на голос, понуждая гончих криком: "К нему! К нему!" И как они станут подтекать к тому, кто называл их с зайцем в руках, то, не допуская собак до себя шагов за пятнадцать, пустить зайца из рук, придержав за конец привязанной к нему своры, чтоб не ушел. Разумеется, старые собаки сейчас же его словят, вцепятся и молодые, но отбивать не следует, а дать им его разорвать и съесть, приговаривая: "Дбруц! Дбруц!"

Потом отъехать с другим зайцем и с гончими к отъемному острову, не доезжая до него саженей тридцать, пустить зайца перед гончими саженях в десяти, чтоб он мог у них удалев, увалиться в острову. Старые гончие сейчас его добудут, погонят, а с ними будут гонять и молодые. Когда зайца пустят, то должно назвать гончих напролаз, как сказано выше, дать им погонять его с полчаса, а потом сбивши со следа, созвать в рог. Если же гончие в острову зайца словят, то тем лучше для молодых собак: они будут жаднее к гоньбе, а для того, чтоб непременно словили — пускать зайца сиделого, потому что он в острову увальчивее свежего. Но если пущенный заяц в острову не увалится, а побежит сквозь него через поле в другой остров, то гончих сбить, не пуская их далее опушки острова, в который пущен заяц. Сбивать их с следу таким образом: выжлятникам заскакать вперед гончих, хлопать в арапники, крича: "Стой! Стой, гончие! Стой! — Дошел, дошел! Ого-го-го!" А доезжачему у опушки звать в рог. Когда гончие подтекут, то приласкать и дать прикормку. Повторив этот маневр раза два или три, можно брать молодых гончих в поле уже со всеми старыми гончими одной ноги, т.е. одинаковой ПАРАТОСТИ (резвости).

Наезжать молодых собак голодных, чтоб были к прикормке и к зайцу жадны. Каждое поле, во время наездки, должен присутствовать ловчий, чтоб охотники исполняли свое дело, а не пировали где-нибудь в кабаке или на пчельнике. Когда гончие за выбежавшим в поле зайцем метаться не станут, тогда ловчий должен брать с собой свою свору добрых собак на случай если заяц побежит в поле: это делается для того, чтоб молодые гончие, видя в поле собак, ловивших зайца, не сделались непослушны и не стали бы носиться по полю во время уже настоящей езды и серьезной осенней травли. Ловчий, затравив зайца, передает его доезжачему, который, разрезав на куски, отдает молодым гончим.

Когда МЕЧУТ (пускают) гончих в остров для гоньбы, говорится: ДЕЛАТЬ НАПУСК, а чтоб сделать напуск, то доезжачему приказывают: "Мечи собак!"

Наездка гончих производится в тех местах, где есть платные, заразистые заказники, с половины апреля до конца мая, а где таких мест нет, то с Ильина дня (20 июля), по зорям, и продолжается до конца августа. В это время деревья одеты, трава густа, гончие не будут гонять только по-зрячему, но пойдут в добор, узнают след и будут его держаться.

Вся вышеписанная процедура заимствована мной из старинной книги почти целиком по той причине, что все в ней изложенное о наезде гончих буквально и строго выполняется во всех дельных и стройных комплектных охотах.

Кажется, хитрость невелика — выкормить стаю гончих и нагонять ее, но дело не в выкормке, а в умении СЛАДИТЬ стаю. Во-первых: необходимо, чтоб все щенки, из которых составляется стая, были однокорытники, т.е. одного возраста и выкармливались со щенков вместе. Во-вторых: когда они сгодуют и поступят в гоньбу, чтоб все были одних достоинств: чутьисты, полазисты, добывчивы, параты, нестомчивы и крепконоги, а чтоб достичь этого следует, формировать стаю одной породы, оставляя и выкармливая щенков от лучших гонцов, которые были мастерами-вожаками стаи. Если ж вы наберете стаю "с борка, да с сосенки" — у вас будет не дружный хор гонцов, а разнохарактерный дивертисмент, т.е. ваши гончие будут гонять "кто в лес, кто по дрова". Которые почутьистее и попаратее, те впереди, а остальные пойдут вразброд: собака от собаки саженях во ста, взлаивая и сбивая друг друга. Вот для этого-то при трудности сформирования гонцов равных достоинств стараются составить стаю, по крайней мере, одной ноги (одинаковой паратости) при добрых, надежных вожаках. Каждая молодая стая сама выбирает из среды своей (по инстинкту или по рассудку, называйте как хотите; но, вероятно, по совещанию) вожака — самого лучшего гонца и всегда без ошибки, которому

верит вполне. Лишь только вожак отзовется — вся стая понесется к нему стремглав и, свалившись на следу зверя, поведет за своим вожаком фронтом, а не гуськом на произвольную дистанцию. На которую гончую зверь наткнется, та зальется самой высокой нотой из своего диапазона и застонет так, как-будто с нее, с живой, снимают шкуру: этим она поддает жару всей стае, которая, по выражению охотников, "ревет так, что лес валится, и все лешие разбегаются".

По добывчивости и гоньбе, т.е. как которая гончая добывает и как гоняет зверя, узнается МАСТЕР. (МАСТЕРОМ называется тот вожак, который своими превосходными полевыми достоинствами вышел из ряда обыкновенных гонцов, как самая резвая или даже лихая из борзых — *Прим. автора*).

Которая гончая, будучи еще на смычке под островом, может далеко причуять зверя, то есть: лишь только ее спустят со смычка, то прямо полезет, где зверь лежит, и, толкнув с логова, взрячь ПОМЧИТ (погонит), а потом будет гонять верхним чутьем (подняв чутье вверх); у которой гончей никогда УПАЛОГО (Который залег и скрылся в большой траве или в хворосте — *Прим. автора*), ОТСЕЛОГО (Сметнул круто в сторону большими прыжками — *Прим. автора*) и УДАЛЕЛОГО (Который далеко оторвался от гончих и скрылся — *Прим. автора*) зверя быть не сможет, которая не сорвется и не пролезет мимо зверя, если он отбудет даже через реку или побежит мокрыми и каменистыми местами, оврагами и потом ПОВАЛИТСЯ на большой камень, такая гончая МАСТЕР.

Охотники считают хорошей приметой и то, если гончая гоняет, припадая к следу, где зверь бежал; притом, если зверь, удалев от нее, круто отсядет или увалится, а она будет обымать по лазами кругом, и немедленно отселого справит, удалелого и упалого дойдет. Особливо же, если зверь побежит бойной дорогой в сухое время, и от ветра след заносит пылью, ко всему этому, зверь далеко скинется на сухую пашню, но, несмотря на все эти препятствия, гончая его справит и, разчуяв, немедленно взрячь погонит и на охотников выставит — такую тоже должно признать за мастера.

Если какой зверь пролезет до гончих за полчаса или за четверть часа через вспаханные поля или по бойной проезжей дороге, а по его следу прогонится стадо, но, невзирая на это, гончая этого слезлого зверя добудет и взрячь помчит — такой гонец первоклассный мастер.

Гончие гоняют также по белой тропе, т.е. по снегу; разумеется, в начале зимы, по порошам. Здесь также можно узнать добрых гонцов и даже мастеров. Если пороша будет морозная, да к тому же на деревья и кусты падает сильный иней, который при гоньбе гончих сыплется и запорошивает след, а гончие гоняют без перемолчки, как в хорошее время, такие гонцы могут быть лишь высокой породы. Также, если после глубоких порош сделается оттепель и снег сгонит, но не весь, а останется он шахматами (т.е. где земля, а где снег), что называется по-охотничьи ПЕСТРЫМ ПОЛЕМ, в такое время может гонять безумолчно только отличная стая.

Не следует делать напуск тогда, когда сильная роса и ее еще не сдуло: кроме того что она, заливает гончим чутье, есть росы вредные, что исследовано и доказано наукой.

Которая гончая гоняет МАРОВАТО (Медленно — *Прим. автора*) с долгой перемолчкой и как-будто все идет в добор, к тому же РЕДКОСКОЛА (Не скоро отдает голос — *Прим. автора*) и коновата: ни справить, ни СТЕЧЬ (Найти — *Прим. автора*) не может, а если охотник сбудит (Спугнет — *Прим. автора*) зверя или сам он нечаянно на нее наткнется, то она взрячь или по горячему следу погонит, а как зверь, удалев,

повалится и она его не добудет; ко всему этому — спущенная со смычка, орет по пустякам с час и на гоньбу других ВАЛИТСЯ (Бежит — *Прим. автора*) с голосом — такая гончая годна лишь на лайковый завод. Может быть, из ее шкуры выйдут хорошие перчатки, но зверя из-под ее гоньбы не затравите, потому что она не выставит его в поле никогда. Не терпима в стае у дельного охотника и та гончая, которая хотя гоняет одна хорошо, но в стае ПЕРЕЧИТ (Носится поперек, чтобы поймать — *Прим. автора*) или перехватывая зверя у собак, УМЫЧКОЙ У НИХ УНОСИТ (Несется во все ноги, без всякой сноровки, а потому часто сбивается — *Прим. автора*) и гоняет одна, потеряв же, скоро справить не сумеет, а начинает опять перечить и другим только в гоньбе мешает. К тому же такая гончая всегда бывает неслух: на рог не позывиста, от псарей прячется, а потому и поймать ее трудно. Через это мучаются лошади и тратится время. О такой гончей по-охотничьи говорится, что она отдирчивая собака, гоняет в отбой: ее не терпят и борзятники, и псари.

Если молодая собака с первых ее полей будет отдирчива, то стараться отучить ее заранее следующим образом: выжлятник должен немедленно ее поймать, наказать и, взяв на свору, подвести к гоняющей стае; потом спустить со своры, ударить арапником, подкрикивая: "Вались в стаю! Чу! — К нему! В стаю!"

Не должно обманывать гончих позыванием на горячий след, если зверь действительно не пролез: они не будут верить псарям точно так же, как борзые охотникам, неоднократно обманываемые ложным отуканьем.

Во многих русских охотах у псарей есть обыкновение: если не вытекает долго из острова на рог отдирчивая собака или не валятся те гончие, которые, по оплошности выжлятников, сорвали из отъемного острова в уйму, взять одну или несколько из притекших и послушных собак за уши и таскать из всех сил, чтоб они визжали, благам матом. Эти вандалы воображают таким медвежьим приемом надуть отбившихся гончих: "Они изволите ли видеть, подумают, что идет, де, гоньба по-зрячему, а потому подвалятся". Как будто голос собаки до того однообразен, что не может изменяться и выражать — различные ощущения. Кажется, нечего объяснять, что первый изобретатель этого приема немногим ушел от орангутанга, а последователи — не лучше обезьян. Кстати, о голосе. Гончая не лает как дворная и другие собаки, а взлаивает. Когда она в острову гонится за зверем (видя его или по его следу) с голосом, то говорится: "ГОНЧАЯ ГОНЯЕТ". Лай дворной собаки редкий или учащенный: хам-хам-хам! А когда гончая гоняет, то голос ее чистый, густой, звучный; взлаивание протяжное и похоже на: а-уф! аа-уф! аа-уф! Есть гончие, которые при гоньбе по зрячему или по горячему следу визжат или взвывают таким точно голосом, какой они издают, когда их наказывают арапником, т.е. похоже на: ай-яй-яй-яй-яй! О таких гончих говорится, что они С ЗАЛИВОМ, а когда они так погонят в острову, то ЗАЛИВАЮТСЯ, ЗАЛИЛИСЬ. Такие голоса очень ценятся любителями гончих.

Чтоб нагонять гончих на красного зверя, употребляются два способа. Один из них тот, что дома выкармливают волчат и лисят в садке и потом поступают с ними точно так, как сказано выше о зайцах, т.е. сажают перед гончими в опушке острова и делают напуск. Но только как волк, так и лисица должны быть сострунены, и с молодой стаей пущены надежные выжлецы. Другой — лучший и употребительнейший, состоит в том, что десятимесячных гончих смыкают со старыми красногонами, дают им свыкнуться, и тогда уже начинается наездка прямо на красного зверя, не дозволяя гонять по зайцам.

Те охотники, которые ездят только на красного зверя, пренебрегая зайцами, называют гончих, гоняющих по красному зверю, ЗВЕРОГОНАМИ (как будто заяц не зверь!).

Охотники же, разнообразящие свою езду, любящие травить одинаково как зайца, так и лисицу и волка, называют такую стаю КРАСНОГОНАМИ.

Гончих должно содержать точно так, как и борзых, но только не давать им вареного мяса, а сырого — два или три раза в неделю, и то зимой; летом же запаривать овсянку кипятком, а когда остынет, разводить простоквашей. Баранины же отнюдь не давать, ни вареной, ни сырой. Двор должен быть саженей в 30 как в длину, так и в ширину; закуты просторные и всегда чистые; одним словом, гончих следует держать в такой же чистоте и таком же порядке, как и борзых. Барство и лень как господ, так и прислуги проповедуют противное: зато в таких охотах каждая собака, особливо гончая, оправдывает выражение — "пес смердящий". Вот тут-то чума, парши, восцы и другие заразительные гнилые болезни бесперевoдные.

Езда доезжачего и псарей заключается в следующих главных, основных правилах:

1) не покидать мысли, что вся их обязанность состоит в том, чтоб выставлять зверя в поле на борзятников, и чем скорее, тем лучше; а потому:
2) они должны управлять гончими, а не гончие ими;
3) чтоб гончие гоняли стайно, а не в отбой и разбивку;
4) по острову зря не носиться и лошадей не мучить: им и при дельной езде всегда много труда;
5) переких гончих не скрывать, а, напротив, от этого порока их отучать или сбывать и
6) не душить зверя в островах, а выставлять на охотников, в противном случае это срам и поношение как для владельца стаи, так и для доезжачего и его помощников: всех их назовут ШКУРЯТНИКАМИ.

Основывая все свои действия на изложенных правилах и вместе с тем выполняя все то, что сказано в сочинении г. Дриянского «Записки мелкотравчатого» ("Статья imtermedio, о том что такое ловчий?" Следовало сказать — доезжачий. "Каков он есть и каким ему быть подобает" — *Прим. автора*), ловкость езды доезжачего и псарей будет зависеть от их страсти к охоте, природных способностей, ума, сметки и приобретаемого опыта. Сказать более я не могу ничего; потому что не был ни доезжачим, ни псарем. Прибавлю только следующее: некоторые господа требуют, чтоб их доезжачие "ВИСЕЛИ НАД ГОНЧИМИ", т.е. скакали за их хвостами. Не знаю, насколько это полезно; но только я видел псарей, которые носились по острову сломя голову без нужды и без толку — лишь бы показать свою удаль. А между тем зверь не был выставляем в поле; только несчастные лошади были окончательно измучиваемы. Видел я и таких доезжачих, которые не суетились, не торопились; но, как говорит один мой приятель: "Тихо поспешали". Всегда вовремя справляли гончих, которые живо добывали отсталого и упалого зверя, а где его было много, то, несмотря на обширность и заразистость острова, выставляли в поле так, что борзятники едва успевали принимать. Между тем на лошадях этих доезжачих не было ни потинки. Как это делалось, спросите профессора по этой части — Феонена Ивановича.

Писавши эти записки, я имел в виду поделиться моим сорокалетним опытом с начинающими охотниками (а не с теми, которые могут поучить меня сами), то передаю им следующее: если вы вздумаете отправиться в отъезд, не забывайте, что в деревнях нет тех удобств и того приволья для собак, как у вас дома, а придется размещать их на квартире по клевам, в которых, обыкновенно, содержится крестьянский домашний скот, т.е. лошади, коровы, овцы и свиньи. Если вы поместите ваших гончих в овчарнике, то они потеряют чутье на несколько дней и будут отзываться только по-зрячему: так сильны и спиртуозны миазмы того места, где были овцы. Если же вы запрете собак в свиной клев,

то их обсыплют и заедят блохи, а потому лучше всего помещать собак или в конюшнях, или в коровниках, разумеется, предварительно очистив и настлав вдоволь свежей соломы. Но так как самый просторный крестьянский двор на каких-нибудь осьми или десяти саженях, то гончих не спасешь от миазмов, поэтому, выехав из села в поле для охоты, должно непременно промывать чутье у гончих смесью слабого уксуса с простым вином, чтоб они прочихались и профыркались. От блох же самое надежное и вернейшее средство, которое каждый дельный охотник должен иметь в большом запасе: это свежая персидская ромашка. Когда вычистят клевы, посыпать ромашки по тем местам, где назначена лежка для собак, и потом уж разложить солому.

В первой части моих записок, после описания охотников и определения тех разрядов, на которые они разделяются, я упомянул об "истых борзятниках", не терпящих езды с гончими и ее осуждающих. Но есть еще истые гончатники, которые не любят травли, а страстны к одной лишь гоньбе гончих.

У меня был сосед А.Н. Ш...ков, старик рослый, тучный, с голосом Стентора. За всеми его борзятниками были в сворах собаки тупые. Бывало кто из них начнет травить, А.Н. крикнет гласом трубным: "Э-ге-ге-гех, родимый! Уйди, сударик! Отпусти душу!" И лишь только заяц, удалев, слезет опять в остров, сосед, который всегда ездил на охоту на беговых дрожках, не имея при себе борзых, толкнет своего рыжего коня к опушке, к тому месту, где заяц пролез, и запарскает так, что сам Полкан-богатырь упал бы с лошади: "А-ха! а-ха-ха-ха! а-ра-ра! а-ра-ра-ра! Сюда вота! Сюда вота! Сюда, други! Сюда, родные! Тут — улез! Тут — улез!" Собаки знали его лучше, чем доезжачего: сейчас же к нему подбудут, натекут на горячий след и зальются во все голоса. А.Н. станет на месте, не шелохнется, сгорбится, шею вытянет, губами зачмокает и заплачет. Возвращаясь же домой с охоты, непременно спросит: "А что, сударик, каковы мои певуны?" — "Отличные!" — "Уж, конечно, таких голосов нет ни у одного певчего папы РЫМСКОГО".

Вот эти господа, имея отличную породу гончих и не жалея ничего на ее усовершенствование, уж начинают причудничать. Не довольствуясь отличным чутьем, добывчивостью, паратостью, одним словом, всеми достоинствами гончих, стараются подбирать голоса: чтоб в стае были БАШУРЫ (басы), тенора, альты, дисканты (разумеется, для их охотничьего слуха) и все с заливом. Потом каждый и рассказывает, что у него стая так слажена и с такими голосами, каких нет ни в одном певческом хоре: "Я вам скажу: как Затейка зальется чистейшим серебряным колокольчиком, Соловка застонет контральтом. Помыкай к ним подладится; тут вся стая закипит, а Камшило вдруг как хватит басом да начнет пристукивать... ну просто мочи нет: так варом и обдает!"

А наши-то сударыни, русские барыни, слыша подобные россказни, верят им в простоте души и расспрашивают: "Скажите, пожалуйста, неужели можно управлять собачьими голосами, чтоб выходила какая-нибудь музыка?" Они того не хотят понять, что охотник слушает ухом не музыкальным, а охотничьим, что залив его Затейки и взвыванье Соловки для него выше всех первоклассных примадонн Европы.

Слухом земля полнится. Рассказывают, что будто в Тульской губернии наши русские "спортсмены" вводят езду пикерскую или парфорсную, в которой все охотники носятся по лесам за гончими и ими сганивают, т.е. замучивают зверя.

Дивные дела творит мода! Она не подчиняется ни уму, ни рассудку, ни здравому смыслу: везде властвует! Ну, помилуйте! Северный ли костюм из газа и других воздушных, бальных материй, с обнаженными плечами, при 20 и 30 градусах мороза? Но закон моды предписывает, и наши дамы повинуются ему слепо. По нашему ли климату

фрак? "По шутовскому образцу: Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем. Рассудку вопреки, наперекор стихиям. Движенья связаны и некраса лицу..." Или, например: неугодно ли отправляться в зимнюю метель и вьюгу с открытой грудью и в круглой шляпе? Но мода повелевает — ставь здоровье на картину.

Английские лисогоны охотятся с гончими более в открытых местах, а если и встречаются препятствия, то это не более, как водосточные канавки, обсаженные частым ивняком; острова же их все вычищены: в них не только нет сушняка или валежника, но вырезан каждый лишний прутик. Сравните теперь с нашими лесами, дебрями, трущобами, в которых, не говоря о частом сплошном подседе ельника, можжевельника и разного кустарника, обрывистых, бездонных оврагов, чтоб полететь турманом с лошадью, переломать себе ноги, руки, ребра и свернуть шею. Мода и мода!

Тешьтесь, господа русские "спортсмены"! Желаем вам всякого благополучия!

Так как эта охота принадлежит англичанам, то желающие знать о ней в подробности могут получить эти сведения из "Sporting Magazine" и из других английских охотничьих журналов, а мы взглянем на свою русскую охоту.

ГЛАВА III.

ПРИВОЛЬЕ РУССКИХ ОХОТНИКОВ. НЕВОЗМОЖНОСТЬ ИЗЛОЖИТЬ НА БУМАГЕ ВО ВСЕЙ ПОДРОБНОСТИ ПРАКТИКУ ПСОВОЙ ОХОТЫ ПРИМЕРЫ НА ДЕЛЕ.
КАКАЯ БЫВАЕТ ЕЗДА С СОБАКАМИ. УНИЧТОЖЕНИЕ МНОГИХ КОМПЛЕКТНЫХ ПСОВЫХ ОХОТ. ПРИЧИНА ТОМУ.
СОВЕЩАНИЕ ПЕРЕД ЕЗДОЙ. НАЧАЛО СЕРЬЕЗНОЙ ЕЗДЫ. ПОРЯДОК ПРИ ЭТОМ СОБЛЮДАЕМЫЙ.
СЪЕЗЖАЯ, СБОРНАЯ ИЛИ ТОВАРИЩЕСКАЯ ОХОТА. ГЛАВНЫЕ ПРАВИЛА ОХОТНИЧЬЕГО УСТАВА. РАВНЯШКА И НАЕЗДКА. ОХОТНИЧЬИ ШУЛЕРЫ. ШКУРЯТНИКИ.
ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ОТЪЕЗДУ, ПОРЯДОК, ПРИ ТОМ СОБЛЮДАЕМЫЙ. ОБЫВАТЕЛЬ-ОБЪЕЗДЧИК. ЕЗДА НА КРАСНОГО ЗВЕРЯ ПО ЧЕРНОСТОПУ ПО ПОРОШЕ: С ГОНЧИМИ И ПО СЛЕДАМ.
ВИДЫ ЗАЙЦЕВ. ЕЗДА НА НИХ: "СПОРТСМЕНСКАЯ" И НАСТОЯЩАЯ ДЕЛЬНАЯ.
ОШИБКА ПСОВЫХ ОХОТНИКОВ.
АНГЛИЧАНЕ КАК ЗНАМЕНИТЫЕ ВЫВОДИТЕЛИ ПОРОД.
САРАТОВСКИЕ СОБАКИ.

По тому охотничьему раздолью в нашей беспредельной России, по тем дивным, привольным местам, в которых живет и плодится в изобилии зверь, птица и рыба — каких охот нет у нас! Все, какие только существуют в Европе. Но так как предмет наших записок ПСОВАЯ ОХОТА, т.е. травля волков, лисиц и зайцев собаками, то мы ею и займемся; о прочих же охотах пусть пишут специалисты.

В первой части моих записок изложена теория псовой охоты; а именно: ее состав. На какие разряды разделяются охотники, какие породы борзых и гончих собак у нас в России, стати их. Передано отчасти о поддержании и выводе этих пород, что приобретается долгим опытом и постоянными наблюдениями. Что же касается до практической ее части, т.е. до полевой езды, то, так как на бумаге передать ее во всей подробности нельзя, да и не для чего, я о ней распространяться и не буду. НЕЛЬЗЯ потому, что псовая охота имеет свою тактику, которая научает сообразовать свои действия со временем, местом, составом охоты, количеством и качеством собак и проч. и проч. После этого как же можно положительно сказать, например, откуда метать гончих, на каких расстояниях от острова и на каких местах становиться борзятникам, когда показать зверя и сбросить со своры борзых и проч. и проч. НЕ ДЛЯ ЧЕГО потому, что охотники полевые и приватные в мои записки и не заглянут. Истинный охотник пробежит их из любопытства и любознательности: он не пренебрегает даже самым плохим сочинением, в котором дело идет о псовой охоте, как пчела, которая не пропускает самого маленького, ничтожного цветка, умея и из него извлечь мед. Мои записки будет читать охотник неопытный, но — страстный, а как страсть развивается только к тому, что увидел и узнал, то и новичок, конечно, мог тогда лишь полюбить охоту, когда поездил несколько полей или целую осень с дельными охотниками, любящими порядок и стройность. Безалаберность же и неурядица могут только отвратить, а не пристрастить.

Основываясь на вышесказанном, я изложу одни главнейшие правила, которыми настоящие охотники руководствуются и которые ими строго соблюдаются.

В конце предыдущей главы я сказал, что одними гончими ездят английские "СПОРТСМЕНЫ", но русский псовый охотник всегда травит борзыми и без них в поле не поедет.

Езда бывает ОСТРОВНАЯ — с гончими и кричанами — и В НАЕЗДКУ — по черностепу и по пороше. Каждая езда имеет свои правила, о чем и будет сказано в своем месте.

Настоящие охотники ездят всегда с гончими, и прежде каждый из них имел свою стаю, а нынче — несколько соседей-охотников, родных или приятелей, содержат общую стаю и постоянно охотятся вместе. Даже мелкотравчатые стараются присоединиться к тем охотникам, у которых стая гончих.

В России было много комплектных псовых охот. Но с 1861 года едва ли их осталось двадцатая часть, по недостаточности средств к содержанию людей и лошадей: чуть-чуть достает на собственное продовольствие, а — "один в поле не воин". Еще некоторые мелкотравчатые, у которых было своры 2—3 борзых, удержались; огромные же охоты, с парадными и пышными выездами, все уничтожены. Причина тому та, что владельцы таких охот, разыгрывая роль главнокомандующих, привыкли повелевать и требовали от своих доезжачих и псарей, чтоб зверь преимущественно выставлялся на них, особливо первый — сначала напуска. Лишившись СОБСТВЕННОЙ, раболепной прислуги, набаловавшись своим магнатством, они считают уже для себя стеснительным и как бы унизительным вступить в товарищество СБОРНОЙ охоты, не желая подчиниться общепринятым правилам, по которым все члены равны, по старинной охотничьей поговорке: "В поле съезжаться — родом не считаться" и по пословице: "В чужой монастырь со своим уставом не входят". Вот причина, почему они не любили съезжих охот и ездили в отъезд всегда одни со своим крепостным штабом. В настоящее же время нанимать и набирать новую прислугу — нужно отказать себе в других светских удовольствиях, а баловник Фортуны с детских пелен решится ли на такое пожертвование. Хозяин средней комплектной охоты все свои охотничьи распоряжения приводит в исполнение через ловчего. Накануне серьезной полевой езды, т.е. в конце августа, призывает он ловчего и доезжачего, толкует и советуется с ними, откуда начать поля, с каких мест и какого держаться порядка. Я говорю здесь о езде домашней, т.е. около себя, а не об отъезжих полях. В отъезд мы отправимся с товарищами в сборной охоте. Серьезная езда обыкновенно начинается с 1 сентября и всегда на красного зверя, преимущественно на волков. Стая сформирована, слажена; наездка ее кончена; борзые высворены, врысканы, в полевом теле; к домашним животным пригляделись; волки подвыты, гнезда их проверены, выводки лисиц известны; зайцы же еще не перелиняли, а потому слабы.

> (*ПРИМЕЧАНИЕ.* В главе 1, говоря о выдержке борзых собак и приготовлении их к тяжелым отъезжим полям, я забыл сказать, что если собаки были на мясном корме и все зажирели, то за неделю до полевой домашней езды следует их привести в полевое тело. Для этого кормить их пустоваркой, т.е. без мясной навары, но с простоквашей (кислым молоком) и чаще мыть теплой водой; тогда излишний жир с них спадет и они зарьявать не будут. В противном же случае, чересчур сытая собака на ловле может зарьять или с ней сделается удар, или окажутся мокрецы в пальцах и трещины на мякишах и пятках, отчего собака будет неспособна к скачке до совершенного излечения — *Прим. автора*).

С вечера господин приказывает ловчему идти завтра с охотой, лишь только станет светать, к такому-то острову, где выводка волков, и дожидаться его в известном месте.

Ловчий, сейчас же по возвращении от господина, сзывает охотников, передает им приказание, совещается с доезжачим и опытными борзятниками, как лучше взять остров, чтоб, разгромя гнездо, затравить стариков, не давая уйти ни одному молодому. По совещании, приказывает борзятникам уже положительно и с толком, кому какой лаз занять, соображаясь со сметливостью и ловкостью каждого и с надежностью его своры.

Чуть свет ловчий подает в башур (большой рог) сигнальный голос к седланию. По второму голосу доезжачий и выжлятники принимают гончих на смычки, а борзятники своих собак — на своры. По третьему — все отправляются в следующем порядке: впереди всех ловчий; за ним, в трех саженях, борзятники; за ними, на таком же расстоянии, доезжачий; за доезжачим — гончие, а по бокам их выжлятники. Идти без крика и без гаму; остановиться от острова в таком расстоянии, чтоб в нем не было слышно даже собачьего визга, и — слезть с лошадей. Ловчий в ожидании господина повторяет приказание, кому и где стать, подзадоривает самолюбие молодцов и предостерегает зевак от ротозейства.

Подъехав к охотникам, господин после обычного наставления, как держать себя под островом, приказывает: "Садись! Занимай места!" Охотники садятся на лошадей, и два борзятника сейчас же отделяются от артели — один направо, другой — налево, и идут шагистее прочих, поспешая в заезд. Это делается для того, что от малейшей неосторожности охотников, шума или от визга собаки можно стронуть гнездо, которое удалится из острова прежде, чем борзятники займут места. По этой причине, если острова, в которых держится красный зверь, в близком между собой расстоянии, т.е. не далее 200—300 саженей, то заездные становятся не только за первый остров, но даже за второй и третий.

Лисица — чуткий и осторожный зверь: лишь только заметит особенное, необыкновенное движение или услышит какой-нибудь шум, отправится ползком на опушку для осмотра, и если рекогносцировка ее скажет что-либо для нее подозрительное, сейчас же отбудет в другие острова или овражистые места.

Когда все борзятники заняли лазы, а доезжачий с выжлятниками стали против места напуска, господин подает сигнал в рог (или сам, или через стремянного), который означает "мечи собак!" Сигнал этот подхватывает ловчий и передает его в башур. Выжлятники немедленно размыкают гончих, а доезжачий, если ему известно самое место, где держатся волки постоянно, должен гончих насадить прямо на гнездо, не ожидая сигнала. Накрыть его, чтоб разгромить, разбить во все стороны, врозь; в противном случае весь выводок может выйти на один лаз, а один борзятник, как там не труби на драку, с целым выводкам не справится, и он у него уйдет перед носом.

Каждый охотник, когда перевидит красного зверя, подает в рог сигнал: на волка два перелома (октавы), на лисицу — один.

Если на борзятника, у которого в своре молодые или не совсем приемистые собаки, вытечет старый волк, которого он надеется задержать, не давая ему хода, тогда он подает голос на драку, вызывая тем на помощь. Но если волк уже ушел, то нечего производить булгу: лови сам за полено.

Когда борзятники стоят под островом на месте, то не только никто из охотников, но и сам господин не должен проезжать ПЕРЕД охотником, а объезжать СЗАДИ его. Это правило установлено для того, чтоб не оттопать зверя от проезжаемого лаза; кто же его не соблюдает, тот погрешает против охотничьей вежливости. Я сказал выше, что лисица

чуткий и осторожный зверь: если она услышит на которой-нибудь опушке лошадиный топот, то в ту сторону не скоро полезет, поэтому не дозволяется ни доезжачему, ни выжлятникам, под предлогом поправки гончих, ездить рысью или скакать по опушкам: скачи по острову, как знает каждый, но не по опушке; в противном случае, это — плутни.

В езде помещика с его прислугой вся обязанность охотников заключается лишь в угождении своему господину. Здесь нет равенства, а следовательно, товарищества: тут сила и власть, поэтому не может быть положительных, постоянных правил, а господствует произвол. Прислуга знает пословицу: "Нанялся — продался", чешет за ухом, а все-таки исполняет то, что приказано, хотя не то, что следовало.

Теперь взглянем, какой порядок существовал в съезжих охотах, на каких правилах он основывается и чем поддерживается.

Так как прежняя съезжая охота то же самое, что нынешняя СБОРНАЯ или ТОВАРИЩЕСКАЯ, где все равны и одинаково подчинены общепринятым правилам, то мы рассмотрим эти правила, которые утверждены еще нашими предками, и если кто этих правил не держится и их не знает — тот не охотник.

СБОРНАЯ охота состоит обыкновенно из трех или четырех товарищей; большее же число членов составляет ОБЩЕСТВО ОХОТНИКОВ, которое может существовать только с разрешения правительства.

Положим, что трое соседей согласились иметь на своем иждивении общую стаю гончих, тогда они обязаны содержать доезжачего, двух выжлятников, 9 лошадей (иметь верховых и трех упряжных) со всей сбруей и иметь фуру; должны назначить, из скольких смычков постоянно будет состоять стая. Когда и сколько щенков выкармливать для комплектования или даже для перемены стаи. Борзых же каждый держит у себя сколько ему угодно, но борзятников при съезде каждому можно иметь не более двух, т.е. стременного и своего ловчего, впрочем, это зависит от соглашения.

Перед началом езды товарищи совещаются, с каких мест начать охоту; составляют очередной список островам, назначают дни охоты и дневок. Распорядителем составленного плана и главным своим ловчим избирают того, у кого живут постоянно доезжачий с выжлятниками и содержится стая гончих.

Так как цель охоты общее удовольствие, то все члены ее должны об этом заботиться и не наносить друг другу неприятностей, поэтому охотничий устав заключает в себе следующие главные правила:

1) во всем должно быть беспристрастие и рыцарская справедливость;
2) отнюдь не обманывать друг друга во время полевой езды, даже шутя;
3) если возникнет охотничий спор в поле — не оскорблять самолюбия товарища, не унижать достоинства любимых его собак, особливо если он СТРАСТНЫЙ охотник: всякая страсть в возбужденном состоянии не подчиняется рассудку;
4) все известные лазы знакомых островов должны иметь названия или свои N-ра; с вечера, накануне езды, названия этих лазов или их N-ра должны быть написаны на билетах и скатаны; лучшие жребии отделяются особенно, по числу товарищей, и их вынимают господа, а прочие жребии разбирают борзятники;
5) каждому господину предоставляется право оставлять стременного при себе или занимать ему особый лаз; но прочие борзятники должны становиться на

доставшихся по жребию местах, чтоб знать все лазы, не допуская зверя до напрасного ухода — без травли;

6) во время равнянья, кто из охотников подозрит зайца или лисицу, должен остановиться, поднять арапник и отукать — на зайца: "О-о-о-ту-его — лежит!" — На лисицу: "О-о-о-ту — лежит лисица!" Кто желает, может подъехать и травить; но, во всяком случае, чьи бы собаки ни поймали — зверь принадлежит тому, кто его подозрел. Во многих охотах подозревший лисицу не отукает, но снимает фуражку, надевает ее на арапник и поднимает руку.

ПРИМЕЧАНИЕ. Большая часть господ охотников смешивает РАВНЯШКУ с НАЕЗДКОЙ. Равняются фронтом от одного острова к другому, борзятник от борзятника на расстоянии от 20-ти до 50-ти саженей и более: где нет красного зверя — прямой линией; а где держится красный зверь, то — дугой, с загнутыми вперед флангами, чтоб побудившийся красный зверь не смел уйти, а заскакавшими заездными (фланговыми) был поставлен в круг охотников. Доезжачий идет с гончими (которые все на смычках) за срединой фронта, саженях в 50-ти; по бокам стаи идут выжлятники, зорко наблюдая за гончими, не дозволяя им останавливаться и смрадничать.

НАЕЗДКА же производится без стаи гончих или просто на хлопки, или с двумя-тремя ищейками, старыми, пешими выжлецами или легавыми. Борзятники, хотя равняются не выдаваясь далеко вперед и не отставая позади, но ездят направо, налево, добывая зверя, не пропуская ни одного подозрительного, крепкого места: плотных кустарников, межников, поросших густо пыреем, частых кочек с сухой метликой или ковылем, поднятой плугом нови, крупной озимой распашки и т.п.;

7) если кто при равнянии начнет травить красного зверя, то должен, вначале, снять фуражку для предупреждения всех охотников. При травле, чего бы то ни было, можно подбросить к травившему свою свору, но только в угон или скосика; спускать же навстречу строго воспрещается, потому что собаки могут сшибиться, друг друга искалечить и даже убить насмерть. Дозволяется только завстречать своей сворой, если она надежна, травимого другим старого волка.

ПРИМЕЧАНИЕ. Некоторые господа охотники, будучи со страшным охотничьим самолюбием, но не надеясь на своих собак, перед ездой предлагают следующее условие: чтоб, как при равнянии, так и при островной езде, отнюдь не подбрасывать своих собак к травящему: "Пусть зверь уйдет, но — не подбрасывать". Это вполне зависит от общего согласия — принять это условие или нет.

8) Во время общей травли лисиц или зайца, если которая собака и поймает зверя, но его спустит и он побежит свежо — своими ногами, то зверь будет принадлежать тому, чья собака поймает окончательно и зверя не спустит. Когда зверь пойман, то подскакавший борзятник не должен отбивать собак, пока не возьмет зверя в руки, потому что есть собаки сиротливые, которые при хлопаньи арапником бросят зверя и он может или ПОНОРИТЬСЯ или слезть в остров, одним словом, уйти. Итак, для избежания спора, если у сиротливой собаки отобьют зверя, не взяв его в руки, и он побежит, то чья бы собака его ни поймала, зверь принадлежит той, которая поймала первая, т.е. которая, по неосторожности и неловкости борзятника, выпустила зверя из зубов.

9) При травле волка та собака, которая первая его остановила, т.е. не дозволила ему бежать во все ноги, несколько раз его задержала (хотя и не брала в глотку) и тем дала возможность приспеть настоящим волкодавам; если б эта первая собака была сучонка в пол-аршина, то все-таки волк (из-под каких бы собак он принят ни был) должен принадлежать хозяину этой сучонки.

10) Когда борзятники стоят на местах под островом, то никто не должен проезжать впереди охотника, а объезжать его сзади. Так точно, если охотник протравит зверя обратно в остров и собаки его унесутся туда же, он не должен ездить по опушке и кричать; во-первых, потому, что он отпугает зверя от ближайших товарищей, а во-вторых, если собаки его высворены, как следует, они сами вырыщут на занимаемый им лаз. Если же они молоды, по первой осени, то чтоб не носились под гончими и не мешали им в гоньбе, борзятник обязан стать за первый куст острова, против своего места, и свистом вызывать собак; когда же они к нему прирыщут, то живо принять их на свору и стать на свое место.

11) Если гончие, выставившие зверя, вынесут из острова в поле, то борзятник, который травил или травит этого зверя, обязан остановить их немедленно, хлопая арапником и подкрикивая: "Стой! Стой! Стой, гончие! Стой! Дошел! Дошел, Дошел! О-го-го-го! В остров! В остров! Вались в остров!" В противном случае, если гончие параты и псари от них отстали, а борзятник займется своей травлей, то они могут прорваться в другой остров, тогда сбить их будет тяжело: работы достанет на час и более не только доезжачему с выжлятниками, но и борзятникам. Лошади и собаки будут измучены по-пустому, а охотники, вместо удовольствия получат одну неприятность.

12) Выше сказано, что распорядитель охоты для напуска стаи подает голос и для того, чтоб имать (вызывать) гончих. Тогда доезжачий сейчас же принимает в рог это приказание, выезжает из острова с противоположной стороны напуска, становится от опушки саженях в двадцати, слезает с лошади и вызывает гончих. Выжлятники начинают сбивать стаю с гоньбы, хлопая в арапники и подкрикивая: "Слушай рог! К нему! Слушай! Вались к нему! К рогу!" Точно так же и борзятники, занимавшие места с напуска, объезжают остров справа и слева по опушке, хлопают в арапники, повторяя тот же крик. Доезжачий, по временам останавливаясь звать в рог, вызывает голосом: "Сюда, сюда, сюда миленькие!" Называя каждую вытекшую гончую по кличке: "Сюда, сюда Комшило! Сюда, Соловка, Заливка! Ого-го-го!" И каждой вытекшей собаке дает прикормку.

Здесь изложены мной только главные правила полевой езды, установленные для соблюдения общего порядка; но благовоспитанность, деликатность и взаимная снисходительность товарищей дополняют их другими, не допускающими ни до каких недоразумений и споров. Кроме того, можно прибавить много новых правил, утвержденных общим согласием всех товарищей; но ЛИЧНЫЙ произвол в съезжей охоте допущен быть не может. Поверят ли те из господ охотников, которые принадлежат к благовоспитанному обществу и которых вообще принято называть ПОРЯДОЧНЫМИ (comme il faut), что по пословице "В семье не без урода" есть между псовыми охотниками полевые шулеры, надувалы и обманщики? Какая-то необъяснимая их жадность, не к живому зверю для травли, а к шкуре, так велика, что они забывают о своем положении в обществе и готовы на все непозволительные проделки, лишь бы отбить у товарища зверя и завладеть шкурой. Ну точь-в-точь как лошадиные барышники, у которых нет ни приязни, ни дружбы, ни родства при продаже лошади: все их желание и вся цель — надуть. И эти народы не только не краснеют, но еще хвастаются своим цыганским

ерничеством. Так точно и шкурятники, если б еще они были бедняки, которых весь доход заключался бы в торговле пушным товаром; но — ничуть не бывало! На эти проделки пускаются не только люди достаточные, но — очень богатые.

В моей молодости, когда я не имел еще своей стаи гончих, я был так несчастлив, что попадал на таких господ. Один из них, г. К-в, еще был уездным предводителем и владельцем более ста тысяч десятин земли. Другие были тоже с большим состоянием. Они приглашали знакомых ездить с ними в отъезде с их стаей гончих, а между тем приказывали своим псарям и борзятникам употреблять все непозволительные средства, чтоб не выставлять на гостей красного зверя и мешать им в травле. Все это впоследствии открывалось и, конечно, как я, так и прочие жертвы пошлого обмана избегали с этим людом всяких сношений. Можно б еще было допустить такие штуки с хвастливым юношей-фатом, который хвалился бы мастерством своей езды и своими собаками до лжи и задирал нос выше своей головы: подобные проделки могли бы ему служить уроком и его образумить; но мы были вежливы, внимательны, и деликатность наша доходила до девической скромности. Впрочем, я говорю о том, что было лет 40 или 45 назад. Нынче, может быть, о таких фокусах и не слышно.

Я уверен, что вы, уважаемый читатель, счастливее в выборе ваших полевых товарищей, чем был я в молодости, и каждогодно будете отправляться в отъезд с полной уверенностью в предстоящих удовольствиях.

Для неопытных я предлагаю следующие правила.

Недели за две до отъезда избирается надежный и опытный человек, который, получив должное наставление, отправляется квартирьером в места отъезжих полей. Прежде всего он испрашивает дозволения у землевладельцев, получив которое, заготовляет по данному маршруту квартиры с задатками, продовольствие для людей, лошадей и собак по существующим ценам. Без этой предосторожности вы попадетесь впросак и дорого поплатитесь за ваше доверие к честности и добросовестности хозяев.

Однажды я остановился в селе за Сурском без предварительного торга моего передового, который удовольствовался неопределенными словами хозяина: "Лишнего не возьмем — что пожалуют". Со мной было пять человек, шесть лошадей и восемь собак, и на весь этот состав с собой привезенное собственное продовольствие. С меня взяли за один только ночлег, как обыкновенно выражаются на постоялых дворах — "ЗА БЕСПОКОЙСТВО" — пять золотых, т.е. 25 рублей. После, каждую осень, на этой же квартире, но с заранее посылаемым квартирьером, платил я (с хозяйской соломой) 1 р.с. в сутки.

У всех псовых охотников в каждом селе, к которому принадлежат места их отъездов, есть приятель крестьянин-охотник, который наблюдает за лисьими выводками, т.е. знает все острова, в которых выводится красный зверь; все лисьи норы и отнорки известны ему, как свои чуланы. Он обязывается каждую неделю делать поверку всем выводкам, но, разумеется, с такой осторожностью, чтоб ни одна лисица не могла заметить его наблюдений; в противном случае самка сейчас же переведет гнездо в другое место. За эти труды объездчик получает от гг. охотников щедрое награждение.

Остановясь у такого приятеля, вы узнаете от него, в каких именно островах держится красный зверь (я не говорю об островах, осмотренных и проверенных вабельщиком). На основании этих донесений, вы назначаете порядок, как брать острова, т.е. с каких начать и какими кончить.

Выехав в поле, когда заездные и прочие борзятники займут свои места, крестьянин-объездчик с доезжачим, выжлятниками и стаей гончих подходят к острову, останавливаются у опушки, и объездчик, рассказав и объяснив, где выводок, идет один в остров, затыкает соломой или травой с хворостом все лисьи норы и отнорки; потом или подает условный знак, или возвращается к доезжачему, который, приказав разомкнуть гончих, уже сам делает напуск, не ожидая сигнала от ловчего. Здесь идет речь о лисьем выводке, а не о волчьем; там доезжачий насаживает стаю прямо на гнездо.

Где становиться, в каком расстоянии от острова, как узнавать лазы, когда сбрасывать борзых со своры, одним словом, как ездить на красного зверя, вы получите эти сведения во всей подробности, с полной ясностью, как будто с практичной наглядностью из неоднократно упоминаемой мной книги «ЗАПИСКИ МЕЛКОТРАВЧАТОГО», соч. г. Дриянского. Я же повторю и прибавлю только следующее.

Волк бежит куда ни попало, большей частью в противную сторону от напуска. Старого травят в лоб (встречного), потому что ныне нет еще собак, которые догоняли бы в угон старого голодного волка, а этого пострела, кроме доскачки, нужно еще растянуть. Принимают (закалывают) его из-под собак ножом в бок, под переднюю лопатку, но не в горло, грудь или под хвост "ПО-СПОРТСМЕНСКИ". Из-под надежных волкодавов, которые берут не в отхват, но мертво: в глотку и в ухо — можно волка сострунить, т.е. взять живьем, затянув из сыромятного ремешка глухой петлей морду, обхватив горло, захлестнув на затылке. Молодой волк глуп и труслив; при доскачке собак не бежит, а идет, как извиханный, поджав полено и припадая к земле.

Лисица, допекаемая гончими, пронесется кругом острова по опушке, но только не с наружной, а с внутренней стороны, обозрит всех борзятников и потом полезет вымоиной, канавкой или под межником непременно на горячего, неопытного охотника, которого сейчас узнает по его порывистым движениям и суетливости, и уж непременно надует. Лаз ее всегда скрытным местом по направлению к ближайшему острову или к норам, или к оврагам, чтоб обмануть охотников и разметать собак.

Г. Дриянский описал съезд двух больших охот, которыми можно брать и обнимать огромные отъемы. Но и с небольшой, надежной стаей, состоящей из 10 или 12 смычков гончих и с 5 или 6 сворами молодецких борзых при ловких и сметливых охотниках можно брать большие острова; тогда борзятники становятся далее от острова — на сотни саженей и даже на версту, чтоб успеть заскакать и перенять зверя. Не должно только любоваться формой и ходом облаков и ловить ртом перелетных птиц.

Кроме осенней езды по черностепу, охотники ездят по пороше. Езда эта бывает двоякая: с гончими если они ГОНЯЮТ ПО БЕЛОЙ ТРОПЕ (т.е. по снегу), и в наездку — по следу зверя. С гончими можно ездить на волков, лисиц и зайцев, а по следу волков не съезжают, потому что волк исходит в одну ночь верст 20—30 и более и всегда уведет или в лес или в непроездные овраги. Волчий след так и называется СЛЕД, лисий — НАРЫСК, заячий — МАЛИК.

В начале поговорим о езде по белой тропе с гончими. Пороша для этого считается лучшей, когда снег перестал идти; перед светом, тогда при раннем выезде в поле видны след и нарыск самые свежие, только что перед вами прошедшего зверя, а вечерние все занесены. Нужно знать, что красный зверь ходит и днем; а заяц, самый поздний ложится на заре. Чуть свет выезжают объездчики, состоящие из доезжачего, выжлятников и несколько человек опытных охотников без собак. Они разделяются попарно и отправляются для объезда прямо к тем островкам, в которых большей частью

задерживается красный зверь. Каждая пара берет остров: один охотник объезжает опушкой с правой стороны, другой — с левой, в совершенной тишине и каждый считает с полным вниманием следы и нарыски: сколько входов и сколько выходов. Если входов более, чем выходов, значит, и зверь тут.

Сделавши проверку, объездчики сейчас же возвращаются домой и доносят кому следует о результате своего осмотра. Лошади должны уже быть осёдланы и охота во всей готовности. Все охотники немедленно садятся на коней и выезжают в поле. Лазы около острова занимаются с такой тишиной и осторожностью, как в военное время при ночных вылазках, чтоб не взбудить красного зверя до заездных, потом делать напуск тем же порядком, как и осенью.

Если же в островах красного зверя нет, то борзятники разделяются на партии по три человека в каждом и разъезжаются в разные поля, чтоб друг другу не мешать. Тогда уж съезжают лисиц по нарыску следующим образом: один едет самим нарыском, другой — от съезжающего впереди и вправо на 150 или на 200 саженей, а третий — в симметрию к нему налево, чтоб составился между охотниками равносторонний треугольник.

Заездные должны соображать свое направление со съезжающим: если он будет поворачивать направо — правый заездной осаживает лошадь и ожидает, а левый поворачивает круто или в пол-оборота направо, пуская лошадь шагистее. Так точно поступает левый заездной, осаживая лошадь, если съезжающий по нарыску повернет налево, а первый заездной торопится заезжать налево. Если же который-нибудь из заездных наедет на нарыск, то он останавливается и поднимает арапник, и лишь только заметит, что съезжающий поворачивает на него (стало быть, это тот самый нарыск, по которому съезжают, а не другой), то если это правый заездной, он поворачивает сейчас же направо и берет свою дистанцию, а если левый, то — налево, одним словом, чтоб между охотниками был постоянно равносторонний треугольник.

Когда же съезжающий поедет на ЗВЕЗДУ, т.е. на сцепление двоек (двойных следов — вперед и обратно), сходящихся к одному месту, — это означает, что лисица лежит недалеко (именно в сцеплении этих двоек), тогда он снимает шапку. По этому сигналу оба заездные живо съезжаются между собой по передней линии треугольника, т.е. поперек линий направления съезжающего, и если выхода на рыск нет, разъезжаются поспешно между собой саженей на 100 и равняются уже обратно на съезжающего, зорко смотря во все стороны, не пропуская ни одной ямки или водомоинки, потому что лисица непременно побежит в их кругу. Если лисица во время съезда взбудится из-под которого-нибудь охотника, то он снимет шапку и травит.

Теперь обратимся к зайцам.

В Европейской России их три вида:

1) русак,
2) беляк и
3) тумак.

Летом различать их издали, особливо не охотнику, довольно трудно. Все они бурые, но русак — темно-бурый с серью, т.е. темно-чалый с рыжеватой грудью и боками, с черным пятном на верхней части цветка (хвоста) и уши у него длиннее. Беляк весь рыжевато-бурый.

По наружным оттенкам, после перелиняния, т.е. в глубокую осень и зимой, русаки разделяются на пять пород:

а) ОБЫКНОВЕННЫХ,
б) СТЕПНЫХ или КОВЫЛЬНИКОВ,
в) КАМЕННИКОВ, или ОВРАЖНИКОВ,
г) ЛЕСНЫХ и
д) БОЛОТНЫХ.

1) Русак

а) ОБЫКНОВЕННЫЙ РУСАК имеет широкий чубарый ремень по спине, т.е. соединение волосков разных цветов, а именно: серого, желтого, красноватого и рыжего. Ремень этот густой, волнистый; грудь и пахи светло-желтые; едва заметная серина по заду; брюхо бледно-желоватое, но самая его средина белая. Весом бывает от двенадцати до восемнадцати фунтов.

б) СТЕПНОЙ, или КОВЫЛЬНИК сизо-серого цвета, с небольшими подпалинами на груди, ногах и ушах. Главные его признаки: гладкая спина — без вихров, необыкновенная длина ушей, которые лежат до половины спины; малый рост; вес — семь или десять фунтов и — никогда более, но зато ковыльник резвее всех прочих видов почти вдвое. Держится преимущественно в ковыльных степях, лугах, где более богородской травы, мятлики и пырея, а также в просяницах и в пластах поднятой нови.

в) КАМЕННИК, или ОВРАЖНИК. Спина изжелта чалого цвета с золотисто-розовым отливом на груди и пахах: необыкновенно красив. На бегу кажется сходным цветом с лисицей. Русаки этого вида держатся преимущественно, где глинистая и каменистая почва, в хлебных полях, степях, по каменистым оврагам и по обрывистым горам.

г) ЛЕСНОЙ — серебристого цвета, с небольшой, едва заметной чалиной на спине и с бледно-розовою половиною на груди. Издали кажется совершенно белым, как зимний беляк. Русак этот огромный, доходящий весом до двадцати фунтов. Водится между лесов и перелесков на полянах, в хлебных полях, по опушкам и в островах.

д) БОЛОТНЫЙ — изсиня-черноватый, как-будто напудрен толченым углем. Постоянно держится в потных, кочковатых лугах, около болот и вообще в кочковатых поймах. Этого вида зайцы, не только русаки, но и беляки, изредка попадаются совершенно черные.

ПРИМЕЧАНИЕ. Все виды русаков, выключая ковыльника, имеют спину волнистую, в вихрах.

2) БЕЛЯК зимою весь бел, как снег, только имеет черные окрайки наверху ушей. Попадаются чрезвычайно редко, как сказано выше, совершенно черные, живущие около болот.

3) ТУМАК происходит от смешения русака с беляком, но в описании наружности и отличительных признаков тумака все охотники разногласят. Одни говорят, что он совершенный русак, но не имеет черного пятна на поверхности цветка; другие, что он

совершенный беляк, только с темным ремнем по спине и с черным пятном на цветке. По моему мнению, С.Т. Аксаков вернее всех описал наружность тумака. "Тумак сохраняет все отличия русака от беляка, только в слабом виде: желтизна на груди и брюхе едва заметна, ремень на спине узок, без завитков и цвет его не ярок, не пестр, а сизовато-сер".

Травля зайцев: островная — с гончими или кричанами, в наездку — по черностопу и по пороше известна всем охотникам и не охотникам; но и тут столичные "СПОРТСМЕНЫ" проповедуют свои превратные правила курам на смех: они пишут, что при езде с гончими борзятники становятся в самой опушке — задом или передом К ОСТРОВУ (!) (См. "Псовая охота" соч. г. Реутта, изд. 1846 г. ч. II, с. 73, и "Журнал коннозаводства и охоты", 1869 г. № 1, с. 17. — *Прим. автора*). Кто становится в опушке, того охотники называют в укор ОПУШНИКОМ, и о нем говорят, что он ОПУШНИЧАЕТ, ШКУРЯТНИЧАЕТ. Кроме того, чтоб обнять взглядом какой-нибудь большой предмет, я думаю, не утыкаются в него носом и смотрят не затылком, а глазами. Так и здесь: чтоб обозревать всю опушку острова, должно становиться на дальнее расстояние. Дельные охотники всегда становятся в поле, или к другому острову на известном расстоянии, которое определяется, смотря по местности, практикой, опытом и степенью резвости собак. Лучшей порошей при езде на русаков считается, когда с вечера пойдет тихий, сырой снег хлопками, перестанет к полуночи или к двум часам. Но, во всяком случае, чтоб снег не был глубок. Если выпадет на вершок, пороша называется МЕЛКОЙ, на два — ХОРОШЕЙ, на четверть — ГЛУБОКОЙ, а если глубже, то пороша называется МЕРТВОЙ. В такое время истинный охотник на русака не поедет, а ездят только шкурятники, чуваши и мордва с выборзками и дворняжками, потому что зайцу бежать нельзя: тут не травля, а давка.

Съезд русака по малику бывает тоже втроем, но только фланговые равняются съезжающим саженей на 60, отдаляясь вперед от линии равнения не более как саженей на десять или на пятнадцать.

За охотником более двух собак быть не должно. Если русак побежит налево, то правый фланговый собак не сбрасывает, так точно, если побежит направо, то левый фланговый не спускает собак со своры, а травить всеми — эта езда была бы та же давка. Ездивши в порошу по степям и открытым полям, мы, степные охотники, более одной собаки в свору не берем.

Умению съезжать русака научит неопытного охотника каждый чуваш или мордвин, а потому я скажу об этом только несколько слов, но все-таки более, чем пишут об этом "спортсмены".

Если малик идет небольшими прыжками, то значит, что заяц недалеко отошел от старого логова и отправился на жиры, т.е. кормиться, и, следственно, проводит вас долго и далеко. По жирам ездить не следует, а нужно их объехать кругом, и как только наедете на выход с жиров на машках аршина в три, поезжайте этим маликом, если же выхода нет, то заяц лежит в жирах. Если русак идет трехаршинными машками, то это значит, что он идет уже с жиров к логову. Если прыжки его более четырех аршин, то заяц ГОННЫЙ, т.е., что его кто-нибудь уже согнал с логова.

Когда малик двойной, т.е. зад с передом (От вас и по тому же следу к вам — *Прим. автора*), то говорится: заяц СДВОИЛ, и этот двойной малик называется ДВОЙКА, тройной — ТРОЙКА. Если русак сделает двойку со своего направления в сторону — это называется ПЕТЛЯ. При таких маликах будьте осторожны и внимательны, потому что русак на двойке или тройке ставит все четыре лапы вместе и делает прыжок в сторону сажени на две или более, что выражается глаголами СКИНУЛ, СМЕТНУЛ или

существительными СКИДКА, СМЕТКА. Если после такой скидки русак иногда поведет опять мелкими прыжками, то он пройдет еще не малое расстояние, но если он сделает несколько скидок, одну за другой в разные стороны, логово его тут.

В теплую порошу русак ходит очень мало и подпускает близко, в мертвую — или совсем не встает, или поползает только около своего старого логова. В морозное же время русак исходит верст пять и более, и в это время он бывает чрезвычайно чуток и БУДОК — вскидывает далеко.

Искусству мастерски, скоро съезжать может научить одна лишь постоянная практика.

В заключение этой главы добавлю следующее: главная ошибка большей части нынешних псовых охотников заключается в том, что они не разнообразят свою травлю, особенно в тех местностях, где красный зверь водится в изобилии. Господа охотники, владельцы такого охотничьего раздолья, до того увлекаются травлей лисиц и волков, что не обращают уж никакого внимания на зайцев — этих главных испытателей собачьей резвости, через что обезжадничивают своих собак, доводя их до лености, охотки и, наконец, до совершенной тупости. Если б еще эти господа травили в угон старых волков, резвость и сила которых отбила у всех охотников-волкоманов даже всякое поползновение на эту попытку, тогда б другое дело. Но они душат лисиц, давят молодых волков, а старых или пропускают, или травят лишь в лоб (встречных), похваляясь и тщеславясь уже не резвостью собак, а их смелостью, ловкостью и злобой — качеством бульдогов. Я умолчу о многих горьких примерах, подтверждающих вполне все мною сказанное, "чтоб гусей не раздразнить".

Вместо того чтоб унывать от совершенно потерянной надежды на успех, не лучше ли б было, подумавши, пристально, настойчиво заняться выводом такой породы собак, которая удовлетворяла бы вполне все охотничьи требования. "Попытка не пытка", — говорит пословица, а что это дело неневозможное (Как утверждают в противном все рутинисты, доказательством тому может служить ЗВЕРЬ — борзой волкодав, принадлежавший бригадиру-князю Гавриилу Феодоровичу Борятинскому — 1785 года — *Прим. автора*). Могу сказать, что и я в течение моего сорокалетнего охотничьего поприща знал трех кобелей (Грубияна, Ахида и Космача), которые догоняли в угон и клали старого голодного волка. Выводят же англичане животных одного вида: костистых и мясистых, огромных и крошечных, жирных и сухих, легких и тяжелых; не на Луне же они живут, а на той же Земле. Вся суть в нежелании богатых охотников заняться этим предметом от лености и сибаритства; а у ретивого и знающего это дело страстного охотника — в недостатке средств.

В Саратовской губернии вы не услышите ни одного рассказа от охотников о резвости собаки и о травле русака, а все без исключения толкуют лишь о злобе собак и травле волков. Там собака, как бы она красива и резва ни была, если не берет красного зверя (может быть, оттого, что не видела его в свои две первые осени), пренебрегается и даже сбывается! Не смею утверждать, но я тоже слышал и о некоторых пензенских и тамбовских охотниках. Зато в Саратовской губернии вы не встретите ни одной кровной и красивой местной (т.е. там родившейся) псовой собаки. Если вы увидите у саратовского охотника чистую, статную собаку, род или вид которой можно определить, будьте уверены, что она привезена из другой какой-нибудь губернии. Но грубых лоботрясов, богатырских собак — мешанок найдете много.

В тридцатых годах в Кузнецком уезде Саратовской губернии были необыкновенные псовые собаки по своей красоте, ладу и резвости у князя М.Н. Чегодаева. Порода эта была ведена со знанием дела от собак Перхуровских, Трегубовских и Карауловских.

Каких собак можно вывести! Лишь бы составились охотничьи общества, члены которых были бы истинные, страстные охотники, занимались бы не гастрономией, но изучением естественных наук, внимательным чтением новейших натуралистов, беспрерывными опытами и постоянными между собой сношениями.

ГЛАВА IV.

О болезнях собак и о средствах к их излечению. Общие признаки. О слабительных. Рвотные. О кровопускании. О клистирах или промывательных. О ваннах. О заволоках. О перевязке ран. О мазях. О чуме. О лихорадке. О разбитии или слабости ног. О желтухе. О распетлице. О скорбуте или цинге. О глистах. О ранах. О ранах от укола. О нарывах. Жаба, свинка или заушница. О молочном загрубении. О пупочной грыже. Об ушибах. Обжог. О лишаях. О мозолях. Бородавки. Надсада пли надорвание. Ссаднение мякишей. О мокрецах. О вшах. О воспалении глаз. О бельмах. Ушная водянка. Внутренний ушной рак и наружный ушной рак. О переломах. Английская болезнь (Rachitis).

Господа медики говорят согласно, что все болезни излечиваются в начале: «лишь бы узнать и определить болезнь». А всегда ли они могут ее определить? Или — часто ли это случается? Тогда как человек может объяснить все, что предшествовало его болезни, ее начало, ход, и проч.

Наружные болезни распознавать легко; потому что они сопровождаются своими отличительными признаками; но как вы определите внутренние у животного, лишенного дара слова? Тут никакая анамнестика не поможет. Может быть, в столицах есть искусные ветеринары, а в провинциях их нет.

Все мы, псовые охотники, лечим собак или универсальным лекарством от всех болезней, или симпатическим или, наконец, секретным прадедовским. И сколько через это погибло дивных пород собак!

Я не медик и не ветеринар; но, любя животных, читал кое-что о медицине и перебрал множество лечебников на русском и французском языках. Лучшими руководствами, в настоящее время, при врачевании собак, мы признаем в сочинениях: английского ветеринара Франца Клатера и г. Реутта. Первый написал: «Описание болезней собак и средства к их излечению» (перевод с 25-го английского издания); а г. Реутт свои «Врачебные пособия» поместил в книге «Псовая охота», изданной им в 1846 году. Правила езды псовой охоты и предполагаемая охотничья терминология, в этой книге употребленная, нечто иное, как фантазия г. Реутта. Впрочем, может быть, эта езда и этот язык приняты на Кавказе и в Польше, так как г. Реутт ездил более в тех местах; но эти правила и эта терминология, до выхода в свет книги «Псовая охота», не были известны русским настоящим псовым охотникам. Их приняли к руководству только петербургские «спортсмены» и приватные охотники, не имеющие понятия о старинных комплектных псовых охотах. Но «Врачебные пособия» написаны дельно и добросовестно: это общие отзывы всех господ охотников.

Я здесь не пишу ни слова о многих внутренних болезнях, которые требуют призыва искусного ветеринара, как, например: о воспалениях легких, желудка, горла, мозга, кишок; потому что сам употреблял только те средства, которые показаны в вышесказанных руководствах. Предлагаю же я одни лишь испытанные мною средства лечения тех болезней, которые встречаются чаще и которые можно пользовать самому. Средства эти собраны мною в памятную книжку частью из разных книг, журналов, газет и из переданного мне старыми полевыми товарищами, частью же переведены из французского лечебника. Но повторяю, что все они испытаны, и в моей памятной книжке под всеми подпись — probatum est.

Для избежания повторений, мы представим некоторые предварительные понятия:

1) **Общие признаки.** Когда заметят, что собака не весела, забивается в угол, избегает дневного света; псовина ее теряет свою шелковистость, делается песиковатою — это признак, что собака больна; но еще неизвестно, какого рода болезнь, которою она страдает. Должно осмотреть ее со вниманием и стараться найти признаки, которые определили бы ее болезнь; тогда уже поступать так, как мы предложим ниже, при описании болезней. Если же болезнь не определена, то лучше не начинать лечения, чтоб, бросаясь из предположений в догадки, не рисковать назначением такого средства, которое только увеличило бы боль.

2) **О слабительных.** Если нужно дать слабительное собаке из предосторожности или по причине ее легкого нездоровья, то манна (Mannae Calabrina), распущенная в молоке на легком огне, от пол-унции двухмесячным щенкам и до двух унций с половиною самым большим собакам — слабительное самое легкое и достаточное в вышесказанных случаях. Также хорошо клещевинное масло (Oleum ricini) — от десертной ложки щенкам и до двух столовых ложек большим собакам.

   Примечание. Когда жидкое лекарство дается рослым собакам, как, наприм., борзым и гончим, то при этом нужно быть двум человекам: один становит собаку между своих ног и открывает ей обеими руками пасть, а другой в это время вливает в глотку лекарство, и лишь только оно будет влито, то первый сейчас же закрывает собаке рот, держит в левой руке щипец закрытым, а правою гладит по горлу, покуда лекарство будет проглочено.

   Если нужно назначить слабительное сильнее, которое бывает большею частью в порошке, то составляются пилюли на сиропе. Например: взять пятнадцать до двадцати пяти гран порошка яланны (смотря по силе животного) и тридцать шесть гран ревеня, составить на сиропе одну пилюлю для большой собаки. Или взять порошка корня яланны один скрупул, порошка сабура одну драхму и порошка корня имбирного (Rad. Zingiberis puiv.) десять гран; — сиропа, сколько нужно, чтобы сделать одну пилюлю.

3) **Рвотные.** Обыкновенное рвотное для собак состоит из двух гранов рвотного порошка, разведенного в теплой воде с молоком; потом продолжают давать этого смешанного с водой молока (без рвотного порошка) по рюмке через каждые пять минут, до начала действия. Другое рвотное: из десяти гран ипекакуаны, составив на сиропе пять пилюль, каждую в два грана, давать по одной пилюле чрез каждые полчаса.

4) **О кровопускании.** Кровь бросают собакам из тех самых вен, как у лошадей, т.е. большею частью из шейной и ножной жил. Операция эта производится следующим образом: собаку ставят между своими (как при даче лекарства). Чтоб шейная вена выказалась явственно, то шею перевязывают тесьмою ближе к плечам; потирают и надавливают слегка жилу большим пальцем; а когда она напряжется, пускают кровь ланцетом, разумеется, делая разрез вдоль, а не поперек. Количество выпускаемой крови будет определяемо при описании тех болезней, в которых операция эта необходима. Кровопускание из ноги

называется порточным, потому что оно производится из жилы, лежащей на внутренней стороне ляшки, против голенной кости, на том месте, которое называется портки у лошади. При кровопусканиях лучше всего обращаться к ветеринарам или фельдшерам. Но, во всяком случае, мы считаем обязанностью сказать, что эта операция не всегда достигает до желаемых результатов: выходящая из вены кровь мало уменьшает местное воспаление и, кроме того, требует искусной перевязки, за которою следует наблюдать, что собака ее не сорвала и чрез то не произошел бы несчастный случай. Самое лучшее — это приставлять пиявки и как можно ближе к воспаленному месту. Но прежде необходимо это место выбрить если оно покрыто псовиной.

5) **О клистирах или промывательных.** Промывательные, которые предписываются собакам, вообще, прохладительные; их составлять: из сыворотки, из воды забеленной отрубями, из отвара льняного семени, из латука, из цикория, из портулака и из кервеля. Делают их мягчительными с проскурняком, с цветами фиалки с крестовником, с луковицами лилии и проч. и т.п., а иногда прибавляют одну унцию простого меда, а иногда — деревянного масла. Промывательное должно состоять весом от пятнадцати до двадцати семи унций самым большим собакам; употреблять его чрез четыре или пять часов после пищи.

6) **О ваннах.** Когда употребляют ванны как медикамент — действие их довольно ограничено, по той причине, что кожа у собак пор не имеет. Ванны полезны в некоторых случаях, как, например: в накожных болезнях, или когда нужно держать собаку в теплой атмосфере, чтоб произвести сильную циркуляцию жидкостей. Ванны назначаются более или менее теплые, прибавляя в них различные вещества, смотря по болезни. В кадке должно быть столько воды, чтоб она покрывала спину стоявшей в ней собаки. По выходе из ванны дать волю собаке отряхнуться; потом вытереть ее насухо свертком соломы и полотенцем. Зимою же не мешает держать собаку перед огнем, пока она совершенно высохнет.

   Летом, особливо в жаркие дни, следует собак купать утром и вечером: это им чрезвычайно здорово; но не следует их в воду бросать, а вводить осторожно, чтоб вода не налилась в уши; — при вводе сейчас же намочить голову. Если нет ни реки, ни пруда, то можно привозить в бочке к псарному двору колодезной воды и, дав ей немного согреться на солнце, мыть собак, окачивая из ведра. Слишком же холодною водою можно собаку простудить.

7) **О заволоках.** Во многих случаях необходимо ставить собакам заволоку. Это делается следующим образом: посреди шеи, на затылке, левой рукою оттягивают кожу, а правою протыкают сквозь этой кожи острую иглу с большими ушками, в которые вдета тесьма, намазанная нарывной мазью, Протащив сквозь кожи тесьму, концы ее связывают бантом; потом, чтоб собака не могла выдернуть эту тесьму при чесании, сверх нее повязывается легкий галстук. Заволоку утром и вечером развязывают, берут обеими руками за концы и передергивают направо и налево, чтоб дать исход нагноению; потом поддернувши тесьму к одной стороне, вытирают, намазывают свежею нарывною мазью и вдернувши ее на средину, опять завязывают и покрывают галстуком.

8) **О перевязке ран.** Перевязка ран у собак не так легка, как можно было бы предположить, по причине трудности удержать ее на месте. Каждый раз, при

перевязке, рану намазывают густо мазью, потом покрывают ее корпией и накладывают перевязку. Если мазь или примочка вредны для внутреннего употребления, то, для безопасности, чтоб собака не лизала, надевают на нее предохранительный (широкий) ошейник, который мешал бы собаке согнуть шею. Ошейник этот делается из медной латуни или из листового железа; а чтоб ребра ошейника не резали собаке шею — их загибают кромкой и обшивают чем-нибудь мягким: замшей или толстым сукном; на концах ошейника, где они смыкаются, делается по ровному числу дыр для продевания тесьмы или шнурка, чтоб ошейник можно было зашнуровывать свободнее или теснее, смотря по толщине шеи собаки и по ее характеру. Ошейник этот гораздо лучше и безопаснее намордника.

9) **О мазях.** Мы рекомендуем здесь несколько испытанных, отлично действующих и самых употребительнейших мазей с объяснением — в каком случае они полезны. Некоторые из них следует брать в аптеке, а другие можно составлять дома.

Мазь базиликонная. Ускоряет назревание нарывов и заживление ран.
Мазь египетская. Уничтожает дикое мясо, противится антонову огню и гнилости; очищает и живит раны.

Мазь свинцовая. Ее состав: берут свежего сливочного масла, свежего же свиного сала, бараньего сала, белого воска, свинцового экстракта (Extractum saturni) — каждой вещи по одной унции, прованского масла две унции. Сначала все жирные вещества растапливать с прованским маслом на легком огне и потом, когда, сняв с огня, мазь начнет чуть-чуть сгущаться, подливают понемногу свинцового экстракта, беспрестанно мешая лопаткой до тех пор, пока мазь совершенно остынет. Мазь эта превосходна от воспалений, утоляет жгучую боль, служит от опухоли жил, от мокрецов, нарывов; цинготных, венерических и ракообразных ран; потому что острые, разъедающие соки превращает в хорошую материю. При употреблении, мазь эту намазывают толсто на полотно и прикладывают к опухоли или ране, как пластырь. Сохраняют ее в банке, закрывая, по возможности, герметически; но лучше делать ее понемногу, потому что, старея, она теряет свои качества.

Лавровая или бабковая мазь употребляется для укрепления сухожилий и мускулов; она разбивает опухоли и уничтожает боли в сочленениях. При употреблении ее втирают долго.

Тополевая мазь. Весною, когда деревья еще не распустились, нарвать почек с черного тополя, растопить один фунт самого свежего свиного сала на легком огне и всыпать в это сало один же фунт почек; все это оставить на целый день настаиваться на самом легком огне; потом процедить, выжимая сильно, и сложить в банку. Мазь эта утоляет воспаления и обжоги; свойство ее разбивающее: она особенно употребляется с пользою при загрубении и скипении до затверделости молока в сосцах.

Мазь от обжоги. Берут четыре унции прованского масла, одну унцию свежего желтого воска и растапливают вместе на легком огне; потом выкладывают в мраморную ступку и, когда станет застывать, прибавляют туда четыре желтка из крутых яиц; все это мешают и хорошенько растирают, пока составится мазь. Употребляют ее как пластырь. А на скорую руку приготовленная мазь для

простого намазывания обожженного места делается следующим образом: сбивают вместе два белка свежих сырых яиц с одною унциею прованского масла и этим намазывают обожженное место.

10) **О чуме.** Болезнь эта может быть рассматриваема как род сапа, причиной которого постоянное раздражение перепонок желудка, причиняемое накоплением слизей, мешающих пищеварению. Признаки болезни: — собака совершенно теряет аппетит, делается скучною, кашляет с усилием ко рвоте, чтоб избавиться от слизей. Такие симптомы производят: раздражения нервов, шат, судороги, паралич, который часто сопровождает эту болезнь или бывает ее последствием. Подтверждением того, что болезнь эта не имеет других причин, кроме вышесказанных, может служить то, что ее легко предупредить слабительными, которые, очищая собаку от слизей и противясь их гибельным действиям, достаточны, чтоб не допустить появления этой опасной болезни.
Основываясь на этом, мы посоветовали бы господам истинным охотникам, которые держатся своей породы и сами занимаются воспитанием щенков, давать им слабительное каждый месяц, начиная с того времени, когда они отстанут от груди и примутся за корм, и продолжая до года. Употребляемым слабительным должна быть всегда манна (Mannae Calabrina), распущенная в молоке, начиная с пол-унции двухмесячным щенкам и прибавляя по мере возрастания животного, до двух унций с половиною.

Если щенкам не давали слабительного ежемесячно, то не дожидайтесь начала болезни, а поспешите последовать нашему искреннему совету, основанному на многолетнем опыте.

Появление болезни определяется следующими признаками: собака получает отвращение от пищи, становится скучна, слаба, робка, беспокойна, ищет темных и скрытных мест для лежки. Показывается насморк, глаза краснеют, дыхание горячее, нос сухой, язык покрыт желтоватою слюной. Вскоре липкие сопли истекают из ноздрей, густеют, затыкают отверстия, несмотря на чихания и усилия собаки, чтоб от них освободиться.

Часто последствием болезни бывает воспаление глаз, которые делаются слезливы и гноеваты; роговая плева покрывается язвами и скрывает глаз.
Случается, что собака только скучна и постоянно лежит; кашляет беспрестанно, делая в это же время напрасные усилия ко рвоте; бока ее втягиваются, все члены подергивает и сама она в ознобе.

Иногда замечаются судорожные движения, сильное беспокойство; у собаки глаза мутные, она бродит, шатаясь, и кусает все встречаемое, что заставляет подозревать в ней бешенство.

Впрочем, болезнь эта не имеет правильного хода: характер ее чрезвычайно изменчив. Некоторые собаки, из пораженных ею, гибнут скоро; другие, и в особенности те, у которых болезнь произвела сап и воспаление глаз, томятся долее и кончают тем, что изнемогают в судорожных припадках. Наконец, чаще всего, те, которые избавляются от смерти, остаются пораженными шатом или местным параличом.

При первых симптомах болезни собаку отсаживают и спешат дать ей рвотное, состоящее из двух гранов рвотного камня в порошке, — немного более или

менее, смотря по ее возрасту и силе. Можно заменить рвотный камень десятью гранами ипекакуаны в порошке. Когда действие кончится, дать больной молока. Впрочем, в каком бы положении собака ни была после рвотного, хорошо прописать ей мягчительные клистиры, которые ставить в продолжении нескольких дней, чтоб ее освежать и не допускать до запора. Если после этого пользования болезнь не прекращается, если истечение из ноздрей зеленовато-желтое, — должно поставить на затылке заволоку и непременно поутру и вечером передергивать, намазывая тесьму свежею нарывною мазью. К заволоке должно прибегать лишь тогда, когда болезнь не уступает первому пользованию. Во все продолжение болезни промывать теплым взваром просвирника глаза и ноздри, впрыскивая в последние, чтоб от гноя не произошло в них изъязвления. Диета должна быть самая умеренная и состоять из свежего лишь бульона и молока. Для питья давать подслащенной медом ячменной воды, которая чтоб постоянно была при собаке.

11) **О лихорадке.** Пульс щупается у собак наложением на артерию, находящуюся на внутренней стороне ляжки. Когда собака скучна, псовина ее песиковата, десны бледные — должно пощупать пульс. Если биение его твердое, частое и неровное, а кожа горяча — значит, что у животного лихорадка. Тогда следует приставить к шее двенадцать пиявок или пустить от шести до десяти унций крови и ставить два раза в день промывательные из льняного семени или из отрубей.

Во время пользования корм уменьшить и давать его жидкий. У собаки всегда должна быть свежая вода, потому что она в это время пьет много и часто. Восьми дней достаточно, чтоб при этом пользовании восстановить здоровье собаки, если только лихорадка не соединена с другою какою-нибудь болезнью. По излечении, собаке дают слабительное из манны с молоком.

12) **О разбитии или слабости ног.** Когда к лихорадке присоединяется сильное изнеможение, потеря аппетита, слезотечение, запыхчивость без причины — эти признаки показывают, что собака страдает разбитием. Причина этой болезни — чрезмерное утомление от продолжительной охоты и, в особенности же, если борзая собака, сейчас же после утомительной работы, ложилась в холодную воду (что часто случается!). Тогда собака чувствует сильную боль во всех членах и визжит жалобно каждый раз, как до нее дотронутся.

Должно поспешить поставить ей к шее дюжину пиявок; назначить ванны из мягчительных трав, каковы: листья проскурняка, бузина и т.п. Ванны делать два раза в день — утром и вечером, и каждый раз в продолжении получаса: они должны быть очень теплы — до такой степени, чтоб собака только что могла терпеть. Четырех или пяти дней достаточно этого пользования, если болезнь захвачена в начале; если же ею пренебрегли, она может превратиться или в местное поражение или в припадок воспалительный легких или каких-нибудь частей мускулов; тогда лечение бывает гораздо упорнее.

13) **О желтухе.** Это медленная лихорадка, во время которой десны, губы и глаза животного принимают сильный желтый цвет. Псовина делается дурная, как опаленная, аппетита нет, собака скучна, хвост опущен; урина густая и испражнение редкое, с сильным жилением. Лихорадка эта излечивается прохладительными. Собаку содержат на диете в продолжение восьми дней, дают ей пить ячменной воды, подслащенной медом и каждый день, в одно время,

ставят промывательное из латука или щепоти кервеля. По излечении дается слабительное из манны с молоком.

14) **О распетлице.** Если суку будут брать на охоту во время пустовки или вскоре после выкормления щенков, не дав ей, подобравшись, перелинять — у нее сделается распетлица. Распетлицею называется опухоль петли, в отверстии которой нарастает дикое мясо и — постоянное истечение крови из маточного рукава. Собака от такой болезни не годна к охоте, не будет давать щенков и окончательно изнемогает. — Лечение следующее. Дикое мясо вырезывается и прижигается ляписом; потом намазывается свинцовою мазью; маточный рукав спринцуется розовой водой, в которой распущена малая частица квасцов; или — остуженным отваром дубовой коры. — Внутреннее лекарство: в рюмке розовой воды или в крепко настоянной чайной воде растирается бульдасье (boule d'acier — стальной шарик); развести в этом десять гран камеди кино и эту смесь дать в один прием. Все эти средства — наружное и внутреннее — утром и вечером, а наружное — три или четыре раза в день. Однажды, за неимением камеди кино, я употребил аравийскую камедь (Gummi arabici), но только целую драхму, и собака была излечена. Пищу давать холодную и вяжущую, как, наприм.: студень, кислое молоко с сывороткой, остуженный взвар из телячьих ног и — т.п.

15) **О скорбуте или цинге.** Болезнь эта познается по следующим признакам: десны синие, даже черноватые; зубы обнаженные и шатающиеся, иногда выдающиеся. Животное слабеет, делается ленивым, худеет и погибает, если не будут пользовать. Болезнь эта появляется большею частью у тех собак, которые в постоянной лежке. Все противоскорбутные средства, употребляемые при лечении людей, могут быть употребляемы с пользою и здесь. Действительнейшее средство против скорбута — лимонный сок — по три столовые ложки в день; ежедневная провадка и свежая питательная пища.

16) **О глистах.** Глисты — это подлейшие враги собачьего рода и жесточайшие неприятели всех страстных псовых охотников, особливо неопытных. Старые охотники и те бьются с ними, как с подлыми шпионами, которые вредят и делают величайшее зло исподтишка. Вот и пример.

Молодой охотник достал пару щенков отличной породы. Производители широкие, бочковатые, ребристые, с лощиной вдоль всего позвоночного столба; следовательно, не только можно, но должно ожидать того же и от их детей, при хорошей выкормке. Хозяин кормит щенков отлично: первые два месяца молоком, потом просеянной овсянкой с бульоном и, наконец, с вареным мясом. Но, удивительная вещь! Щенки начинают худеть; едят переменно — то жадно, то понюхают только корм. Чешут их гребнем, гладят суконкой, холят, — а псовина на них все-таки песиковатая, взъерошенная, оборванная; нос сухой, чихают и трут себе лапой ноздри; наконец — начинают ездить на заду, как на салазках, вытянув под себя, по земле, задние ноги. Признак всем известный! — «Фю-фю-фю!», свистит молодой охотник. «Так вот что! Вот они глисты-то. Это они уничтожали корм в желудке щенков и довели их до отвратительного положения». — Молодые собаки, вместо ожидаемого богатырства, страдая коликами, а иногда — воспалением желудка, обратились в мумий, в скелетов, обтянутых кожей. — Да отчего же появились эти проклятые глисты? От пустой, маловажной, кажется, причины: — оттого, что воспитатель забывал иногда приказать выкинуть оставшийся старый корм, а прислуга не догадывалась (как

вообще наша русская прислуга); корм окисал, посуда не вымывалась до чиста и приняла кислый запах — любимую атмосферу глист, зародыши которых, находящиеся в кишках щенков от рождения, и развились с полной силой. Оттого, что не очищали щенков от этих зародышей, от накопления слизей и засорения желудка всякою дрянью, которую щенки хватают на игре (даже свой помет); — редко давали слабительное.

Кроме вышесказанных признаков присутствия глист, можно заметить их в испражнении щенков и собак. Белые плоские пятнышки, похожие на тыквенные семена, но только в миниатюре: вот это они-то и есть злодейки! — Я не говорю о круглых глистах — аскаридах: эти редко выказываются без употребленного против них средства. О предохранении собак от глист я писал в 1-й части этих записок, в статье о воспитании щенков; теперь скажем о лечении от глист.

а) Сварить молодого, свежего полыня в воде, вместе с чесноком; процедить взвар, разлить по бутылкам и угощать этим больных натощак: щенкам давать по полрюмке, а взрослым собакам по целой рюмке утром и вечером. Угощение это продолжать дней пять или неделю; а потом дать, тоже натощак, хорошую порцию клещевинного масла (Oleum ricini): щенку — от четырех до шести месяцев — столовую ложку, а собаке — рюмку.

б) Цытварного семени 2 скрупула. Порошка маунного корня 2 скрупула. Полынного масла 8 капель. Составить одну пилюлю на сиропе.
Таких пилюль давать натощак по одной в течение пяти дней; а на шестой день дать такой же прием клещевинного масла, как сказано выше. Щенкам же состав пилюль уменьшить, смотря по их возрасту.

в) Взять одну драхму Коссо или Коуссо (Brayera anthelminthica) в порошке, который можно достать в каждой аптеке, и составить четыре пилюли. Страдающую глистами собаку оставляют без пищи с полудня до следующего утра; утром же, натощак, через каждые пятнадцать минут, в продолжение часа, давать по одной пилюле. После четвертой, т.е. последней пилюли, через час дать прием клещевинного масла (Oleum ricini), такой же, как сказано выше. Когда собаку хорошенько прослабит, то часа через два или три можно ее накормить легким, но питательным кормом.

г) Доктор Маркс предлагает следующее средство противу глистов: «Лучше, сильнее и благонадежнее всех доселе известных средств действуют семена пижмы — (Tanacetum vulgare L.) — Fanaisie, Rainstarn, Wrotycz — растения очень обыкновенного и везде известного простому народу. Оно распространено у нас повсеместно. Растет безразлично почти на всех почвах, чаще же встречается около дорог и жилых мест, как-то: деревянных строений, заборов, плотин и т.п. Прием чайной ложки этих семян, в цельном виде, со столовою ложкою меду (многие советуют лучше в воде; потому что мед натощак вреден), принимаемый ежедневно натощак, по прошествии трех дней, гонит без различия всех глистов, обитающих в кишечном канале, особенно, если на четвертый день больной примет легкое слабительное, напр., ложку клещевинного масла (собаке следует две ложки или рюмку). Пижма прогоняет глист слепой кишки и круглых глистов; не уступает цытварному семени в действии на аскаридов. Если же прибавить к каждому показанному приему по 8—15 (смотря по возрасту) капель папоротникового масла (Ol, Polystrichi Filicis maris Roth. s. Polypodii — L.), то плоская глиста, или так называемый солитер, выйдет в целости, без остатка».

Примечание. Во время лечения от глист следует кормить собак более мясным кормом, давая по временам свежего сырого мяса и обегая, по возможности, мучного корма.

17) **О ранах.** Раны бывают различные, смотря по месту и состоянию, в каком они находятся и — причинам, которые их произвели. Простые раны, происшедшие или от острого орудия, или от грызни между собою собак, или от волчьей хватки, лечатся примочками гулардовой воды и арники. Перуанский бальзам превосходен от свежих ран. От разных гноеватых и злокачественных ран следует употреблять вышеописанные мази, сообразуясь с видом раны и свойством мази.

18) **О ранах от укола.** Часто случается, что собака наколется какою-нибудь частью тела, а больше ногами, о шиповник, терновник, гвоздь и, вообще, обо что-нибудь подобное — тонкое и острое. Заметив этот укол или хромоту, следует сейчас же рану осмотреть — нет ли в ней занозы; если окажется, то ее вынуть, потом выпустить кровь из ранки, нажимая пальцами, и промыть ее водой с вином. Но если укол не заметили и заноза осталась в нем, то произойдет воспаление и нагноение; тогда поспешить вынуть занозу, расширив ранку, если она глубока, чтоб дать гною свободное истечение и пользовать, как сказано о ранах. Если же образуется нарыв, то употреблять средства, описанные ниже сего.

19) **О нарывах.** Хотя нарыв бывает иногда последствием болезни, но чаще всего он появляется после дурно залеченной опухоли от ушиба. — Лишь только воспаление и вздутие кожи покажет, что хочет образоваться нарыв, то немедленно употреблять мягчительные припарки, чтоб — или развести эту опухоль или произвести наружный нарыв. Чтоб нарыв назрел скорее — прикладывают винную ягоду, разваренную в молоке и разрезанную вдоль. Ягода не должна быть горячая, чтоб не обжечь больное место, но — очень теплая; приложить ее к нарыву мякишем, т.е. внутреннею стороною. Мягчит также припарка из льняного семени, разваренного в молоке; хорош также, в этом случае, мякиш белого хлеба, намоченный в теплом молоке. Но ничто не заставляет образовавшийся уже нарыв назреть так скоро, как русская простонародная мазь, составленная из мякиша ржаного хлеба, щепоти соли, мыла и печеной луковицы: берется всего поровну и все это растирается вместе, намазывается на чистую тряпку и прикладывается к нарыву. Когда нарыв прорвется — прикладывать спуск до излечения. Если же нарыв злокачественный, то употребляется свинцовая мазь, описанная выше.

20) **Жаба, свинка или заушница** лечатся одинаково. Следует употреблять кровопускание, приставлением к груди двенадцати пиявок или бросить кровь из шейной жилы — от шести до восьми унций, смотря по росту и силе собаки; держать ее в тепле и делать припарку опухших мест из мягчительных трав: богородской, мальвы, просвирника и т.п.; шею обвязывать заячьей шкуркой или овчинкой. Если же сделается опухоль под горлом, то можно обойтись без кровопускания, дав собаке две столовые ложки клещевинного масла (Oleum ricini); но непременно припаривать раза четыре или пять в день и обвязывать овчинкой, разумеется, не в летние жары, а в холодное время. Хороший исход болезни — когда опухоль совершенно размякнет, прорвется и выйдет из нее

много материи. Ранку залечивать примочками не следует, а промывать теплою жидкостью из-под припарки, т.е. настоем мягчительных трав.

21) **О молочном загрубении.** Если кто желает отнять щенков от матери, то, чтоб у нее молоко прошло скорее, не загрубело и не сделалась грудница — прикладывают к сосцам чернозем, смоченный уксусом; другие натирают их белым вином, настоянным петрушкой; но опять-таки, самое лучшее — это русское лекарство: припаривание квасной гущей, которая не должна быть очень горяча; но чтоб рука терпела. После припарки держать собаку в тепле до охлаждения. Редко бывает, чтоб молоко не прошло чрез шесть или восемь дней. Но когда вспомнили о припарке слишком поздно, молоко сселось и сосцы загрубели с сильной болью, — тогда, кроме припарки, должно натирать их легонько мазью тополевой или лавровой. — Иногда случается, от невнимания и недосмотра, что загрубевшее молоко обращается в скир (жесткую опухоль), который, постепенно увеличиваясь, делается с куриное яйцо, но без замечаемой в животном боли; однако скир этот, впоследствии, обращается в рак. Если все разбивающие средства были употреблены, то следует решиться произвести операцию и вырезать эту затверделость. Кровотечение тут не опасно: сначала следует залить рану перуанским бальзамом, а потом собака ее залижет и воспоследует заживление. Если же образуется нарыв, который разрешится нагноением, тогда употребить свинцовую мазь.

22) **О пупочной грыже.** У щенков часто случается пупочная грыжа, которая происходит от следующей причины: многие суки, особливо молодые, не отгрызают пуповины у щенков, которая подсыхает и сама отпадает; у таких щенков грыжи не бывает. Но старые суки начинают умничать, разыгрывают роль повивальных бабок и отгрызают эту пуповину слишком близко; впоследствии, пупок выпячивается из живота, через что и образуется грыжа. Должно ежедневно, по несколько раз вправлять грыжу, и если она все-таки будет выходить, то удерживать ее бандажом. Часто случается, что охотник не доглядит: образуется огромная грыжа, мешающая малейшему напряжению животного — и чрез это гибнут, иногда, отличные собаки.

23) **Об ушибах.** При сильном ушибе, могущем дойти до воспаления, следует собаке бросить кровь от пяти до восьми, даже до двенадцати унций (все-таки смотря по росту и силе собаки) или — поставить двенадцать пиявок к месту ушиба; а потом примачивать примочкой из арники. В легких же ушибах примачивать арникой без кровопускания. В больших ушибах — боков, спины, крестца и тому подобное примачивают следующим образом: чистое полотенце складывают вдвое или вчетверо, смачивают примочкой и прикладывают к ушибленному месту; а потом не давать полотенцу высыхать, чтоб оно всегда было волглое. Если собака будет лизать арнику, то тем лучше: ее дают внутрь от ушиба.

24) **Обжог.** Случается, что собака обожжется, тогда, чтоб утешить боль, чаще прикладывать сырой картофель, растертый на терке или компресс, смоченный водой, в которой разведен поташ. Потом намазывать обожженное место тополевою мазью. Можно также употребить, немедленно по обожжении, мазь от обжога, описанную выше. Спуск тоже производит хорошее действие. Вода, насыщенная квасцами, хорошее же средство; наконец — свинцовая мазь, гулардова вода отлично помогают.

25) **О лишаях.** Два рода лишаев, которыми подвержены собаки: один сухой, а другой гнойный. Сухие лишаи узнаются по плешинам, которые делаются у собак, большею частью на ушах, около глаз, на локотках, на задней части около корня хвоста и на внутренней поверхности ляшек. Когда потереть этот лишай, то показывается сероватая пыль; но он не опасен. Здоровая, прохладительная пища и легкое втирание серной мази достаточны для его уничтожения. Мокрый лишай всегда мокнет и имеет круглую форму, величиной от гривенника до четвертака. Против него хороша свинцовая мазь; но должно надевать на собаку предохранительный ошейник, чтоб она не лизала намазанного места. Во время лечения давать собаке внутрь, попеременно, одну драхму сабура, в продолжении четырех дней и две драхмы камеди — столько же дней. Это врачевание употребляется многими, но не мною.

Вот мои средства: Вообще, при появлении накожных болезней, как, наприм., чесотки, лишаев и тому подобных сыпей, никогда не следует начинать пользование наружными средствами, а прежде должно очистить кровь и изгнать из внутренности все нечистоты наружу. Вначале всего давать взрослым собакам по утру и вечером десертную ложку серного цвета с шестью гранами антимонии в стакане теплого молока. Щенкам же давать чайную ложечку серного цвета, чайную ложечку магнезии и два грана антимонии, тоже в молоке — утром и вечером. Мясного корма не давать, а легкий бульон с молоком. В течении шестидневного употребления лекарства, сыпь показывается сильнее; но потом скоро подсохнет и собака будет чиста. Если же сыпь продолжится, то, после сказанных шести дней, употреблять один из отваров, описанных г. Реуттом в его «врачебных пособиях», а именно:

1) «Корня белого чемеричника (Veratrum album) 6 золотников варить в двух бутылках воды четверть часа; процедить жидкость и положить в нее шесть золотников поташа и столько же серной печени в порошке. Этим составом обмывать собаку раз в день до выздоровления».
2) «Полведра крепкого щелока налить на один фунт изрезанного бакуна (т.е. самого простого, крепкого, русского папушного табаку), смешанного с полуфунтом накрошенного сладкого корня.

Весь этот состав варить в закрытом горшке, пока откипит пятая или шестая часть жидкости. Этим отваром, через день, натощак, мыть собаку до тех пор, пока чесотка совершенно исчезнет. Потом вымазать собаку коровьим маслом, смешанным с тертым порохом, для скорейшего возращения шерсти». — Все же меркуриальные мази пусть употребляют те охотники, которые доводят своих собак до сквозных паршей. У истинного охотника такого непозволительного события не может случиться никогда. — Во все время лечения, если оно случится зимой, держать собак в избе, т.е. в тепле.

26) **О мозолях.** Это морщиноватые затверделости кожи, которые образовываются большею частью на голове, на задней части около хвоста, на локотках и на лапах собаки. Псовина на этих местах выпадает и это чрезвычайно безобразит собаку. Мозоли натирают теплым деревянным маслом, чтоб их смягчить, и потом прикладывают к ним спуск. Если мозоли упорны, то лечить их как лишаи.

27) **Бородавки.** У собак появляются иногда бородавки: обыкновенные и — какими-то длинными пипками — на щипце, на наружной части губ, на лапах и на других местах. Самое лучшее и вернейшее средство сводить бородавки и все подобные наросты (как у людей, так и у собак) следующее: налить в пузырек уксус

четырех разбойников (спросить в аптеке), всыпать в него истолченного мелко нашатыря и взбалтывать, чтоб нашатырь расходился; пока нашатырь будет расходиться — продолжать всыпать; наконец, когда уксус до того насытится, что нашатырь расходиться не будет — примочка готова. Этой примочкой смачивать бородавку и около нее пять или шесть раз в день; через три или четыре дня она подсохнет, выпадет с корнем и более не появится.

28) **Надсада или надорвание.** Надсада есть чрезмерное вытянутие некоторых мускулов из оконечностей собаки, от чего она храмлет и делается неспособною к службе. Это случается с борзыми от езды по пашне в грязное время и притом — когда грязь сгустилась. Собака тонет выше локотки задней ноги, употребляет все усилия и, от натуги, вытягивает мускулы и жилы. Лишь только будет замечено, что собака храмлет, должно осмотреть всю ногу и пазанок для поверки, что хромота происходит не от занозы; тогда, ощупывая в разных местах больной член — узнается, где чувствуется боль. Больное место нужно натирать камфарным спиртом по несколько раз в день и дать собаке покой. — Недавняя надсада проходит после нескольких дней такого лечения; но если надсада застарелая и после сказанного пользования собака все-таки храмлет, тогда должно приставить к больному месту пять или шесть пиявок; а потом — натирать смесью камфарного спирта, распущенного в нем мыла и скипидара, всего по равной части. Тереть сильно перед огнем, чтоб втирание скорее проникло.

Иногда растяжение мускулов бедра бывает так велико, что собака совершенно вытягивает тетиву (Ахиллесову жилу), которая собирается узлом в одно место и собака становится уже на весь пазанок задней ноги, т.е. не только на лапу, но и на локоток. Должно растирать все бедро до самого локотка вышесказанной смесью раз шесть в день до излечения. У меня был анатольский куцый кобель, который вытянул совершенно обе тетивы и становился задними ногами на локотки; он не только не бегал, но с трудом ходил. После постоянного ежедневного растирания по несколько раз ровной смесью одеколона и скипидарного масла — тетивы пришли в нормальное положение, окрепли, собака совершенно выздоровела и, к величайшему моему удивлению, даже ловила русаков.

29) **Ссаднение мякишей** и, вообще, повреждение лап происходит от травли в засуху или в жесткое зимнее время или по каменистому грунту или, наконец, по ковыльной степи, недавно скошенной. — Для излечения смешивают сырые яичные белки, печную сажу и уксус; все это сильно сбивают и потом прикладывают к больному месту. Но если близка аптека, то самое лучшее — намазать садна аспидным, т.е. лавандовым маслом и лапу завязать, не для того только, чтоб собаке было не больно ходить; но запах масла слишком силен для животного и производит головную боль. Через два часа повязку снять и приложить уже на хлопке лавровой мази и опять завязать. Само собою разумеется, что собаку тогда лишь можно брать в поле, когда она совершенно выздоровеет. Случается, что кожа на мякише не совсем сорвана, а только задралась, — тогда кожу эту следует срезать острыми ножницами и потом уже пользовать; в противном случае лечение ссаженного места будет продолжительнее.

30) **О мокрецах.** Когда берут собаку на охоту с лежки, сытую, не врысканную — у нее непременно сделается мокрец в лапах и между пальцев, от которого она

будет хромать. Мокрец излечивается в два или три дня следующим образом: сырую луковицу истолочь в медной ступке, прибавить туда по щепоти печной сажи и простой соли; все это стереть вместе и выложить в тряпку. Промыть мокрец гулардовой водой, а потом напустить в него жидкости сквозь тряпку, надавливая ее пальцами, и лапу завязать. Примачивать раза три в день.

31) **О вшах.** На собак, особливо на двухмесячных щенков, нападают иногда вши. Вши эти вроде мелкой, черной земли, но раздавивши покажется кровь. Они так впиваются в тело животного, что вычесать их гребнем нет возможности; тогда, как собак, так и щенков следует вымыть раза два или три обыденным квасом, в котором настоять бакун (простой папушный табак) в продолжении суток.

32) **О воспалении глаз.** При воспалении — глаза красные, полузакрытые, слезливые, веки опухшие. Употреблять следующую примочку: на стакан черемуховой воды прибавить две столовые ложки гулардовой воды и две чайные ложки камфарного спирта-82; смешать хорошенько (пропускать эту смесь сквозь фильтру совсем не нужно): примочка готова. Примачивать раз шесть в день, впрыскиванием чрез гусиное перо; а к векам прикладывать чистую тряпочку, смоченную этой примочкой.

33) **О бельмах.** Единственное лекарство и действительнейшее, если бельмо произошло от засорения или от сильного воспаления — пускать в глаз самый мельчайший порошок леденца, смешанного с малым количеством квасцев, тоже в порошке; или — мелко истолченный сахар с таким же имбирем, просеянными сквозь тонкий и плотный холст. Пускают в глаз чрез гусиное перо, дувши в него. Если же бельмо произошло от наткнутия и повреждения глаза, то никакие лекарства, ни наружные, ни внутренние не помогут.

34) **Ушная водянка.** Болезнь эта заключается в расстройстве перепонок, расположенных между кожею и хрящом мочки уха. Часть эта страшно вздувается, делается пузырчатой, болезненной и наполненной водою. — Нужно сделать большой разрез, выпустить воду, вложить в рану корпию, напитанную следующею тинктурою:

a) Египетской мази или яри медянки одну унцию,
b) серной кислоты и
c) селитряной кислоты по две драхмы;
d) скипидарного масла одну унцию и
e) винного спирта одну унцию. — Смешать.

35) **Внутренний ушной рак и наружный ушной рак** чрезвычайно часто случаются у борзых, гончих и легавых. Лечение этих болезней описано очень хорошо в книжке «Описание болезней собак» — Франца Клатера.

36) **О переломах.** Часто случается, что азартная собака переломит себе ногу. При первом приступе к пользованию следует на переломе выстричь псовину и бросить кровь если опухоль сильна; потом, призвав искусного костоправа, вправить кость как можно лучше и вернее, обернуть перелом куделью, чисто вычесанною (без малейшей кастриги) и напитанною камфарным спиртом; наложить сверху хорошо прилаженные лубки, для удержания которых на месте — употребить бандаж; но не стягивая слишком сильно, чтоб не препятствовать опухоли и воспалению, которые необходимы в этой болезни; чаще смачивать прикладку камфарным спиртом, но не снимая оную. По прошествии же десяти

дней перевязку осторожно снимают, снова смачивают кудель, накладывают опять перевязку, которую аккуратно снимают только через десять дней. — Собаку должно отделить, надев широкий предохранительный ошейник, и наблюдать за ней, чтоб она не сбила перевязку.

Если во время пользования, которое должно продолжиться сорок дней, покажется на больном месте нарыв, — должно употребить все средства к скорейшему его назреванию и вскрытию, чтоб не допустить изливающейся материи произвести больший вред.

После сорока пяти дней перелом срастется; но с собакой можно охотиться только спустя три месяца по излечении; и все-таки она будет хромать после продолжительной или тяжелой охоты.

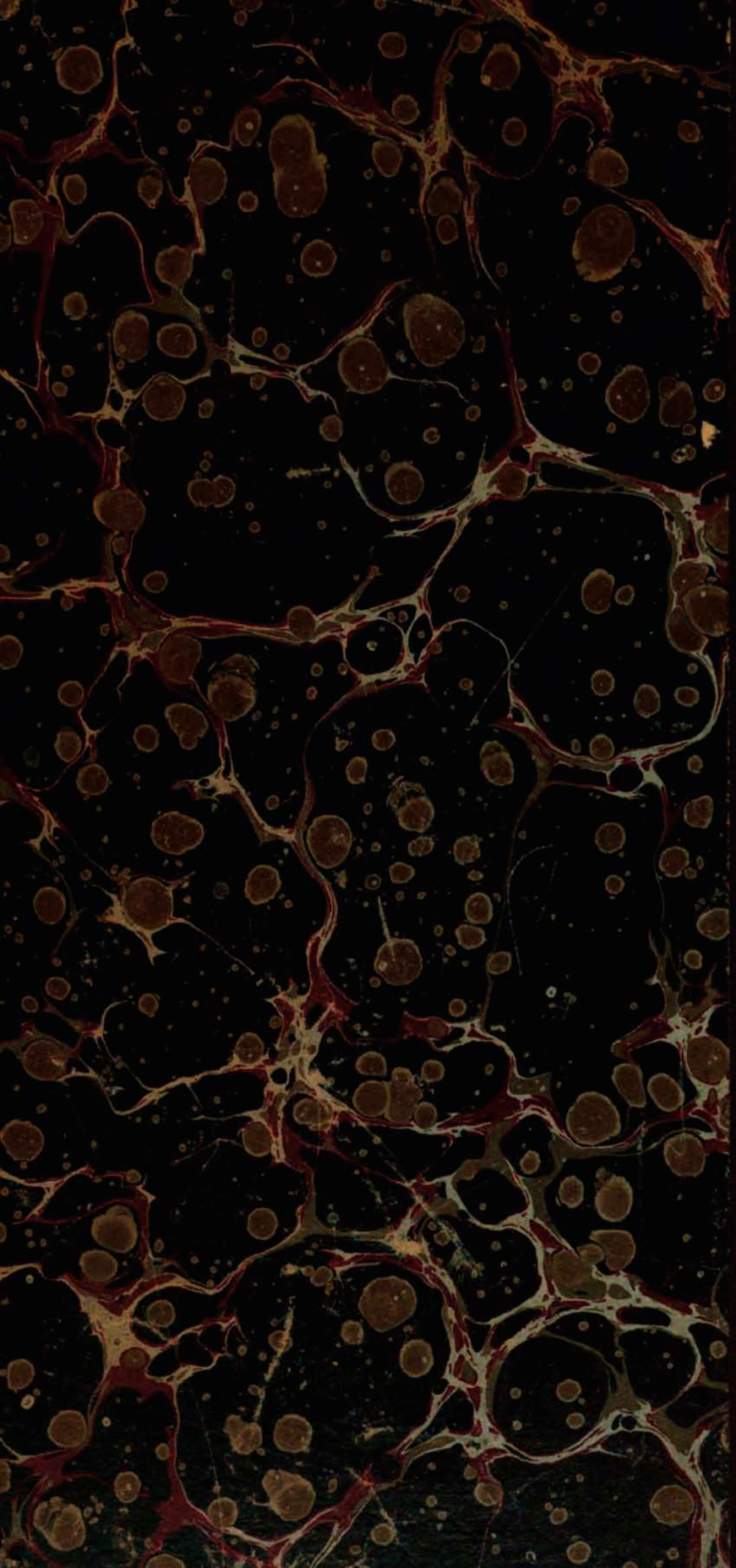
37) **Английская болезнь (Rachitis).** — Ничто так не уродует собак, как английская болезнь. Начинается она, обыкновенно, у двух и трехмесячных щенков напуханием сочленений в сгибах передних ног, затвердением этих опухолей вроде шишек и совершенным искривлением ног; далее делается безобразная перелякость степи, как будто перелом позвоночного столба и, наконец, обезображиваются и задние ноги: локотки сводятся вместе, а пазанки выворачиваются в поле. Происхождение болезни должно быть известно гг. ветеринарам, а по наблюдениям псовых охотников развивается и увеличивается она от содержания щенков в сыром месте и от густого мучного корма. Лечим мы эту проклятую болезнь животною пищею и ваннами. Мясо должно всегда давать свежее и впросырь; а ванны делаются двоякие:
    а) из ботвы, т.е. из морковной травы (которая сушится в тени) и
    б) песчаные: из красного борового песку, нагретого солнцем или — в крайности — на лежанке или — русской печи.

Продержав щенка в морковной ванне, не доводя до сильного ослабления, вынуть; — натереть ему хорошенько позвоночный столб и оконечности муравьиным спиртом; а потом посадить в нагретый песок, в котором дать ему полную свободу копаться и зарываться. Все это повторять ежедневно, утром и вечером до излечения.

Заключение

Настоящий мой труд «ЗАПИСКИ ПСОВОГО ОХОТНИКА СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ» — плод моих 45-летних практических наблюдений и охотничьего опыта. Об этих «ЗАПИСКАХ» я позволю себе сказать только то, что составлял их честно и добросовестно, основываясь на фактах, в шарлатанстве ни один человек, коротко меня знающий, упрекнуть меня не может, а заслуживает ли мое сочинение внимания дельных охотников, это будет зависеть от их отзыва после справедливого, беспристрастного рассмотрения и обсуждения.

Все дельные, основанные на опыте, замечания будут приняты мной с полной признательностью, потому что каждый человек справедливых и верных замечаний опытных специалистов совершенствуется в знании общего с ними предмета занятий. Но, к сожалению, есть замашки у некоторых журнальных критиков, которые из желания выказать свое значение и сказать что-нибудь, приписывают автору, критикуемого ими сочинения иногда свою, такую дикую фантазию, такую чепушиннейшую ерунду, о которой неповинный автор не только не воображал писать, но — даже и не слыхивал.

Я прошу гг. уважаемых читателей не забывать того, что предлагаемый труд мой больше ничего, как «ЗАПИСКИ ЛЮБИТЕЛЯ ПСОВОЙ ОХОТЫ», а не фундаментальное сочинение или полный самоучитель псовой охоты. Такое сочинение должно быть непременно иллюстрированным и более подробным, но я сделал то, что мог, а не то, что бы и как бы хотел.

П.М. Мачеварианов